

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 10 ЖУРНАЛИСТИКА

№ 2 • 2012 • МАРТ — АПРЕЛЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Засурский Я.Н. Колонка редактора: Год президентских выборов: Россия (4 марта), Франция (22 апреля), Соединенные Штаты Америки (6 ноября). 5

Литературный процесс и журналистика

Борису Ивановичу Есину 90 лет 11

Раздел 1. Журналистская работа писателя

Лапина Г.С. «И между тем я... литератор» (в связи с одним прошедшим юбилеем одного пошехонского литератора). 13

Петровицкая И.В. Переписка Льва Толстого с писателями, журналистами, издателями 21

Гусев Н.В. В.Ф. Одоевский и альманашный тип издания в России 1820—1840-х годов 41

Поддубцев Р.А. А. Платонов — писатель и публицист: ранние годы . . . 54

Раздел 2. История литературной журналистики

Прохорова И.Е. В.Г. Белинский vs С.П. Шевырев: Реализация конфронтационной стратегии в журнальной полемике (1836 год) 68

Скарлыгина Е.Ю. Литературный процесс в России 1970—1980-х годов и журналы русской эмиграции 84

Раздел 3. Творчество писателя в оценках критики

Орлова Е.И. М. Булгаков и М. Волошин в 1920-е годы 94

Сергеева-Клятис А.Ю. В. Вейдле — критик Б. Пастернака 108

Реклама и связи с общественностью

Шилина М.Г. Корпоративная интернет-коммуникация в системе связей с общественностью. 118

Телевидение и радио

Иеромонах Сергей (Родченко). Типологические особенности широкоформатного церковного радиовещания (на примере радиостанции «Град Петров») 132

Зарубежная журналистика

Самуэл Бречка. СМИ в Словакии после 1989 года: основные тенденции развития. 144

Ведется исследование

Замыслова Е.Е. Н.В. Гоголь о Шлецере (статья «Шлецер, Миллер и Гердер») в контексте журнальных публикаций 1810—1830-х годов . . 152

Семкин М.А. Дискурс политического комментария в технологии ведения информационных войн (на примере отражения грузино-осетинского конфликта в российских и англоязычных СМИ) . . . 167

CONTENTS

<i>Zassoursky Ya.N.</i> Editorial: The Year of Presidential Elections — from Russia to France to USA.	5
---	---

Literary Process and Journalism

Boris Ivanovich Esin — 90 years	11
---	----

Part 1. Writers' Journalist Works

<i>Lapshina G.S.</i> “..and Still I'm a Litterateur” (To the Past Jubilee of One Poshekhon Litterateur).	13
<i>Petrovitskaya I.V.</i> Leo Tolstoy's Correspondence with Writers, Journalists and Publishers.	21
<i>Gusev N.V.</i> Odoevsky and Russian Almanacs of 1820s—1840s	41
<i>Poddubtsev R.A.</i> Andrey Platonov — a Litterateur and a Publicist: The Early Years.	54

Part 2. The History of Literary Journalism

<i>Prokhorova I.E.</i> Belinsky vs Shevyrev: Implementation of Confrontation Strategy in Magazine Polemic of 1836	68
<i>Skarlygina E.Yu.</i> Literary Process in Russia in 1970s—1980s and Magazines of Russian Emigration	84

Part 3. The Critics' Assess of Writer's Creative Work

<i>Orlova E.J.</i> Bulgakov and Voloshin in 1920s.	94
<i>Sergeeva-Klyatis A.Yu.</i> Veydle as Pasternak's Critic.	108

Advertising and Public Relations

<i>Schilina M.G.</i> Corporate Public Relations in the System of Public Relations . . .	118
---	-----

Television and Radio

<i>Hieromonk Sergiy (Rodchenko).</i> Typological Features of Church Radio Broadcasting	132
--	-----

Foreign Journalism

Brecka S. Media in Slovakia after 1989 144

Research is Being Carried Out

Zamyslova E.E. Gogol on Schlözer 152

Semkin M.A. Political Commentary Discourse in Information Wars 167

Я.Н. Засурский, профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой зарубежной журналистики и литературы, президент факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

**КОЛОНКА РЕДАКТОРА:
ГОД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ:
РОССИЯ (4 марта), ФРАНЦИЯ (22 апреля),
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ (6 ноября)**

Новый 2012 год начинается с острых дебатов во многих странах по поводу выборов президента. Действительно, в этом смысле 2012 год очень интересный — проходят выборы президентов во многих странах. И при этом во многих странах к руководству должны прийти новые люди. В Соединенных Штатах приближаются так называемые «промежуточные» выборы. Сегодня идет кампания по поводу того, кто будет баллотироваться в президенты на следующий срок. Действующий президент Барак Обама уже завершает один свой срок. Второй срок, если его изберут, начнется в январе 2013 года.

Республиканцы в течение последних четырех лет должны были довольствоваться ролью оппозиции, хотя у них даже было большинство в сенате, но в палате представителей они уступали демократам, сейчас перед ними возникла гипотетическая возможность добиться избрания президентом республиканца.

У демократов на пост президента претендует действующий президент Барак Обама. По американской конституции он имеет право на два срока и он уже выдвинут своей партией — демократами, в качестве кандидата на пост президента в следующем четырехлетии. Обама ведет достаточно энергичную кампанию, как и поддерживающая его Демократическая партия.

Лидеры Республиканской партии восприняли выборы 2012 года как возможность вернуть в Белый дом президента-республиканца. Появилось множество претендентов, уже прошли два отборочных тура — предварительные выборы в Нью-Хэмпшире и Айове. На этих выборах состязались кандидаты-республиканцы (у демократов с кандидатом все ясно — им будет Барак Обама). Цель республиканцев — иметь в Белом доме своего человека, республиканца.

Уже прошел один срок президента Обамы, и сейчас он должен решить важную проблему — переизбраться на новый, второй и последний срок. Он ведет интенсивную и интересную

кампанию. Главное — он стремится добиться выполнения своей программы, которая предусматривает развитие законодательства о здравоохранении, начатое им реформой системы охраны здоровья, и, кроме того, решить финансовые проблемы Соединенных Штатов, поскольку сегодня весь мир озабочен финансовыми трудностями. Кризис активно и все более агрессивно надвигается на многие страны и в том числе на Соединенные Штаты. В этих условиях достаточно острого развития кризиса демократы хотят переизбрать президента Обаму, а президент Обама предлагает свои варианты преодоления кризиса. В этом ему готовы помочь те, от кого развитие этого кризиса во многом и зависит — богатые американцы. Многие американские богачи решили, что, когда Америке грозит кризис и экономическая катастрофа, они должны пожертвовать своими личными интересами и потому они предлагают увеличить свой вклад в бюджет в виде налогов. Это показатель двух важных моментов.

Первое — положение очень опасное, тревожное и оно заставляет задуматься самых заинтересованных людей, самых богатых американцев.

Второе — эти богатые американцы готовы на экстраординарные меры: они готовы заплатить деньги за свое благополучие. Они готовы увеличить налоги на богатых и сверхбогатых, и за счет этого решить многие проблемы финансового кризиса для Соединенных Штатов. Одновременно с этим они считают, что могут таким образом решить и другую проблему — в Америке сегодня очень большой разрыв между богатыми и бедными. Этот разрыв увеличился в условиях кризиса, и сегодня для успешного развития экономики его необходимо сократить, т.е. необходимо изменить некоторые моменты в налогообложении с тем, чтобы богатые платили больше. И американские богачи готовы жертвовать деньги для того, чтобы спасти систему. Этот интерес заставляет их поступиться многими личными финансовыми достижениями ради спасения Америки и сохранения ее экономического благополучия. Конечно, это очень показательное для сегодняшней Америки стремление одновременно решить и проблемы экономики, и сократить разрыв между бедными и богатыми.

Барак Обама по этому поводу энергично выступает и действует. У него есть свои идеологи, свои советники. Один из них, Пол Кругман, выдвигает новую американскую налоговую концепцию для того, чтобы изменить ситуацию и остановить падение в финансовую пропасть, которое может произойти в случае дальнейшего углубления кризиса, и за счет опреде-

ленных жертв со стороны самых богатых вывести Америку из кризиса, и тогда создать условия для нового шага вперед.

Это интересное решение отличается от того, которое в 30-е годы XX века принял президент Рузвельт во время Великой депрессии. Рузвельт тогда организовал общественные работы, строительство дорог, строительство гидроэлектростанций. Он хотел дать работу американцам, чтобы вытащить их из долговой ямы уже поразившего страну кризиса, в результате которого были разрушены многие банки, многие большие состояния были потеряны. Казалось, что Америка катится в пропасть.

Рузвельт призвал американцев сплотиться и для этого организовал общественные работы, которые, с одной стороны, давали занятость тем безработным, которых оказалось чрезвычайно много, и, с другой стороны — давали новый и очень существенный толчок в экономике. Строительство автомобильных дорог помогло Америке стать еще более динамичной. Автомобилизация Америки пошла еще быстрее, а это не только ускорило перевозку товаров, но и заставило экономику работать. И работая, американская экономика в каком-то смысле решала и финансовую проблему.

Рузвельт принял решения. Которые позволили ему улучшить положение безработных и беднейших слоев. И эта программа, которую называли «кейнсианской», послужила образцом для многих других аналогичных решений в кризисных ситуациях 1930-х годов. Рузвельт победил кризис, и это произошло благодаря тому что он сумел поднять американскую экономику за счет поддержки ее самых уязвимых мест.

Вместе с тем для окончательного преодоления кризиса многое сделало участие Америки во Второй мировой войне. Военная промышленность Соединенных Штатов заработала на полную мощность, снабжая самолетами, танками, всеми видами оружия армии, флот и авиацию союзников. Война оказалась фактором, который помог преодолеть кризис, и нужно сказать, что это изменило в Америке отношение к военной промышленности и к войне. Если в Европе война для населения — это всегда что-то страшное, это всегда трагедия погибших от бомбежек, погибших на полях сражений, то в Америке Вторая мировая дала работу американцам и создала новую психологию «Война — значит работа». В этом смысле отношение к войне в Америке и Европе не совпадает. Для американцев война — это, конечно, жертвы, конечно, ужасно. Но это и работа. А это значит, что американцы будут работать, будут жить. Одна американка в ходе опроса о том, как она относится

к войне, сказала: «Я хочу, чтобы война продолжалась столько времени, сколько мне понадобится для того, чтобы выплатить мою закладную». Я не думаю, чтобы кто-нибудь из европейцев мог так сказать. Тогда это сработало. И американские танки, «студебекеры», самолеты служили и на фронтах Великой Отечественной войны: они поступали по Северному морскому пути, через Мурманск, преодолевая блокаду немецких подводных лодок. И через Иран — по железной дороге, и по морским, океанским путям. Помогая спасти мир от гитлеровской нечисти, американские предприятия военной промышленности одновременно создавали те ценности, которые помогали Америке выйти из кризиса. Ужасная кровопролитная война потребовала больших усилий, но развитие военной промышленности способствовало успеху во время войны.

Конечно, некоторым людям кажется, — и такие люди есть и в России, — они говорят, что американцы обязательно начнут войну для того, чтобы выйти из кризиса, без этого они не обойдутся. Мне кажется, что эти люди заблуждаются. Американцы не думают о новой войне. Они думают о том, как найти легитимные средства преодоления этого кризиса. Они нашли эти возможности в новом налоговом обложении, в том, что богатые должны «поделиться», и за этот счет можно решить проблему финансовых затруднений. Программа Обамы, которую активно разрабатывает Пол Кругман, о котором я уже упоминал, начинает работать в Америке. В конце прошлого года появилось намного больше рабочих мест, — свыше 100 миллионов, и это, конечно, фактор, который позволяет успешнее бороться с кризисом. Обама, опираясь на эту новую концепцию преодоления кризиса, стремится вывести Америку из состояния экономического потрясения. Он добился определенных успехов, что отразилось и на повышении его рейтингов и его популярности

Если говорить о президентских выборах в Америке, то сейчас самое начало предвыборной кампании. Успехи Обамы в некоторых особо острых экономических ситуациях подняли его популярность. Уже говорят о том, что статистические данные и данные социологических опросов предсказывают возможную победу Обамы на выборах, и это дает стимул дальнейшему развитию плана Обамы, с одной стороны, воспользоваться деньгами богатых, с другой стороны — поддержать бедных, улучшая их медицинское обслуживание, предоставляя им медицинскую страховку по новому законодательству, которое провел Обама.

В американской избирательной кампании наметились два тренда. Первый — некоторое улучшение позиций Обамы, на которого нападают и на которого республиканцы хотят свалить все беды американской экономики, называя его «президентом одного срока», называя его неудачным президентом. Но Обама показывает решимость отстаивать свою линию.

В то же время республиканцы пытаются со своей стороны добиться победы на выборах. Каждый, кто только может, — как говорят, только ленивый не выдвигает себя в президенты. И в президенты потянулись все правые лидеры, все правые деятели. В начале 2012 года выяснилось, что американские избиратели не очень-то поддерживают консервативных республиканцев, и во время предварительных выборов, так называемых «праймериз», американцы голосуют за республиканцев-либералов. Первые места на предварительных выборах, которые традиционно считаются важными для определения итогов выборов, занимают либеральные кандидаты. Таким кандидатом является Митт Ромни, бывший губернатор штата Массачусетс, который известен своими либеральными взглядами. В американской политической борьбе происходят парадоксальные явления. Идет борьба не столько между демократами и республиканцами, сколько между правыми консервативными республиканцами и либеральными республиканцами. И в этой борьбе чаще берут верх либералы. Ромни победил на предварительных выборах в Нью-Хэмпшире, эти предварительные выборы традиционно являются важнейшим сигналом к тому, кто будет президентом. Традиционно считается, что тот, кто победил в Нью-Хэмпшире, тот будет сидеть и в Белом доме. Митт Ромни победил. Его крайне консервативно и агрессивно настроенные противники, такие как Ньют Гингрич, известный своими крайне консервативными взглядами, потерпели поражение.

Сегодня, когда кампания только начинается, выясняется, что американцы не готовы уйти от либеральных традиций, но готовы искать новых людей. И здесь Обама оказывается очень успешным пропагандистом в борьбе за голоса и поддержку населения. Его либеральные взгляды одерживают победу и внутри Республиканской партии. Это сложный процесс, поскольку на дискуссиях, кому от республиканцев быть президентом, идет больше разговор о том, как преодолеть этот консервативный синдром, чем о том, как победить Обаму. Внутри республиканцев верх пока одерживают силы более либеральные.

Надо иметь в виду, что, конечно, в американской политической системе доминируют партии — республиканцы и демократы. Но и в той и в другой партии имеются два крыла —

либеральное и консервативное, — у демократов есть свои консерваторы, а у республиканцев — свои либералы, которые пока берут верх. В этом смысле президентская кампания, которая находится сейчас в самом разгаре, еще не определила, кто победит, но пока ясно, что, если бы выборы были сегодня, то на этих выборах скорее всего состязались бы Митт Ромни и Барак Обама, т.е. два представителя либерального крыла. А правые оказываются в довольно злобном и ожесточенном лагере, который пытается дискредитировать эти либеральные идеи и либералов, но пока не добиваются успеха.

Конечно, эти выборы будут только в ноябре, но и предварительные итоги показывают, что американцы не готовы к тому, чтобы отказаться от тех либеральных сдвигов, которые произошли в Соединенных Штатах с избранием Барака Обамы. И не только демократы, но и многие республиканцы хотят, чтобы следующий президентский срок продолжался в духе либеральных реформ. Конечно, еще рано судить. Выборы будут в начале ноября. Нам еще предстоит ждать дня выборов. Но еще нет сильного правого кандидата-консерватора. Пока есть сильные кандидаты на либеральном фронте — это действующий президент Обама, который не сдает своих позиций, и его республиканский противник Ромни, который, конечно, отстаивает интересы республиканцев. Он, конечно, хочет добиться президентства, но его программа либеральная, и в данном случае можно полагать, что кто бы ни победил на этих выборах, если этот тренд сохранится, то в Америке в любом случае президентом будет человек скорее с либеральными взглядами.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И ЖУРНАЛИСТИКА

БОРИСУ ИВАНОВИЧУ ЕСИНУ 90 ЛЕТ

Профессору Борису Ивановичу Есину исполняется 90 лет. Ветеран Великой Отечественной войны, кавалер орденов Трудового Красного Знамени и ордена «Знак Почета», заслуженный профессор МГУ, лауреат Ломоносовской премии, он полон творческих планов, новых замыслов, как всегда, читает студентам интересные лекции, консультирует соискателей. Борис Иванович Есин — один из тех, кто формировал факультет журналистики, он работает здесь почти 60 лет, и многие преподаватели, окончившие в разные годы факультет журналистики, учились у профессора Есина, слушали его лекции, сдавали ему экзамены и зачеты. Став его коллегами, обращались к нему за советом, просили почитать написанные ими статьи и исследования и всегда получали точные и принципиальные оценки своих работ. Учеников у Бориса Ивановича много во всех концах страны, это его дипломники, аспиранты, стажеры, многие из которых уже стали преподавателями вузов, докторами наук.

Блестящий знаток истории русской журналистики XVIII—XIX веков, Борис Иванович Есин открыл новый для исследователей пласт науки — мир русских газет, заложил основы для энциклопедического изучения их и сам стал такой «энциклопедией». Его учебники, его книги являются классикой в историко-журналистской науке.

Без малого полвека Борис Иванович руководил кафедрой истории русской литературы и журналистики. Ему удалось создать сплоченный, плодотворно работающий коллектив. На кафедре всегда была спокойная, благожелательная атмосфера, позволявшая коллегам увлеченно заниматься своим делом. Под руководством Бориса Ивановича Есина работали такие легендарные лекторы и ученые, как Владислав Антонович Ковалев, Эдуард Григорьевич Бабаев, Людмила Евдокимовна Татарина.

Авторы статей, опубликованных в этом номере, сотрудники кафедры, все ученики профессора Есина, все, кто знают его работы, поздравляют дорогого Бориса Ивановича и желают ему новых

творческих радостей, доброго здоровья, сил и бодрости на многие, многие годы!

Мы хотим встречаться с Борисом Ивановичем на заседаниях кафедры, слышать его выступления, читать его работы. Его знания, опыт очень ценны для нас.

Мы хотим, чтобы он был с нами всегда!

Кафедра истории русской журналистики и литературы

РАЗДЕЛ 1. ЖУРНАЛИСТСКАЯ РАБОТА ПИСАТЕЛЯ

Г.С. Лапшина, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: lapgal@pochta.ru

«И МЕЖДУ ТЕМ Я... ЛИТЕРАТОР»¹ (в связи с одним прошедшим юбилеем одного пошехонского литератора)

Статья ставит целью вернуть интерес к творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина, к мощному созидательному началу его сатиры. В ее основе лежат высокие идеалы, которые выводят творчество Щедрина за узкие рамки сатиры и придают ей широкое публицистическое звучание. Это дает возможность называть его «литератором» в том всеобъемлющем смысле, какой вкладывали в это слово современники Салтыкова-Щедрина и он сам.

Ключевые слова: литератор, идеалы, Отечество, гуманизм, человек, преданность литературе, стыд, совесть, непреходящие ценности, современность.

The article is aimed at bringing back the interest to the works of M.E. Saltykov-Shchedrin, to the powerful and creative fundaments of his satire. In its basics lie the high ideals, which extend the works of Schedrin beyond the narrow scope of satire and give them the wide social perception. This fact allows naming Schedrin a "literary man" in that comprehensive meaning, which was put in these words by Schedrin and his contemporaries.

Key words: literary man, ideals, fatherland, humanism, human, devotion to literature, shame, conscience, eternal values, modernity.

Нельзя сказать, что в России позапрошлого века вовсе не было слова *журналист* как понятия, обозначающего не только оплачиваемую профессию, но и столь же высокодуховное, отмеченное особым творческим талантом явление, как и писатель. Ярче всего об этом в свое время сказал, пожалуй, Белинский в очерке «Николай Алексеевич Полевой», подчеркнув в качестве главного составляющего такого понимания журналиста — данное от природы призвание, а не расчет². И все же наиболее типично для отече-

¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 12. М., 1971. С. 645. Так писал Салтыков-Щедрин в незавершенной статье 1879 г., начинавшейся словами: «Говоря по правде, положение русского литератора нельзя назвать ни блестящим, ни даже благоприятным. Напротив того, это одна из самых непрочных, воздушных и низменных профессий, какие только существуют на свете <...> русский литератор как будто тем одним озбочен, как бы остаться в живых, а затем уж и тем, как бы, между страхами, что-нибудь шепнуть. <...> Разумеется, я говорю о литераторах убежденных и честных...» (С. 641—642).

² См.: Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. IX. М., 1955. С. 682, 692—693.

ственной культуры этих лет широкое понятие *литератор*, оно есть и в упомянутой статье Белинского: «[Полевой] был литератором, журналистом и публицистом...»³. Литератор — это деятель того единого широкого печатного пространства, где, как подчеркивал критик в подцензурном очерке, «главным предметом» является «искание истины»⁴, а Герцен, получивший возможность говорить свободно, видел в нем «единственную трибуну, с высоты которой» «народ, лишенный общественной свободы», «заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести», и именно это пространство называл *литературой*⁵.

Великий Салтыков-Щедрин, 185-летний юбилей которого столь скромно был отмечен в прошлом году, именовал страну, где единственной гласной трибуной стала литература, *Пошехоньем*, и ее «коренной литератор, у которого не было иной привязанности, кроме общения с читателем», кроме желания «расточать» для него «сокровище своей души», назывался здесь *Крамольниковым*⁶.

Какое же сокровище хранил в своей душе Крамольников-Щедрин, с такой болью упрекавший себя в конце пути, что «не самоотвергался», что протест лился только из-под его пера⁷, и «читатель, который ценил, а быть может, и любил его... был далеко»⁸? Крамольниковым его делала «вера в чудеса»... Если принять эту веру за основополагающее начало в таком литераторе, можно ли называть его сатириком, т.е. был ли Щедрин сатириком в том расхожем смысле, когда под сатирой подразумевают только разрушение? Да, почетную ненависть своих врагов Салтыков заслужил именно тем, что они воспринимали его творчество как опасное оружие, направленное на основы их благополучного существования. Откликаясь на смерть Щедрина, «Московские ведомости» сравнивали его произведения с подпольными листовками и бомбами террористов⁹, а начальник Главного управления по делам печати М.П. Соловьев отмечал: «С появлением каждой новой вещи Щедрина валится целый угол старой жизни... Явление, за которое он брался, не могло выжить после его удара. Оно становилось смешно и позорно. Никто не мог отнестись к нему с уважением. И ему оставалось только умереть»¹⁰. Властей имущих справедливо страшил его смех. Но в этом был далеко не весь Щедрин. Его современница,

³ Белинский В.Г. Указ. соч. Т. IX. С. 693.

⁴ Там же.

⁵ Герцен А.И. Соч.: В 9 т. Т. 3. М., 1956. С. 443.

⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. Т. 17. С. 198.

⁷ Там же. С. 205.

⁸ Там же. С. 204.

⁹ Литературное наследство. Т. 13—14. М., 1934. С. 236.

¹⁰ Цит. по: Макашин С. «Сатиры смелый властелин» // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 10 т. М., 1988. Т. 1. С. 4.

бывший редактор газеты «Неделя» лучших лет, Е.И. Конради писала в № 1 журнала «Новое обозрение» за 1881 год, что «видеть в с е г о Щедрина в этом хохоте значит просто похеривать многие, и притом лучшие, страницы в его произведениях», где «честным лицом» выступает «незамаскированная человеческая совесть и без обиняков ведет свои строгие речи»¹¹.

Сатира Салтыкова-Щедрина несла в себе мощное созидательное начало, и в этом смысле она и не сатира вовсе, а публицистика в самом широком и глубоком ее смысле, как особый вид творчества, где при размышлении автора над событиями общественной жизни отчетливо звучит его страстный голос; это огромный пласт пространства, называемого Герценом литературой.

Что делало Щедрина созидателем, без чего вообще невозможно созидание? У alter-его Салтыкова, литератора Пошехонья Крамольникова, «как у всякого убежденного и верящего человека», «был внутренний храм»¹², у него были *идеалы*.

Присутствие идеалов в мирозерцании литератора было для Щедрина главным. Именно это, по его мнению, определяло ценность творчества, смысл и значение литературной деятельности. Он написал об этом в некрологической заметке «И.С. Тургенев»: «Тургенев был человек высокоразвитый, убежденный и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем сознательным постоянством, которое и составляет его главную и неоцененную заслугу перед русским обществом. <...> Это были не какие-нибудь условные “добрые чувства”, согласные с тем или другим преходящим веянием, но те простые, всем доступные общечеловеческие “добрые чувства”, в основе которых лежит глубокая вера в торжество света, добра и нравственной красоты»¹³.

Формирование собственных идеалов Салтыков-Щедрин связывал с временем 1840-х годов, когда он, будучи знакомым с Петрашевским с лицейских лет, посещал его «пятницы», где обсуждались самые животрепещущие вопросы, говорилось о социальной несправедливости, обсуждались идеи французских социалистов, о чем Щедрин так тепло вспоминал в цикле «За рубежом»: «С представлениями о Франции и Париже для меня неразрывно связывается воспоминание о моем юношестве, то есть о сороковых годах. Да и не только для меня лично, но и для всех нас, сверстников, в этих двух словах заключалось нечто лучезарное, светоносное, что согревало нашу жизнь и в известном смысле даже определяло ее содержание». Франция была для них страной «Сен-Симона, Кобе, Фурье, Луи Блана и в особенности Жорж Занда. Оттуда лилась...

¹¹ Конради Е.И. Соч.: В 2 т. Т. II. СПб., 1899. С. 431.

¹² Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. Т. 17. С. 198.

¹³ Там же. Т. 9. С. 457—458.

вера в человечество, оттуда воссияла уверенность, что “золотой век” находится не позади, а впереди». И в России, в Петербурге, Салтыков «существовал только фактически», но «духовно» он «жил во Франции», потому что его волновали «великие принципы 1789 года» и все, «что оттуда проистекало», а провозглашение республики в феврале 1848 года сделало в его глазах Францию «страною чудес»¹⁴.

Это время было дорого Салтыкову, потому что тогда «воистину существовала вера в чудеса». Да, «она действовала в сфере довольно ограниченной и не выходила из пределов очень тесного кружка», но члены этого кружка «пламенели, сгорали и чувствовали себя обновленными»¹⁵.

Эта вера, эти идеалы останутся в его душе навсегда, но главным станет стремление «привнести чудо» в свое отечество. Как и Крамольников, Салтыков—Щедрин «глубоко любил свою страну, любил ее бедноту, ее злосчастие», он «горячо и страстно был предан своей стране и отлично знал как прошедшее, так и настоящее ее»¹⁶. Он видел ее жизнь не глазами праздного туриста, но он знал ее изнутри, прожив двадцать лет в провинции, которую называл школой великой, хотя и грязной. В «Убежище Монрепо» Щедрин признавался: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России»¹⁷, «болит сердце, болит, но и за всем тем всеминутно к источнику своей боли устремляется...»¹⁸. Он не мог смириться с тем, что для молодых бюрократов, «провиденциальных» мальчиков, отечество — это пирог, от которого каждый хочет урвать свой кусок. Он не устал говорить о том, что «отечество — не пирог, а культ, дающий очень мало прав и налагающий много обязанностей», что «отечеству надлежит служить, а не жрать его»¹⁹. Полемизируя с теми, кто усматривал в его честных картинах жизни России, в его убежденности, что человек не «должен отказаться от прирожденного ему права быть судьей среды, в которой он живет»²⁰, в его горьких размышлениях о настоящем и будущем страны только «злорадство, в смысле патриотизма», Салтыков писал: «Я желал бы видеть мое отечество не столько славным, сколько счастливым — вот существенное содержание моих мечтаний на тему о величии России, и если я в чем-нибудь виноват, то именно только в этом»²¹. И чуть ниже разъяс-

---

¹⁴ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Указ. соч. Т. 14. М., 1972. С. 111—113.

¹⁵ Там же. Т. 13. С. 535.

¹⁶ Там же. Т. 17. С. 199, 200.

¹⁷ Там же. Т. 13. С. 334.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 417.

²⁰ Там же. Т. 12. С. 186.

²¹ Там же. Т. 13. С. 334.

нял: «Что́ нужно нашей дорогой родине, чтобы быть вполне счастливой? На мой взгляд, нужно очень немного, а именно: чтобы мужик русский, говоря стихами Державина, “ел добры щи да пиво пил”. Затем все остальное приложится». Только тогда станет богатой страна, в деревнях будут школы, и мужик поймет, что ученье — свет, у него появится досуг, и он будет вести «не прекрасительную жизнь подъяремного животного, а здоровое существование разумного существа»²², ибо не может быть великой страна, где, так точно названный Некрасовым, «сеятель и хранитель» России — русский мужик «беден всеми видами бедности, какие только возможно себе представить, и — что всего хуже — беден сознанием этой бедности»²³.

Щедрин был великим гуманистом, его публицистика устремлена к людям, она проникнута желанием спасти их души, вселить в них надежду, «поддерживать в них <...> инстинктивную жажду света», «напоминать, что жизнь есть радование, а не бессрочное страдание, от которого может спасти только смерть», ибо «не смерть должна разрешить узы, а восстановленный человеческий образ, просветленный и очищенный от тех посрамлений, которые наслоили на нем века подъяремной неволи»²⁴. Наиболее четко он сформулировал главную цель своего творчества в цикле «Убежище Монрепо»: «Сказать человеку толком, что он человек, — на одном этом предприятии может изойти кровью сердце. Дать человеку возможность различать справедливое от несправедливого — для достижения этого одного можно душу свою погубить. Задачи разьяснения громадны и почти неприступны, но зато какие изумительные горизонты! Какое восторженное, полное непрерывного горения существование!»²⁵. Мечта о прекрасном человеке сближала Щедрина с Достоевским, именно это стремление писателя представить читателю такой образ высоко оценил Салтыков в романе «Идиот»: «По глубине замысла, по ширине задач нравственного мира, разрабатываемых им, этот писатель (Ф.М. Достоевский. — Г.Л.) стоит у нас совершенно особняком. Он не только признает законность тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже идет далее, вступает в область предвещаний и предчувствий, которые составляют *цель* не непосредственных, а *отдаленнейших исканий человечества*. Укажем хотя на попытку изобразить тип человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия, положенную в основание романа “Идиот”, — и, конечно, этого будет достаточно, чтобы согласиться, что это такая задача, перед которою бледнеют всевозможные вопросы о женском труде, о распределе-

²² Там же. С. 336.

²³ Там же. Т. 7. М., 1969. С. 248.

²⁴ Там же. Т. 17. С. 200—201.

²⁵ Там же. Т. 13. С. 282.

нии ценностей, о свободе мысли и т. п. *Это, так сказать, конечная цель, в виду которой даже самые радикальные разрешения всех остальных вопросов, интересующих общество, кажутся лишь промежуточными станциями»* (курсив мой. — Г.Л.)²⁶.

Салтыков-Щедрин был литератором, слово (как ни укорял он себя, что боролся только им) оказалось для него, как и для его со-товаришей по демократической печати, наилучшим способом донести свои мысли, свои идеалы до тех, кто хотел его услышать. Страстная, исключительная преданность литературе, вера в ее животворящую мощь, о чем он писал в «Круглом годе», была обусловлена прежде всего тем, что именно литература способна передавать идеалы от поколения к поколению, это главное, ибо «трудно... жить без интересов идеального мира, так трудно, что, за недостатком настоящего света, человек хоть сальную свечку засветит и поставит перед собой!»²⁷ Отсюда щедринский гимн литературе, который прозвучал со страниц «Отечественных записок» в 1879 году: «Все, что мы видим вокруг нас, все в свое время обратится частью в развалины, частью в навоз, одна литература вечно останется целою и непоколебленною. Одна литература изъята от законов тления, она одна не признает смерти. Несмотря ни на что, она вечно будет жить и в памятниках прошлого, и в памятниках настоящего, и в памятниках будущего. Не найдется такого момента в истории человечества, про который можно было бы с уверенностью сказать: вот момент, когда литература была упразднена. Не было таких моментов, нет и не будет. Ибо *ничто так не соприкасается с идеей о вечности, ничто так не поясняет ее, как представление о литературе*. Мы испытываем вечность, мы стараемся понять ее — и большею частью изнемогаем в наших попытках; но вспомним о литературе — и мы, хотя отчасти, откроем тайну вечности!» (курсив мой. — Г.Л.)²⁸.

Литература — это определенный показатель уровня цивилизационного и духовного развития. Без нее страна «стоит вне общей мировой связи», а общество «не сознает себя обществом, а только беспорядочным сбродом индивидуумов»²⁹, это та самая трибуна, о которой когда-то писал Герцен.

Вместе с тем Салтыков-Щедрин отнюдь не закрывал глаза на проблемы литературы в разные эпохи, на стеснения, налагаемые на слово цензурой, на проникновение в литературу «современных проворных людей», с «несомневающейся целостностью», «для которых все уже до того паскудно ясно, что представление о рубле, в смысле привлекательности, уступает лишь представлению о та-

²⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. Т. 9. С. 412, 413.

²⁷ Там же. Т. 13. С. 460.

²⁸ Там же. С. 437.

²⁹ Там же. С. 457.

ковых же двух»³⁰. Литература может погибнуть, если прекратится «вера в чудеса», тогда утратится вера «в животворящие свойства слова», тогда «значение этого слова» будет «умалено до металла звенящего»³¹.

Для Щедрина дорогá была литература 1840-х годов, как литература *убежденная*, которая, «не зная никаких свобод, ежечасно изнемогая на прокрустовом ложе всевозможных укорачиваний <...> не отказывалась от своих идеалов, не предавала их и не говорила себе в утешение: жив курилка, не умер! Ибо “курилка”, собственно говоря, даже жив не был, а только едва-едва тлелся» (курсив мой. — Г.Л.)³². Но литература «не задохлась», ибо отыскала «идеалы добра и истины» и создала и «человечные предания», и «ту *честную брезгливость*, которые выделили ее из общего строя жизни и дали возможность выйти незапятнанною из-под ига всевозможных давлений». Идеалы могут со временем уже казаться недостаточными, но отношение к ним литературы, писал Салтыков-Щедрин, и доньше остается в высшей степени поучительным: «По крайней мере, я совершенно искренно убежден, что холодная остервенелость, которая ныне является единственным средством для оживления страниц и столбцов и для возбуждения в читателе вожделения, исчезла бы сама собой и дала бы место *стыду*» (курсив мой. — Г.Л.)³³.

Е.И. Конради не случайно написала, что голос Щедрина — это голос «незамаскированной человеческой совести». Нравственные идеалы — это важнейшая составляющая его кодекса чести литератора. В незаконченном очерке <«Когда страна или общество...»> он скажет: «Я говорю о стыде, все о стыде, и желал бы напоминать о стыде всечасно. По-моему, это главное. Как скоро в обществе пробужден стыд, так немедленно является потребность действовать и поступать так, чтоб не было стыдно. С первого взгляда этот афоризм кажется достаточно наивным, но он наивен только по форме, а по существу в высшей степени правилен и справедлив. *Стыд есть драгоценнейшая способность человека ставить свои поступки в соответствии с требованиями той высшей совести, которая завещана историей человечества.* И рабство тогда только исчезнет из сердца человека, когда он почувствует себя охваченным стыдом. Стыдом всего, что ни происходит окрест: и слез, и смеха, и стонов, и ликований» (курсив мой. — Г.Л.)³⁴. Будучи реалистом, мастером

³⁰ Там же. С. 537.

³¹ Там же. С. 535.

³² Там же.

³³ Там же. С. 536.

³⁴ Там же. С. 640. О стыде Щедрин писал и раньше. Так, в частности, в цикле «В среде умеренности и аккуратности» он устами Глумова говорил: «Не будь стыда, ты нюхал бы миазмы современности и говорил бы, что пахнет розами» (там же. Т. 12. С. 263).

беспощадного анализа, Салтыков-Щедрин отдавал себе отчет в том, как во многом иллюзорно его желание, «чтоб чувство стыда перешло из области утопии в действительность», и все же не уставал «повторяться»: «Быть может, я никогда ничего не достигну в этом смысле, но ведь, по справедливости говоря, когда человек мыслит так или иначе, он очень редко имеет в виду, что из этого непременно должен выйти практический результат. *Он просто мыслит так, потому что иначе мыслить не может*» (курсив мой. — Г.Л.)³⁵. Уже на пороге смерти Щедрин попытался дать последнее напутствие шедшим за его поколением новым литераторам — он начал писать «Забывшие слова», но ослабевшая рука его выронила перо уже на первой странице. Мемуары современников свидетельствуют о том, что он хотел напомнить о непреходящих нравственных ценностях, запечатленных в таких простых словах, как *стыд, совесть, отечество, честь*³⁶. Он уже говорил об этом раньше, в 1877 году, еще в преддверии победоносцевских восьмидесятых, когда союз хищничества и укрепившегося самодержавия сложится окончательно: «Бессовестность, заручившись союзом с невежеством и неразвитостью, выбросила на поверхность целую массу людей, которые до того упростили свои отношения к вещам и лицам, что, не стесняясь, возводят насилие на степень единственного жизненного регулятора <...> Прежде даже в среде самых отпетых людей можно было изредка расслышать слова, вроде: великодушие, совесть, долг; нынче эти слова окончательно вычеркнуты из лексикона торжествующих людей <...> Но даже если такое простое слово, как “совесть”, оказывается слишком тяжеловесным для современных диалогов, то какое же значение могут иметь слова более мудреные, как, например: любовь, самоотверженность и прочее?»³⁷.

Трудно что-либо добавить к этим словам Салтыкова-Щедрина, его бессмертные строки, которые не устаешь перечитывать снова и снова, его блестящие мысли, столь созвучные нашему времени, говоря словами столь же бессмертного Гоголя, пережили «эфемерность журнального существования»³⁸ и остаются одной из главных, непреходящих ценностей и для современных литераторов.

Поступила в редакцию
10.11.2011

³⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. Т. 13. С. 641.

³⁶ М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С. 210, 269.

³⁷ Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. Т. 12. С. 249.

³⁸ См.: Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1978. С. 170. Мы оставляем в стороне вопрос: насколько хорошо для нынешних нас это созвучие размышлений Салтыкова-Щедрина современности? Мы только говорим о том, каким великим провидцем он оказался.

И.В. Петровицкая, старший преподаватель кафедры истории русской журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: kether2@ya.ru

ПЕРЕПИСКА ЛЬВА ТОЛСТОГО С ПИСАТЕЛЯМИ, ЖУРНАЛИСТАМИ, ИЗДАТЕЛЯМИ

Автор исследует переписку Л. Толстого с русскими и иностранными журналистами, помогающую уяснить его взгляд на задачи журналистики. Рассмотрена особая форма эпистолярного диалога писателя и его корреспондентов, в котором обсуждались общественные, философские, эстетические вопросы. Автором изучается многоаспектная проблема: Лев Толстой и литературный процесс, журналистика его эпохи.

Ключевые слова: Лев Толстой, переписка, литературный процесс, журналистика.

Author investigates Leo Tolstoy's correspondence with russian and foreign journalists. The aim of this correspondence was to find out objectives and goals of journalism. A special form of epistolary dialogue of Leo Tolstoy and his correspondents was reviewed. In this dialogue careful consideration was given to the social, philosophical and aesthetic issues. Author made a close study of such a multidimensional subject as: Leo Tolstoy and literary process, journalism of his epoch.

Key words: Leo Tolstoy, correspondence, literary process, journalism.

Когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором... Его деятельность служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются... Пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, озлобленные самолюбия будут далеко в тени.

А.П. Чехов

Переписка Льва Толстого со своими современниками — журналистами, писателями и издателями — наименее изученная часть его огромного эпистолярного наследия, насчитывающего свыше 50 тысяч писем русских и зарубежных корреспондентов. В ней затронуты наиболее острые общественные, религиозно-нравственные вопросы эпохи. Среди многочисленных корреспондентов Льва Толстого — известные писатели, ученые и общественные деятели, журналисты, приезжавшие к писателю, чтобы срочно дать в номер материалы об отношении Толстого к общественно-литературным событиям.

Переписка Толстого содержит богатый и разнообразный фактический материал, необходимый при изучении русской и зарубежной печати. В письмах обсуждался широкий круг проблем: журнально-литературные новости, повседневный круг чтения; вопросы, свя-

занные с планами публикации статей в том или ином издании, попытками обойти цензурные запреты, оценкой общего направления газет, рубрик и отдельных материалов.

Многие письма писателя вместе с ответными письмами его корреспондентов — журналистов, представляют собой особую форму эпистолярного диалога, в котором обсуждались многие общественно-политические, философские нравственно-религиозные, литературно-эстетические и журнальные темы.

Переписка Толстого с русскими журналистами продолжалась более полувека и особенно интенсивно велась в 1880—1900-е годы. Начало ее относится к 1852 году, времени литературного дебюта Толстого в «Современнике»; редактор журнала Н.А. Некрасов стал первым корреспондентом писателя. Последние письма Толстого, за несколько дней до трагического ухода из Ясной Поляны в конце октября 1910 года, адресованы в редакции газет: «Русские ведомости» Д. Анучину и «Голос студенчества», дав согласие на публикацию своей «переписки со студентами двух университетов» (82: 212)¹.

В архиве писателя хранятся письма известных писателей, ученых и общественных деятелей, издателей, русских и иностранных журналистов, корреспондентов ведущих и малоизвестных периодических изданий; и давних знакомых, с которыми сложились дружеские отношения, и впервые обратившихся к Толстому. Его собеседниками были А.П. Чехов, М. Горький, Н.С. Лесков, В.Г. Короленко, Н.Н. Страхов, А.С. Суворин, В.М. Соболевский, М.М. Стасюлевич, Л.Е. Оболенский, В.А. Гольцев, Н.Я. Грот, В.Г. Чертков, А.М. Амфитеатов, Л.Я. Гуревич, В.С. Миролюбов, В.А. Поссе.

Переписка Толстого с русскими и иностранными журналистами помогает изучить публицистическое мастерство писателя, осмыслить его взгляд на журналистику, ее нравственно-этические ценности, на роль общественного мнения, которому он придавал огромное значение.

На рубеже веков Толстой занимал особое положение в литературе и журналистике. Приводя свидетельства его всемирной славы, обозреватель журнала «Вестник Европы» утверждал, что произведения Толстого расходятся огромными тиражами и за границей, что там он даже «чуть ли не в три раза популярнее, чем в самой России», потому что во всем мире «безвозбранно печатаются все его произведения»².

Корреспонденты русских и иностранных газет осаждали писателя просьбами высказаться по различным вопросам. Публикация

---

¹ Голос студенчества. 1910. 4 ноября. № 8. См. также: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. (Юбилейное издание): В 90 т. М.; Л., 1928—1958 (в круглых скобках первая цифра обозначает номер тома, вторая — номер страницы или письма).

² Вестник Европы. 1903. № 8.

новой статьи Толстого вносилась в летопись важнейших событий с указанием на счастливый журнал, в который он отдал свое произведение. Многие журналисты, стремясь опубликовать его произведения на страницах своих изданий, обращались к писателю с просьбами о сотрудничестве. Таким образом переписка Толстого с журналистами дает возможность узнать об отношении писателя к различным направлениям общественно-политической жизни, об истории печатания его произведений, о его участии в периодических изданиях рубежа веков.

Немаловажное значение для историков русской прессы имеет и тот факт, что журналисты в письмах к Толстому четко формулировали программу своего издания, раскрывали отношения с цензурой, характеризовали свою читательскую аудиторию, сообщали данные о тираже издания.

Переписка Толстого показывает, что он был взыскательным читателем прессы. В письмах журналистам он часто высказывал свое мнение о различных изданиях, литературной критике, читателях, зачастую сообщал о том, какие он читает газеты и журналы. Он постоянно следил за современной русской и иностранной периодикой, творчески использовал материалы газет и журналов в своем художественном творчестве и публицистике.

Почти все посетившие Толстого журналисты отмечали, что писатель часто ссылался на газетные сообщения. Даже за несколько дней до кончины, на станции в Астапово, Толстой просил почитать ему что-нибудь «политическое»: «...послушал некоторые статьи из газеты “Русское слово”, попросил “Голос Москвы” ... но под рукой не оказалось, ему читали вслух “Русские ведомости”. Статью о тройном самоубийстве просил вырезать и положить ему в дневник...»³

Переписка с журналистами позволяет уточнить, с каким кругом газет и журналов писатель был знаком. Учитывая, что многие журналисты присылали Толстому газеты и журналы со своими публикациями, газетные вырезки, читатели ссылались на сведения, полученные из прессы, пересказывали газетные сообщения, то можно утверждать, что Толстой был в центре общественно-журнальной жизни.

В 1880—1890-е годы Толстому были особенно близки журналы «Русское богатство» Л. Оболенского, «Книжки Недели» П. Гайдебурова; он сотрудничал в газете «Русские ведомости» В.М. Соболевского, журнале «Северный вестник» Л.Я. Гуревич и А. Волынского, «Вопросы философии и психологии» Н.Я. Грота, печатал свои произведения и открытые письма в «Новом времени», журналах «Вестник Европы» и «Русская мысль»; в 1900-е годы — в журнале

---

³ *Маковицкий Д.П.* Яснополянские записки. Кн. 4. М., 1979. С. 423.

«Образование» А.Я. Острогорского, «Журнале для всех» В.М. Миролюбова.

В письме Л. Оболенскому (1845—1906) Толстой в конце 1886 года высказал свое мнение о близком ему по направлению журнале: «Я за вас, за ваш журнал и вашу работу всегда радуюсь. Не знаю, много ли у вас подписчиков (много ли?), но я не встречал за это последнее время ни одного живого молодого человека, который бы не питался, хотя отчасти, умственно “Русским богатством”. Мне кажется, что “Русское богатство” теперь единственный журнал, воздействующий на общество. Его статьи вызывают работу мысли, статьи эти ждут, о них говорят, и они составляют событие в некотором кругу людей». Особенное внимание писателя — к читателям журнала: «учители, фельдшерицы, студенты, курсистки читают для того, чтобы найти направление, и разрезают листы в надежде найти ответы на волнующие их вопросы. Их мало, это люди все молодые и незаметные, но они-то те люди, в которых брезжится или светится настоящий свет и их будет много, и они будут 40-летние заметные».

Далее Толстой развивает звучащую и в других его письмах очень важную мысль об ответственности журналиста: «Меня так на вашем месте ужасала бы та ответственность, которая лежит на вас, чтобы не отдать ответа за слово праздно. Я же буду всегда помогать вам по мере сил». О разногласиях с редактором журнала Толстой предпочитает не говорить, но замечает, что «для указания пути видим впереди одно и то же...» (62, 109).

В конце 1870-х годов Толстой «вступил в корреспонденцию» и долгие годы ее поддерживал с редакторами-издателями журнала «Вестник Европы» А.Н. Пыпиным (1833—1904) и М.М. Стасюлевичем (1826—1911). Началом переписки послужили переговоры об издании в типографии М. Стасюлевича IX тома «Русской библиотеки», посвященного великому писателю⁴.

Переписка Толстого с М.М. Стасюлевичем содержит также ценные замечания, связанные с издательским делом. Журналист, «всеми признанный человеком редкой корректности, истинным джентльменом пера», всецело входил во все детали издания: «ни одна строчка, ни один знак препинания не проходили в журнале без его тщательной проверки»⁵. Корректорская работа была хорошо налажена: в книге объемом в 10 печатных листов Н.Н. Страхов обнаружил всего лишь одну досадную опечатку. В письме к Толстому в 1880 г. по поводу успешного начала четвертого издания

⁴ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М.К. Лемке. Т. IV. СПб., 1912.

⁵ Там же. С. IX; также см.: *Кельнер В.Е.* Человек своего времени: М.М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция. СПб., 1993.

«Сочинений» писателя московской фирмой братьев Салаевых издатель поделился своим опытом: «Боюсь только за опечатки и жалею, что не дал Вам мысли обеспечить себя против этого невыносимого зла контрактом, а именно, сохранив за собою право требовать, после известной нормы, перепечатки отдельных страниц на счет издателя. Хорошая корректура нетрудна, но дорога — вот почему издатели затрудняются ею: можно издержать на корректуру 200 рублей и получить 200 опечаток,.. Опечатки, как и брань, на воротах не виснут, — а в кармане сохранится рублей 500—600. А при том условии такая экономия невозможна, так как перепечатка отдельных страниц обойдется дороже экономии от худой и дешевой корректуры»⁶.

Особое место занимает переписка Толстого с Н.Н. Страховым⁷. Литературный критик, философ, заведующий юридическим отделением Публичной библиотеки, давний друг и помощник Толстого зачастую был посредником между писателем и издателями. Ему часто он давал поручение «взять на себя все дело и снять с него все хлопоты по изданию», доверял вести переговоры об издании, держать корректуры. Так, в 1890-е годы для журнала «Северный вестник» Страхов держит «двукратное чтение» корректуры повести «Хозяин и работник», в результате чего «все теперь исправно до последнего слова и последней запятой. Я надеюсь, что своими знаками препинания я превзойду Ваших московских корректоров»⁸. Кроме взглядов на издательскую и редакторскую практику из переписки этих лет узнаем много важных подробностей работы писателя над исправлением рукописи, о том, как «удивительно добавляет и удивительно вычеркивает» Толстой.

Однако сотрудничество писателя в «Северном вестнике» сопровождалось некоторыми трудностями. Он просит у Страхова помощи в деликатном разрешении конфликта между С.А. Толстой и издательницей журнала Л.Я. Гуревич, в результате которого повесть «Хозяин и работник» появилась одновременно в трех изданиях. На что корреспондент Толстого иронично заметил: «Видите, как хлопотно Ваше решение уйти с обыкновенного пути»⁹, имея в виду отказ писателя от авторских прав на сочинения, написанные после 1881 года.

Кроме того, в письмах Страхов незамедлительно уведомлял Толстого о текущих литературно-журнальных новостях: полемике с Вл. Соловьевым, чтении в «Вестнике Европы» статьи С. Трубец-

---

⁶ Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (Москва).

⁷ Л.Н. Толстой и С.А. Толстая. Переписка с Н.Н. Страховым. 1894—1896. Канада, 2000.

⁸ Там же. С. 90.

⁹ Там же. С. 86.

кого «Противоречия нашей культуры». В одном из писем он приводит поразительный факт: публицист «Московских ведомостей» Ю.Н. Говоруха-Отрок «восхищен» статьей писателя о Мопассане в «Северном вестнике» и, главное, что он «пленен» Толстым, что «он с Львом Николаевичем разговаривал»¹⁰. О встрече писателя с критиком охранительной газеты, ведущей добровольный сыск за Толстым, других сведений нет, да и трудно себе представить эту беседу.

В письмах звучат оценки литературно-критических работ современников. Обмениваются мнением, в частности о журнале «Вопросы философии и психологии»: о сентябрьском номере журнала 1895 года Толстой отозвался невысоко: «Как все учено, умно и как все пусто», и здесь же, в приписке, добавил: «А уж о журналах и говорить нечего — там все пусто и еще нахально и лживо».

Страхов сообщает писателю о цензурном «семидневии для книги», об административных циркулярах. Толстой делится с ним историей запрещения в России журнала «Эсперанто», издававшегося в Нюрнберге (1889—1895), за помещение на своих страницах «невинных» толстовских статей об отношении разума и веры. Он просит похлопотать о разрешении издания: «Я обязуюсь ничего не печатать у него и не принимать никакого участия», чтобы не разорить издателя.

С уверенностью можно сказать, что переписка Толстого со Страховым содержит много новых деталей, необходимых для понимания литературно-журнального процесса конца XIX века.

«Лихорадка с корректурами» в истории печатания романа Толстого «Война и мир» общеизвестна: она легла на плечи издателя журнала «Русский архив» П. Бартенева (1829—1912). Их дружеская переписка продолжалась на протяжении всей жизни, хотя Бартнев резко отрицательно относился к религиозным исканиям писателя.

Сохранилась обильная переписка с издателями журнала «Нива», на страницах которого увидел свет роман «Воскресение». В 1900-е годы складываются деловые отношения с редактором журнала «Образование» А.Я. Острогорским. Он неоднократно бывал у писателя, присылал ему свой журнал, публиковал рекомендуемые Толстым произведения, хотя их сотрудничеству препятствовала цензура — все это нашло отражение в их переписке.

В отделе рукописей Музея Л.Н. Толстого сохранилось множество писем, в которых журналисты обращались к писателю с просьбой высказать свое мнение об их издании, дать совет, литературную рекомендацию, поддержать своим авторитетом и, конечно, с просьбой о сотрудничестве.

Настойчиво, в течение шести лет, с 1898 по 1903 год, уговаривал Толстого «оказать хоть малейшую поддержку журналу» — прислать

¹⁰ Там же. С. 60.

рассказ, статью по вопросам нравственности, сказать «свое слово по поводу войны с Китаем», дать рецензию на новый рассказ Л. Андреева — редактор «Журнала для всех» В.С. Миролубов [Петровицкая, 1998]. Обращается к писателю с просьбой написать для «зарождающегося журнала» несколько слов, которые могли бы служить для него «руководителем и поддержкой» редактор научно-популярного журнала С. Белиц-Гейман, прилагая к письму программу своего журнала. Редактор московского журнала «Шахматное обозрение» П. Бобров просит писателя дать в журнал «несколько мыслей об играх вообще и о шахматах в частности», высылая номера журнала за 1900 и 1902 годы. Высказать свое мнение об их журналах просят издатель «Семейного университета» Ф. Комарский и редактор иллюстрированного еженедельника «Наборщик» А. Филиппов. Просит о сотрудничестве в новом журнале «Женское дело» издательница детского журнала «Игрушечка» А.Н. Толиверова-Пешкова, редактор журнала «Научное обозрение» М.М. Филиппов и редакция одесского журнала «Вопросы общественной жизни»¹¹.

Несомненный интерес представляет и переписка Толстого с А.П. Чеховым, М.О. Меньшиковым и А.С. Сувориным, которому принадлежит известное высказывание о влиянии Толстого на русское общество: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая II». В заметке «Самый свободный» Суворин отметил, что «Лев Толстой — это первый и единственный русский писатель, который раньше всех испытал полную свободу на русской земле... Он был исключением из общего правила»¹².

Переписка Толстого с журналистами показывает, что Толстой стремился использовать любую газетно-журнальную трибуну, пытаясь провести через цензуру свои произведения и близких ему по духу авторов. Яркой иллюстрацией этого служит история публикации статьи Т.М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» с предисловием писателя. Толстой «очень, очень» просит Л.Е. Оболенского издать ее в журнале «Русское богатство», сделать ей «хорошее объяснение» и пропустить ее «в цензуре» (85: 322). Но уже набранную статью запретила цензура. Писатель сделал новую попытку: напечатать ее в журнале «Русская старина», признаваясь: «...очень уж меня пробрал Бондарев». Писатель написал редактору журнала М.И. Семевскому: «Рукопись Бондарева очень стоит того, чтобы быть напечатанной. И вы сделаете доброе

---

¹¹ Там же.

¹² Новое время. 1910. № 314.

дело, издав ее» (64: 137). Однако и здесь предисловие Толстого и статья Бондарева были запрещены. Лишь в феврале 1888 года публикация состоялась, хоть и в сокращенном виде в еженедельнике «Русское дело» С.Ф. Шарапова (1888. № 13). Правда, предисловие Толстого редактор газеты, по своему обыкновению, сопроводил обширной полемической статьей (позже он включил ее в собрание своих сочинений), что не спасло от цензурной кары: по распоряжению министра внутренних дел газета получила второе предостережение.

Толстой критически относился к легальной русской прессе, не дававшей возможности оперативно, быстро откликнуться на стремительно развивающиеся события начала XX столетия. «А писание подцензурное, либеральное — одно из самых вредных писаний...» — утверждал писатель. Газеты, по его мнению, лишь «одуряют» сознание читателя, затемняют мысль там, «где все ясно и просто». Отчетливо эта мысль Толстого прозвучала в открытом письме к А.М. Калмыковой («Письмо либералам». 1896): «...в печати они намекали на то, что позволено было намекать, молчали о том, о чем было велено молчать».

Подцензурная русская пресса вызывала скептическое отношение автора публицистического манифеста «Не могу молчать». В нем Толстой прямо заявлял: «Затем я и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее, чтобы одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами...» Не случайно именно на эту статью писателя откликнулся в «Новом времени» (1908. № 11614, 13 июля) М.О. Меньшиков критическим выпадом «Толстой как журналист».

В письме к А.В. Амфитеатрову в 1904 году Толстой прямо заявляет: «Всякая борьба, как прессы, не только русской, но и заграничной, так же как и революционеров, с существующим, царствующим злом бессильна. Это только срезать побеги, бурьян разрастается хуже. Надо под корень вывернуть...» (75: 140).

Широко известно критическое высказывание Толстого о журналистской деятельности, записанное им в дневнике после прочтения в апрельской книжке 1895 года журнала «Вестник Европы»: «Есть сердечная духовная работа, облеченная в мысли. Эта — настоящая. И есть работа мысли без сердца, а с чучелой вместо сердца, — это то, чем полны журналы и книги» (54: 207).

Редактор иркутской газеты «Восточное обозрение» И.И. Попов привел удивившее его суждение писателя о прессе. Выразив недовольство русскими газетами, писатель, по его мнению, «высказал такой парадокс: газетная и журнальная деятельность в настоящее

время ничего кроме вреда приносить не может, потому что в этой сфере компромиссы чрезвычайно часты и неизбежны»¹³.

Поражает прямое обращение Толстого к журналистами в статье 1904 года «Одумайтесь!» (позже выпущенное из текста): «Одумайтесь вы, многоречивые и лживые писаки-журналисты. Если Вам нужны рубли, которые вы добываете своею ложью и возбуждением вражды между людьми, то лучше идите грабить на большую дорогу: вы, убивая богатых и отнимая у них деньги, будете менее преступны, чем теперь, сидя дома и возбуждая вашими гадкими речами людей к вражде и всякого рода злодействам».

Толстой даже утверждал, что предпочел бы участие в реакционно-охранительной прессе, откровенно выражающей свои взгляды. Об этом читаем в письме Толстого к П. Буланже: «Я часто думаю, что если бы мне надо было печатать и можно выбирать, я печатал бы в “Московских ведомостях” и “Московском листке”. Вносить хоть немного света в мрак читателей этих органов — доброе дело».

В дневнике Толстой записал: «Какое праздное занятие наша подцензурная литература! Все, что нужно сказать, что может быть полезно людям в области внутренней, внешней политики, экономической жизни и, главное, религиозной, все, что разумно, то не допускается. То же и в деятельности общественной. Остается забава детская...» Легальную либеральную печать писатель считает «детской забавой», особенно ее отношение к правительству. По мнению Толстого, оно «может быть двоякое: или правительство есть необходимое условие порядка, и надо подчиняться и служить ему; или признать то, что я признаю и что нельзя не признать, что правительство есть шайка разбойников, и тогда надо, кроме того, что стараться просветить этих разбойников, убедить их перестать быть разбойниками, самому выгородить себя, насколько это возможно, от участия с этими разбойникам и в пользовании их добычей. Главное, не делать то, что делают теперь либералы: признавать правительство нужным и бороться с ним». И далее: «Читаю газеты, и как будто все эти битвы, освящения штандартов так тверды, что бесполезно и восставать, и иногда думаю, что напрасно, только вызывая вражду, написал я свою статью, а посмотришь на народ, на солдаток, и жалеешь, что мало, слабо написал».

Получив в 1894 году от А.Н. Дунаева газетную вырезку о казни анархистов, Толстой написал ему: «Надо бы, чтобы <...> вопиющие противоречия и жестокости не проходили бы без протеста, надо бы выразить этот протест ясно, как умеешь, и пускать в обращение в заграничную печать...» (67: 131).

---

¹³ Восточное обозрение. 1903. 9 декабря. № 282.

В переписке Толстого с журналистами и издателями настойчиво звучала мысль о необходимости свободной бесцензурной трибуны, дающей возможность оперативно откликаться на современные события. Толстой активно поддерживал издание в Англии В.Г. Чертковым и П.И. Бирюковым журнала «Свободное слово» (в 1901—1905 гг. вышло 18 номеров) и «Листков свободного слова» (в 1898—1902 гг. — 25 номеров), публиковавших запрещенные в России произведения. По предложению писателя, первоначальное заглавие журнала «Жизнь» было изменено на «Свободное слово» (а он предлагал и «Свободное русское слово»). Переписка с В.Г. Чертковым с 1897 по 1910 год в полном собрании сочинения писателя занимает отдельный (88—89) том и являет собой яркую страницу в истории нелегальной русской публицистики и журналистики.

В письмах к издателям Толстой выдвигает ряд требований к ведению журнала. Во-первых, необходима точность всех сообщаемых сведений: для этого он рекомендовал надежных и осторожных корреспондентов. Также он советует добиваться, «чтобы было как можно больше разнообразия: чтобы были обличаемы и взятки, и фарисейство, и жестокость, и разврат, и деспотизм, и невежество». И непременно условием он считает стиль изложения, «чтобы излагалось все серьезным и строгим — без шуточек и брани языком, и сколько возможно более простым, без иностранных и научных выражений» (71: 357—358).

Очень важные для журналистов замечания, советы содержатся в письме Л. Толстого к В.Г. Черткову 1899 г. По поводу статей о текущих событиях — голод, студенческие волнения, положение в Финляндии — Толстой строго заметил: «Все это должно было явиться полгода тому назад. Теперь все это старо: назрели новые события. Нужно быстро и бойко, по-герценовски, по-журнальному, писать о современных событиях. А вы добросовестно исследуете их, как свойственно исследовать вечные вопросы» (88: 179).

Получив первый номер журнала «Свободная мысль», Толстой немедленно написал в редакцию письмо с тщательным подробным разбором всех материалов, оценив, как обычно, каждую статью по пятибалльной системе. «Все вопросы, занимающие общество, нужно хоть кратко освещать с нашей точки зрения», — утверждает Толстой. Он предлагает «брать газеты и те известия, которые много раз повторяются во всех» — обсуждать. Вот оценки, поставленные писателем: «“Рабочее движение” 3 (мало), Финляндия 5+» — Толстой сочувствовал протесту финнов против русификации. «“Духоборы 4, голод 5”. Заметку “Университетские волнения” писатель оценил невысоко: 3».

В это время Толстой по просьбе студентов сам писал статью о студенческих стачках в Петербургском и Московском универси-

татах, поэтому заметил: «Надо бы больше. Нынче в газетах о том, что в солдаты забирать. А перед этим было об инспекции и общении профессоров. Все как нарочно делают, чтобы раздражить....» И далее совершенно логично прозвучало решительное признание-заявление писателя: «...руки чешутся писать обо многом в форме статей» (72: № 153). Подводя итог, Толстой замечает: «Вообще очень хорошо. И есть изюминка герценовская. Так и нужно».

В письмах Толстой часто возвращался к мысли о создании журнала, международного «Посредника». В письме к австрийскому публицисту Э.Г. Шмиту от 27 марта 1895 года Толстой говорит о необходимости основать в какой-нибудь наиболее свободной европейской стране некое подобие международного «Посредника» — издание под одним названием, в одной серии, книг на четырех языках (французском, английском, немецком и русском), в которых разрабатывалась бы следующая программа: «Существующий строй жизни подлежит разрушению... Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться должен коммунистическим; уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим, уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитрацией; уничтожиться должен сепаратизм узкой национальности и замениться космополитизмом и всеобщим братством... Одним словом, уничтожиться должно насилие и замениться свободным и любовным единением людей» (68: 64).

В письме к редакторам французского журнала, издаваемого обществом «Молодые друзья мира», Толстой горячо поддержал их «идею международной»: «...я люблю смелостью мыслей этих юношей... Я думаю, что подобный журнал было бы полезно печатать на трех или четырех языках параллельно. Я очень хотел бы служить этому прекрасному делу» (66: 444).

Из переписки Толстого с журналистами становится также очевидно, что через всю жизнь он пронес желание издавать журнал для народа. При обсуждении этого вопроса, по воспоминаниям современников, Толстой «воспламенился мыслью, что можно опять поднять вопрос о журнале, и обещал давать статьи ежемесячно». Он даже отправился пешком через всю Москву к известному меценату К.Т. Солдатенкову просить содействия.

В декабре 1885 года, решив предложить М.Е. Салтыкову-Щедрину принять участие в «Посреднике», Толстой обратился к нему с письмом, в котором говорит о современном читателе: «С тех пор, как мы с вами пишем, читающая публика страшно изменилась, изменились и взгляды на читающую публику. Прежде самая большая и ценная публика было у журналов — тысяч 20 и из них большая часть искренних, серьезных читателей, теперь сдела-

лось то, что качество интеллигентных читателей очень понизилось — читают больше для содействия пищеварения, и зародился новый круг читателей, огромный, надо считать сотнями тысяч, чуть не миллионами».

В оживленной переписке по поводу издания дешевого народного журнала содержится много важных замечаний. Переговоры велись с М.Е. Салтыковым-Щедриным, с Н.Н. Златовратским, А.С. Пругавиным, А.М. Калмыковой, книгоиздателем В.Н. Маракуевым; программу журнала-газеты составили В.Г.Чертков, Л.Е. Оболенский, П.И. Бирюков. Толстой выразил «сочувственное отношение» к изданию и желание помогать, но предупредил, что «дело будет само гораздо ниже, гораздо, гораздо ниже того, чем вы его воображаете. Много опасностей, соблазнов тоже в таком деле» (85: 102).

В письме к сыну золотопромышленника К.М. Сибирякову Толстой благодарит за согласие обеспечить журнал и сообщает о намерении «вести один, а то и два отдела...». Признаваясь в письме П.И. Бирюкову: «Журнал очень вызывает меня к деятельности», Толстой замечает, что его «смущает» научный отдел: «Это самое трудное. Как раз выйдет пошлость. А этого надо бояться больше всего».

Выражая «сочувственное» отношение к мысли об издании народного журнала, Толстой настойчиво предупреждал, что «издание хорошего по направлению народного журнала у нас будет не изданием, а танцеванием на канате, конец которого может быть только двух родов — оба печальные — компромиссы с совестью или запрещение». «Журнал нужен такой, — продолжал писатель в письме к литератору В.М. Грибовскому, просившему совета по изданию журнала, — который просвещал бы народ, а правительство, сидящее над литературой, знает, что просвещение народное губительно для него, и очень тонко видит и знает, что просвещает... и все это запрещает, делая вид, что оно озабочено просвещением: это самый страшный обман, и надо не попадаться на него и разрушать его» (65: 192). Позже корреспондент писателя попросил разрешения напечатать это письмо: «Мысль о таком журнале возникает и теперь. Было бы желательно опубликовать ваше авторитетное мнение, высказанное 12 лет назад, но имеющее все то же значение до сих пор»¹⁴.

С перепиской писателя связано появление его многих публицистических работ. Ответное письмо писателя зачастую становилось отдельной статьей.

Письмо Л. Толстого к Р. Роллану появилось в газете «Неделя» в 1888 году под названием «О ручном труде». Статья «Неделание»

---

¹⁴ *Грибовский В.* Граф Л.Н. Толстой о народном журнале // Слово. 1905. № 31.

была вызвана телеграфным запросом (с оплаченным ответом): «Что ожидает человечество?» редактора журнала «Revue de revues», приславшего также газетные вырезки из французских газет с речью А. Дюма и Э. Золя. Статья «Приближение конца» была вызвана письмом голландского журналиста Вандервера, а «Религия и нравственность» — письмом редактора берлинского журнала «Für Ethische Kulture» Г. фон Гижицкого. Как ответ на письмо М.Д. Суворова появилась статья писателя «Как освободиться рабочему народу?».

Для публикации предназначались «Письмо к польской женщине», «К итальянцам». В форме обращения написаны статьи «Верьте себе» (обращение к юношеству) и «Любите друг друга» (обращение к кружку молодежи). В ответ на личное обращение написаны «Письмо к японцу», «Письмо к китайцу» (к китайскому писателю Ку-Хун-Мину). В «Письме студенту о праве», несмотря на пометку «без ответа», Толстой откликнулся на вопросы студента петербургского университета И. Крутика.

Статья «По поводу конгресса о мире. Письмо шведам» была вызвано обращением к писателю группы шведской интеллигенции в связи с созывом по инициативе Николая II мирной конференции в Гааге в мае 1899 года.

Написанное в ответ на коллективное обращение к Толстому членов Петербургского комитета грамотности В.В. Девель, Н.А. Рубакина, А.М. Калмыковой с просьбой высказаться о закрытии комитетов грамотности письмо писателя, стало известно как статья «Письмо к либералам» (1896). Письмо писателя к английскому журналисту Джону Мансону по поводу англо-американского столкновения из-за границ Венесуэлы, разрослось в статью «Патриотизм или мир?» (1896). В ней Толстой дал яркую картину состояния международных отношений, убеждал, что патриотизм, понимаемый как национализм, «желание исключительного блага своему народу», неизбежно ведет к войне: «Разбойничья работа ни на минуту не прекращается, и то здесь, то там не переставая идет маленькая война, как перестрелка в цепи, и настоящая, большая война всякую минуту может начаться» (90: 47).

Трактат Толстого «О Шекспире и о драме» (1906) был написан как ответ на просьбу Э. Кросби написать «вступительное слово» к его статье об отношении Шекспира к рабочему народу, что «обеспечило» бы ей широкое распространение в Англии (письмо 1905 года [68: 309]. Трактат так и начинается: «Статья г-на Кросби... навела меня на мысль высказать и мое, давно установившееся, мнение о произведениях Шекспира...» (35: 216).

Последняя статья писателя «Действительное средство» (1910) стала ответом на просьбу начинающего литературного критика

К.И. Чуковского присоединить свой голос к выступлению писателей и журналистов против смертной казни в газете «Речь».

Многие письма Толстого к журналистам, ставшие статьями, так и сохранили в заглавии обращение к ним. Письмо к В.А. Гольцеву «Об искусстве», «Письмо к Н.А. Александрову», редактору художественного журнала. Одна из последних статей писателя «Письмо Л.Н. Толстого к В.А. Поссе», опубликованная в «Жизни для всех» в 1910 году (№ 3), под заглавием с указанием редакции журнала {«О важности знания народами основ великих религий мира». Редактору журнала «Жизнь для всех» В.А. Поссе} так и вошла в 90 том Полного собрания сочинений Толстого.

Как показывает переписка, замыслы многих статей писателя были вызваны газетными публикациями. По переписке с Н.С. Лесковым в начале 1890-х годов можно проследить, как появился знаменитый толстовский цикл статей о голоде, в котором поставлен «страшный вопрос»: есть ли в России голод? В это время писатель опубликовал открытые письма в редакции газет «Русские ведомости», «Новое время», «Неделя», принял деятельное участие в помощи голодающим крестьянам, в течение нескольких лет печатал отчеты о пожертвованиях на страницах «Русских ведомостей».

Статью «Не убий» Толстой начал сразу после газетных сообщений об убийстве итальянского короля Гумберта I анархистом Гаэтано Бресси 17 июля 1900 года. Нашумевшая статья «Праздник просвещения 12 января» появилась сразу после прочтения писателем 9 января 1889 года в «Русских ведомостях» объявления (текст которого писатель включил в статью) о предстоящем товарищеском обеде бывших воспитанников Московского университета в день его основания 12 января (25 января по новому стилю). Статья была написана за один день, и Толстой сразу сам отнес ее В. Гольцеву в редакцию газеты для опубликования.

Знаменитая статья «Не могу молчать», задуманная как воззвание к русскому и мировому общественному мнению, была вызвана потрясением писателя от ежедневных газетных сообщений о смертных казнях, «столыпинских галстуках». «И это в каждой газете. И это продолжается не неделю, не месяц, не год, а годы... Беру нынешнюю газету», так, с прямыми ссылками на газетные источники, начинает статью Толстой. «В газете стоят короткие слова», — и писатель, предваряя разговор о взволновавшем его событии, приводит газетную заметку из «Русских ведомостей» от 10 мая и «Руси» от 11 мая 1908 года о повешении крестьян «за разбойное нападение на усадьбу землевладельца».

Поводом для написания резко обличительной статьи «Христианство и патриотизм» послужила шумная квазипатриотическая кампания в связи с заключением военного франко-русского союза

1893 года. Торжества по случаю прибытия русской эскадры в Тулон вызвали в газетах поток приветственных телеграмм; Толстой в статье приводит текст одной из них — студентов Московского университета. Суворин и редактор газеты «Свет» Комаров во время празднеств в Париже выступали как «делегаты русской печати»; там был и редактор «Недели» П. Гайдебуров, которого Меньшиков и Лесков отговаривали ехать: «и Гайдебуров Павел себе чести сбавил». После прочтения корреспонденции «Русская эскадра в Тулоне» в газете «Русские ведомости» (1893, № 291 от 22 октября) Толстой, возмущенный «океаном глупости» по поводу этих торжеств, и начал писать «статью-протест». В ней Толстой вскрывает истинный смысл франко-русских военных торжеств. Прочитав урапатриотические высказывания газет «Новое время» и «Сельский вестник»: «...восторг толпы граничил с бредом», «событие всемирное, изумительное, трогающее до слез», Толстой замечает, что в газетах сообщались не только тосты, но и «меню обедов, с пирожками и закусками, которые потреблялись на обедах», а в английской газете «было перечисление всех тех пьяных напитков, которые были поглощены во время этих празднеств».

Прямые ссылки на газеты содержит толстовская статья «Патриотизм или мир?» Трактат «Что такое искусство?» начинается предложением: «Возьмите какую бы то ни было газету нашего времени, и во всякой вы найдете...» Именно с обзора одного из номеров газеты «Русские ведомости» начинается статья «Наука и искусство».

Неслучайно результатом заинтересованного прочтения прессы стала написанная за год до смерти писателя небольшая статья «Номер газеты», замысел которой возник у писателя еще в конце 1880-х годов: «Уже давно эта мысль приходит мне: написать обзор одного номера с определением значения каждой статьи...» Газета «Слово» от 16 января 1909 года сохранилась в Музее Л.Н. Толстого с пометами, сделанными его рукой. Писатель вдумчиво, с карандашом читает статью за статьей: отчеркнуты кое-какие места в передовой статье и некоторых сообщениях, цифрами отмечены заголовки отдельных статей. «Вчера, при чтении газеты, — отметил Толстой в начале статьи, — бессмысленность нашей жизни особенно ярко и живо поразила меня». Писатель с горечью говорит о массовом гипнозе, в котором держат миллионы людей, о том, что они «беспрекословно исполняют то, что от них потребуются», потому что «потеряли сознание своего духовного “я”, сознание своего человеческого достоинства».

Оценку журналов или разбор их отдельных номеров находим во многих письмах писателя. В корреспонденции от 8 ноября 1895 года, адресованном издательнице «Северного вестника» Л. Гуревич, Толстой пишет: «Очень желаю быть вам полезным, потому что журнал

ваш мне все больше и больше нравится». Затем он анализирует ноябрьский номер журнала «Северный вестник»: «Последний № прекрасно составлен, за исключением невозможной неряшливой бессмыслицы Соллогуба и Вагнера столь же неряшливой статьи. Семенова рассказ — прекрасен». (Неодобрительный отзыв Толстого вызвал роман Ф. Соллогуба «Тяжелые сны» и рассказа писателя Н.П. Вагнера).

Интересен отзыв Толстого о либерально-буржуазном журнале «Освобождение», издававшемся П.Б. Струве в Штутгарте с 1902 года, и журнале легальных марксистов «Жизнь» под редакцией В.А. Поссе: «Получил “Освобождение” Струве и новую “Жизнь”. Первое очень недурно. “Жизнь” же, к сожалению, совсем не удовлетворила меня. Не говоря о несерьезности тона, главный недостаток — это нелепое, ничем не оправданное предрешение хода человеческой жизни, долженствующее будто бы неизбежно выразиться в социализме. Материала интересного там очень много. Я говорю о перечне стачек и политических наказаний и ссылок. Но в общем я не могу себе представить читателя этого журнала и того влияния, которое он может иметь» (72: 109).

В письме (26 января 1909 г.) к И.И. Перперу, издателю кишиневского журнала «Вегетарианское обозрение», Толстой хвалил «прекрасно» составленный первый номер журнала и обещал «сотрудничать в нем, если будет случай» (79: 46). Высоко оценил Толстой журнал «Долой оружие», издававшийся писательницей (к одноименному роману которой он написал предисловие) Бертой фон Зутнер: «Преинтересный и прекрасно ведомый журнал, который надо выписать и которым надо пользоваться» (84: 202).

Во многих письмах мы находим отзывы писателя об отдельных статьях. Прочитав в журнале «Русское богатство» статью Л. Оболенского «Научные основания учения любви», он написал автору: «Ваша статья... доставила мне большую радость, и я очень благодарю Вас за нее. Она, во-первых, отлично написана — ясно, кратко и горячо...» (65: 328). «Очень хорошей» назвал Толстой переделку М.К. Цебриковой эпизода из романа Золя, изданного «Посредником» в 1886 году под названием «Жервеза. Рассказы из жизни рабочего люда». Опубликованная в газете «Русь» (1906) корреспонденция вызвала поучительную критику писателя: «Дурно написано. Такие ужасные факты излагает со своими эпитетами, пояснениями, выводами. Они только ослабляют впечатление. Надо читателю самому предоставить делать эти выводы». Надо отметить, что многие газетные статьи Толстой оценивал как поверхностные, замечая, что автор «пишет напыщенно, без всяких доказательств».

В письме Страхову Толстым дан отзыв о статьях В. Розанова: «Можно быть даровитым, можно кончить курс в Московском уни-

верситете, переводить Аристотеля, писать о Достоевском и т.д. И не иметь самых элементарных понятий о праве и религии, остаться малым ребенком в самых существенных вопросах. Обо всем слегка, выпренно, необдуманно, фальшиво возбужденно и с самодовольством ретроградно». (66: 367).

Из переписки Толстого видно, насколько большое значение Толстой придавал тону изложения материала. По поводу оскорбительных статей В. Буренина в «Новом времени» против С. Надсона писатель говорит об ответственности журналиста в случае «неосторожности обращения с оружием слова», легкомыслии, «последствия которого не обдуманы», или «нелюбви, злобы к человеку»¹⁵. Об этом Толстой беседовал с Н.А. Альмединген, издательницей детских и педагогических журналов «Родник», «Воспитание и обучение» и «Солнышко» в 1910 году.

И очень важное замечание об интонации статьи сделал Толстой в рецензии на понравившееся ему предисловие Черткова к сборнику «Студенческое движение» (1899): «Я изменил бы только несколько слов. В некоторых местах... я бы смягчил выражения. Статья по содержанию своему так сильна, что резкость выражений только ослабляет, подрывая доверие к спокойному беспристрастию автора» (88: 184). Но зачастую Толстой не шел на смягчение: «Смягчать, оговариваясь, нельзя. Это нарушает весь тон, а тон выражает чувство, а чувство заражает (чувство иногда негодования) больше, чем всякие доводы» (87: 11).

В письмах Толстого встречаются деликатные советы журналистам. Корреспонденту «Биржевых ведомостей» М. Майкову — как писать о голоде; В. Поссе — об умении в печати подать материал, факты: «...возьмите самое главное, самое нужное», дайте «справедливое их, но не тусклое освещение... Не бойтесь быть и субъективным, бойтесь только неискренности. Не упускайте мелочей, но и не нагромождайте их» (76, 301). Зачастую возникал своеобразный диалог о мастерстве публициста. Обсуждая трактат Толстого «Царство Божие внутри вас» (1893), Н.С. Лесков осторожно замечал: «Но только не пренебрегите и стилем. Тут это будет иметь большое значение. В “Царстве Божиим” и еще в последних вещах чувствуются дописки, сделанные на маржах и внесенные в текст “силом”. В Катехизисе, вероятно, этого не будет, ибо это вредит силе впечатления...»¹⁶.

По мнению Толстого, легальная русская пресса, выполняя роль «темнителей народного сознания», приглушала большие вопросы времени. Отсюда и толстовское неприятие газетного стиля — с его отвращением ко всякой искусственности, безликости, шаблонам

¹⁵ Литературное наследство. Т. 37—38. С. 241—242.

¹⁶ Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. Т. 2. С. 324.

газетной фразеологии. Он писал в 1884 году: «Пусть будет язык Карамзина, Филарета, Аввакума, только не наш газетный». Толстого раздражали статьи журналистов, стремившихся к «звонкости» слога, или желанием поразить читателя «оригинальностью», «ученостью», без необходимости насыщавших статьи латинскими изречениями. В январе 1909 года, прочитав книгу Е.И. Лозинского «Итоги парламентаризма», Толстой отметил в дневнике ее основной недостаток: написана «слишком бойко газетно», хотя предмет «настолько важный, что требует самого серьезного, строгого отношения».

Та же мысль прослеживается в письме П.И. Бирюкову: «Язык надо бы по всем отделам держать в чистоте — не то чтобы он был однообразен, а напротив — чтобы не было того однообразного литературного языка, всегда прикрывающего пустоту... Если газетный язык будет в нашем журнале, то все пропало» (63: 286). Прочитав в «Северном вестнике» статьи ведущего критика журнала А.Л. Волынского, Толстой обратил внимание на свойственную его статьям «излишнюю цветистость» изложения.

Толстой высоко ценил мастерство журналиста, он даже заметил: «Журналисты умеют выбирать самое существенное и передавать его ясно, точно и коротко; это такое же искусство, как ораторство». И он доказал это своей публицистикой. Так, говоря о том, что хороший пример обладает силой заразительности, Толстой восклицает: «Как одна свеча зажигает другую, и одной свечей зажигаются тысячи, так и одно сердце зажигает другое, и зажигаются тысячи» — это один из «сквозных», излюбленных образов Толстого художника и публициста.

Толстой любил приводить герценовское определение государства (из «Письма к императору Александру II») — «Чингис-Хан с телеграфами», настойчиво доказывая опасность ужаснувшей Герцена возможности подобного государственного устройства. «И Чингис-Хан не только с телеграфами, но с конституцией, с двумя палатами, прессой, политическими партиями *et tout le tremblement*» (со всем присущим шумом), — предостерегал писатель в одной из своих последних статей «Пора понять» (1909).

Эта тревога писателя прозвучала и в ответном письме (1890 г.) к профессору государственного права Московского университета, известному публицисту Б.Н. Чичерину: «Недаром Герцен говорил о том, как ужасен бы был Чингис-хан с телеграфами, с железными дорогами, журналистикой. У нас это самое совершилось теперь. И более всего несоответствие это заметно — именно на журналистике...» Далее он подчеркивает: «В особенности поразила меня справедливость мысли о зловредном действии на общество развившейся журналистики нашего времени, конца XIX века, при формах правления XV-го» (65: 133).

Переписка Толстого с журналистами показывает, насколько широк был обсуждаемый ими круг проблем, и прежде всего связанных с профессией — литератора, журналиста. По письмам писателя можно проследить, какое огромное значение он придавал свободному выражению общественного мнения. Он считал, что ни одно правительство не может быть прочным и всесильным без поддержки общественного мнения, поэтому и затрачивает столько усилий на его формирование. «Власть правительства держится теперь уже давно на том, что называется общественным мнением... Правительства посредством всех своих органов, чиновников, суда, школы, церкви, прессы даже, всегда могут поддержать то общественное мнение, которое им нужно», — утверждал Толстой в статье 1894 года «Христианство и патриотизм» (39: 71).

Недаром писатель обращался к издателям с настойчивым требованием «по-герценовски, по-журнальному, писать о современных событиях...».

Письма журналистов к писателю показывают, как много значило для них «авторитетное слово» Льва Толстого. В начале XX столетия литераторы с гордостью увидели в нем великого писателя и своего авторитетного коллегу. В 1902—1903 годы, когда русская печать отмечала свой 200-летний юбилей, многочисленные публикации в прессе были связаны с именем Льва Толстого. Лидер позднего народничества Н.К. Михайловский увидел в писателе «живой, воплощенный в плоть и кровь символ достоинства печатного слова», вслед за ним на страницах «Русского богатства» и «Русских ведомостей» В.Г. Короленко утверждал, что Толстой «поднял печатное слово на недостижимую высоту» [Лев Толстой и русская печать..., 2003].

Их младший современник М. Лемке, автор книги «Думы журналиста», будущий авторитетный историк русской цензуры, в недавно опубликованном письме к Толстому 1902 года, заявил: «Вы <...> наш, журналистов, старший товарищ, старейшина. Одно сознание: “Да, ведь, я по профессии товарищ Толстого” — я убежден, спасло не одного журналиста от нравственного падения» [Петровицкая, 2002, с. 142].

Литературно-общественная публицистическая деятельность Толстого служила нравственным ориентиром для всего русского общества.

В архиве писателя хранятся адресованные Толстому письма иностранных и русских писателей и журналистов, корреспондентов различных периодических изданий, которые до сих пор остаются по большей части неопубликованными. А двусторонняя переписка — Толстого и его современников-журналистов — позволила более полно и многогранно представить читателю их диалог.

Сегодня возникла настоятельная потребность опубликовать и исследовать переписку Льва Толстого с русскими и иностранными писателями, журналистами и издателями. Трудно переоценить значение этого источника для плодотворного изучения многоаспектной темы: Лев Толстой и литературный процесс, журналистика его эпохи.

Список литературы

Лев Толстой и русская печать 1902—1903 гг. / Сост., вступит. ст., коммент. И.В. Петровицкой. М., 2003.

Петровицкая И.В. Неизвестные письма журналистов к Толстому // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1988. № 4.

Петровицкая И.В. 200-летний юбилей печати и два юбилея Л. Толстого // Из века в век. Из истории русской журналистики. 1702—2002 / Под ред. Б.И. Есина. М., 2002.

Поступила в редакцию
10.11.2011

Н.В. Гусев, аспирант кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: gusevnikitavl@mail.ru

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ И АЛЬМАНАШНЫЙ ТИП ИЗДАНИЯ В РОССИИ 1820—1840-х годов («Мнемозина», «Детские книжки для воскресных дней», «Сельское чтение»)

Автор освещает вопрос о месте и значении альманашного типа издания в журнально-издательской деятельности В.Ф. Одоевского 1820—1840-х гг., причинах его активного обращения именно к альманашу. В статье подробно анализируются три состоявшихся альманашных проекта Одоевского — «Мнемозина» (совместно с В.К. Кюхельбекером, 1824—1825), «Детские книжки для воскресных дней» (с Б.А. Врасским, 1833—1834), «Сельское чтение» (с А.П. Заблоцким-Десятовским, 1843—1848), ориентированных на разные категории читателей, но связанных в целом единой просветительской установкой издателей.

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский, альманашный тип издания, просветительство, «Мнемозина», «Детские книжки для воскресных дней», «Сельское чтение».

The author brings up a question on a place and value of the almanac as special type of the periodical press in Odoevsky's journal publishing activity of 1820—1840th, the reasons of his active reference to the almanac. In this article are analyzed three Odoevsky's projects-almanacs — “Mnemozina” (with V.K. Kuechelbeker, 1824—1825), “Detskie knizhki dlya voskresnih dney” (with B.A. Vrassky, 1833—1834), “Sel'skoe chtenie” (with A.P. Zablotkiy-Desjatovskiy, 1843—1848), focused on different categories of readers, but connected by uniform educational installation of editors.

Key words: V.F. Odoevsky, the almanac as edition type, enlightenment, “Mnemozina”, “Detskie knizhki dlya voskresnih dney”, “Sel'skoe chtenie”.

Достаточно образованному современному читателю В.Ф. Одоевский известен как автор «Пестрых сказок», таких повестей, как «Сильфида», и очень своеобразного повествовательного цикла «Русские ночи», а интересующемуся историей журналистики еще и как соредактор В.К. Кюхельбекера по альманашу «Мнемозина». На самом деле его участие в литературно-журнальном и, шире, социокультурном процессе в России 1820—1840-х годов гораздо более многообразно и активно. Притом альманашный тип издания действительно занимает в журналистской деятельности Одоевского очень значительное место, но разработана эта тема, на наш взгляд, недостаточно¹.

¹ Стоит сказать, что и сам альманаш как особый тип издания до последнего времени был недостаточно изучен историками литературы и журналистики. Правда, в последние годы этот «переходный» тип издания привлекает все больше внимания исследователей [см. Балашова, 2011].

Альманах, как известно, появился в России в конце XVIII века («Аглая», «Аониды» Н.М. Карамзина), а расцвет его пришелся на середину 1820-х годов. Одним из самых ярких явлений в альманашном мире вслед за петербургской «Полярной звездой» в 1824—1825 годах стала московская «Мнемозина» В.Ф. Одоевского и В.К. Кюхельбекера. Объединению усилий этих молодых литераторов, кстати, поспособствовал А.С. Грибоедов, познакомивший их в 1823 году.

«Мнемозина» имела успех, что видно по динамике роста тиража. Если первая часть альманаха была издана в количестве 600 экз., то остальные части уже выпускались тиражом вдвое большим — 1200 экз. Такой тираж отвечал показателям самых успешных изданий того времени. Подчеркнем, что качество издания во многом обеспечивалось организационной работой именно Одоевского.

Критики приняли «Мнемозину» по-разному. Соредакторы альманаха «Полярная звезда» в целом положительно оценили работу Одоевского и Кюхельбекера. В обзоре за 1825 год А.А. Бестужев особо отметил «ум и начитанность» Одоевского. К.Ф. Рылеев подчеркнул преимущества языка издания: «Прозаические статьи в “Мнемозине” отличаются чистым, правильным языком, чуждым уродливых существительных и перековерканных прилагательных». Но все же большинство критиков, в общем, не очень благожелательно приняли издание.

«Мнемозина» отличалась от современных ей альманахов форматом, который более соответствовал журналу, чем альманашу — карманной книжке наподобие «Полярной звезды». Уже это вызвало неудовольствие рецензента «Сына Отечества» О.М. Сомова: «Формат сей книжки больше похож на форматы наших журналов, полных и неполных собраний и т.<ому> под.<обное>, для альманаха он велик и неукладист»².

Критикам показалось неудовлетворительным оформление издания. А.Ф. Воейков в разгромной рецензии возмущался тем, что «Мнемозина» «явилась в свет в лиловой обертке, с двумя худо литографированными картинками и премножеством опечаток»³. Отчасти с критиком можно согласиться: действительно, в альманаше можно обнаружить много опечаток, которые, правда, были отмечены и исправлены в последней четвертой части. Да и в художественном отношении издание было оформлено небогато (в четырех частях альманаха присутствует только три иллюстрации: две в 1-й кн., одна в 3-й кн.). Однако подбор и расположение иллюстративного материала были хорошо продуманы.

² Сын Отечества. 1824. Ч. 93. № 15. С. 32.

³ Новости литературы. 1824. Кн. 8. № 15. С. 22.

Первая иллюстрация относилась к очерку Одоевского «Старики, или Остров Панхай» (ч. 1), который открывает альманах. Изобразительный материал выделял это своего рода программное сочинение, в котором автор рисует «свет и людей» — старцев с ростом и поступками младенцев. На первой иллюстрации изображен старик, смотрящий на себя в зеркало; внизу подпись: «Чему смеешься ты? — Твое изображение!». На дальнем плане — старики, играющие в мяч и ползающие по земле. В первой же части помещена иллюстрация к еще одному важнейшему для «Мнемозины» материалу — созданному ее соредактором Кюхельбекером — поэме «Святополк Окаянный». В третьей книжке, вышедшей в конце октября 1824 года, соредакторы не могли не отозваться на смерть Дж. Байрона, который умер весной 1824 года, — его портрет стал данью памяти «певца, любимца Россиян» (слова из поэмы Кюхельбекера памяти поэта, опубликованной в «Мнемозине»). Кроме того, Одоевский в конце этой же книжки опубликовал статью-некролог «Смерть Байрона».

Не только по формату, но и по периодичности — четыре номера в год — издание Одоевского и Кюхельбекера более соответствовало журнальному типу периодики. Если обычно по структуре альманахи состояли из двух отделов — «Поэзия» и «Проза», то в «Мнемозине» имелись практически все отделы, характерные для научно-литературного журнала: «Изящная проза», «Военная история», «Путешествия», «Критика и антикритика», «Стихотворения», «Смесь». Одоевским был введен даже отдел «Философия». Правда, такое деление на отделы появилось только в оглавлении всех частей «Мнемозины», напечатанном в четвертом номере. Первые книги представляли собой довольно бессистемное собрание поэтических, беллетристических, философско-эстетических произведений — что было типично как раз для альманаха. Хотя уже в первых книгах о тяготении к журнальному типу издания свидетельствовала не по-альманажному большая доля литературно-критических материалов. Позднее (уже в 1844 году) В.Г. Белинский справедливо назвал «Мнемозину» «журналом-альманахом»⁴.

В альманахе Одоевскому принадлежит почти третья часть от общего числа публикаций — 20 произведений. Практически такую же часть составляют сочинения Кюхельбекера, что говорит о равной и весьма высокой доле авторского участия соредакторов в издании. Подчеркнем, однако, что программные литературно-критические статьи принадлежат главным образом перу Кюхельбекера («О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (ч. 2), «Разговор с Ф.В. Булгариным» (ч. 3)).

⁴ Белинский В.Г. Сочинения князя В.Ф. Одоевского // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В XIII т. Т. VIII. М., 1955. С. 300.

Ко времени создания первого своего издательского проекта Одоевский уже имел опыт сотрудничества в журналах «Каллиопа», «Благонамеренный» и «Вестник Европы», интересовался шеллингианством, был одним из организаторов «Общества любомудрия». Он сознавал, что с помощью журналистики можно достаточно эффективно распространять среди аудитории знания и влиять на формирование ее социально-нравственных идеалов. Именно такие задачи ставил Одоевский перед «Мнемозиной» и перед собой как журналистом-просветителем в широком смысле слова. Благодаря прежде всего Одоевскому, по справедливой оценке А.П. Пятковского⁵, «Мнемозина» стала «первым русским альманахом, в котором серьезно трактовались различные *философские* (выделено нами. — *Н.Г.*) и теоретические вопросы» [Пятковский, 1901, с. 31]. Этим она отличалась и от очень успешного и тоже ставившего высокие просветительские цели петербургского альманаха К.Ф. Рылеева и А.А. Бестужева «Полярная звезда».

На страницах «Мнемозины» Одоевский обнаружил способность к глубоким философским размышлениям. Один из первых русских шеллингианцев Д. М. Велланский после прочтения второй части альманаха, где появились «Афоризмы из различных писателей по части современного германского любомудрия» (с. 73—84), писал Одоевскому 17 июля 1824 года: «Афоризмы вашего сиятельства, помещенные в Мнемозине, читал я с величайшим удовольствием, и признаюсь, что из всех известных мне ученых россиян вы одни поняли настоящее значение философии»⁶. Но статьи Одоевского демонстрировали не просто его познания в области философии, но и желание и умение привлекать внимание читателя к серьезным научным вопросам. Примечательна его статья «Секта идеалистико-элеатическая» — это «отрывок из словаря истории философии». В преамбуле Одоевский поднимает вопрос о том, что в России очень мало философских сочинений, «нет даже ни одного журнала, которого хотя бы несколько страниц были посвящены философии»⁷. В статье он, один из руководителей «Общества любомудрия», с целью популяризации философии, в том числе ее истории, знакомит альманашную аудиторию с основными положениями философских систем древнегреческих философов-элеатов конца VI — первой половины V века до н.э. — Ксенофана, Парменида, Мелисса, Зенона.

---

⁵ Любопытно заметить, что именно Одоевский в свое время посоветовал молодому А.П. Пятковскому, в будущем довольно известному издателю и публицисту, заняться историей русской журналистики.

⁶ Из бумаг князя В.Ф. Одоевского // Русский архив. 1864. № 7, 8. С. 805.

⁷ *Одеск. [Одоевский В.Ф.] Секста идеалистико-элеатическая // Мнемозина. 1825. Ч. 4. С. 160.*

Кроме интереса Одоевского к философии в альманахе проявилась и его любовь к музыке. К первым двум частям «Мнемозины» были приложены камерно-вокальные сочинения А.Н. Верстовского и М.Ю. Виельгорского. А третью часть издания Одоевский решил украсить своим собственным музыкальным опусом на стихи «Татарской песни» из «Бахчисарайского фонтана» А.С. Пушкина.

В целом первый альманашный опыт Одоевского, одного из создателей особого типа альманаха, весьма удачен, несмотря на некоторые критические отзывы в современной ему печати. В истории русской журналистики «Мнемозина» — уникальное издание такого типа, именно благодаря Одоевскому вполне органично сочетающее в себе литературную и одновременно научно-популярную философскую часть. Правда, век его был недолог: в 1825 году альманах прекратил свое существование, главным образом из-за финансовых и организационных трудностей.

История альманашных опытов Одоевского, однако, продолжалась. Не имея собственной площадки для выступлений, он активно участвует в «чужих», хотя и близких ему по общей серьезной просветительской ориентированности, альманахах — публикует «древнее предание» «Заветная книга» в «Урании» на 1826 год М.П. Погодина, аполог «Смерть и жизнь» в «Северной лире на 1827 год» С.Е. Раича и Д.П. Ознобишина. В начале 1830-х годов Одоевский сотрудничает с одним из лучших альманахов этого времени — «Северными цветами» А.А. Дельвига, напечатав там повести «Последний квартет Беттговена (так в тексте. — *Н.Г.*)» в 1830 году и “*Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi*” в 1831 году.

А через 10 лет после «Мнемозины» вместе с Б.А. Врасским, с которым их связывали родственные и служебные отношения, Одоевский издал «Детские книжки для воскресных дней» — соответственно на 1834 и 1835 годы. В этом альманашном опыте проявилось характерное для Одоевского, не имевшего собственных детей и, видимо, тяготившегося этим, постоянное внимание к детской аудитории и проблемам ее воспитания и образования. Причем, если Одоевский как автор художественных произведений для детей неплохо изучен, то его участие в детской журналистике в науке освещено очень мало.

«Детские книжки для воскресных дней» — это типичный альманах, выходявший к Новому году. В то же время его отличал двойной адресат: в основном, конечно, он обращался к дворянским детям младшего возраста (от начинающих читать семилеток до приблизительно 12-летних), но появлялись материалы и для их воспитательниц.

Даже внешнее оформление издания притягивало внимание читателей, что особенно важно в детской литературе. Альманах не-

обычного альбомного формата, в 16-ю долю листа (12,5×20,5 см) был напечатан на хорошей бумаге, крупным четким шрифтом. В конце обеих книжек прилагались черно-белые изображения тех предметов, о которых шла речь в публикациях (например, «камер-обскура» (так в тексте. — *Н.Г.*)).

Хотя о четкой архитектонике издания говорить не приходится, композиционно альманах делился на две части. В первой, незаглавленной и большей по объему, помещались художественные произведения для детей (всего в обоих выпусках — 12 публикаций). Во второй — озаглавленной «Смесь» и меньшей по объему, но с большим количеством наименований материалов — практические советы и учебные задачи для детей (всего 35 публикаций). Так, в альманахе Одоевского — Врасского соединились два вида издания: собственно детского и педагогического, продолжая традиции знаменитого «Детского чтения для сердца и разума» Н.И. Новикова. Правда, неясно, насколько осознавали связь своего альманаха с первым русским детским журналом сами издатели.

Зато прямо декларировалась опора на идеи современных издателям классиков европейской педагогической мысли первой трети XIX века И.Г. Песталотти (1746—1827) и Ж. Жакото (1770—1840)⁸. «Детские книжки» были подчинены высокой учебно-просветительской цели — привлечению внимания детей «к предметам знания, к сему единственному, верному руководителю в жизни»⁹.

Одним из важнейших отличий издания Одоевского — Врасского по сравнению с другими детскими и педагогическими изданиями 1830-х годов («Педагогический журнал» А. Ободовского, Е. Гугеля и П. Гурьева, «Всеобщая библиотека» А. Очкина) стало то, что в нем почти не было произведений, ориентированных на формирование религиозных представлений подрастающего поколения. Д.Ф. Тарасов справедливо замечает: «В то время, когда считалось допустимым в воскресные дни лишь религиозное чтение, Одоевский создал для воскресного чтения светские книжки для детей...» [Тарасов, 1963, с. 11].

Безусловным достоинством рассматриваемого альманаха стало увеличение количества оригинальных публикаций. Заимствованные материалы (в основном из французского журнала «La Récréation, Journal des Écoliers»¹⁰) впервые в детском издании перестали господствовать над оригинальными. Среди оригинальных сочинений

---

⁸ См., например, прямое указание на эффективность «методы Жакото» в предисловии ко второй «Детской книжке» (с. VI).

⁹ Предисловие // Детская книжка для воскресных дней на 1835 год. 1834. С. IV.

¹⁰ «La Récréation, Journal des Écoliers» («Развлечение, журнал для школьников») — ежемесячный иллюстрированный журнал, выходивший в Париже с 1833 по 1837 год.

основное место занимали тексты Одоевского в разных жанрах на самые разные темы. Главной задачей при создании и публикации того или иного произведения была задача «обращать внимание детей на предметы им неизвестные и, так сказать, раздражать их любопытство или, как теперь говорят, их *любопытность*»¹¹.

Некоторые собственные произведения Одоевский опубликовал под своим любимым псевдонимом «дедушка Ириной». Эта маска мудрого «магистра философии и члена разных ученых обществ»¹² перекочевала в альманах из «Пестрых сказок», изданных в 1833 году, обретя дополнительные черты. «Дедушка Ириной» — пожилой человек, умудренный не просто штудиями ученого, а большим жизненным опытом, желающий поделиться им с близкими его сердцу маленькими читателями. Отсюда и эпитеты в обращении к детям — «любезные», «милые».

Под этой маской в альманахе появилась сказка с явно просветительской установкой и философским смыслом «Червячок»¹³. Это вообще одно из самых удачных произведений Одоевского в данном издании и вообще в жанре детской сказки. Точно и одновременно образно рассказывая о превращении гусеницы («червячка») в прекрасную бабочку, автор умело вводит детей в мир естествознания и вместе с тем в мир общих законов развития, изменений в окружающем мире.

Одоевский создавал свои материалы, учитывая установку не только на знания общефилософского плана, но и на практические знания и представления. Об этом свидетельствуют «Отрывки из журнала Маши», написанные Одоевским от лица ребенка. Цель автора — ненавязчиво начать готовить маленьких дворянских девочек к тому, с чем столкнется каждая из них повзрослев: как грамотно распоряжаться деньгами, как правильно вести хозяйство, например, как, не полагаясь только на прислугу, убирать дом. Маша признается в дневнике: «Вижу теперь на опыте, какую правду мне говорила маменька, что ученье полезно во всем, даже в самых малейших случаях...»¹⁴. В «Журнале Маши» Одоевский, видимо, с рекламной целью отсылает своих читателей к «Книге Наума о великом Божием мире» М.А. Максимовича (М., 1833). Он высоко ценит данное издание: «Это первая или, лучше сказать, единственная на русском языке книга, равно приспособленная к понятию как простого народа, так и детей»¹⁵.

¹¹ От издателей // Детская книжка для воскресных дней на 1834 год. 1833. С. 2—3.

¹² Одоевский В.Ф. Пестрые сказки. СПб., 1996. С. 6.

¹³ Детская книжка для воскресных дней на 1835 год. 1834. С. 1—14.

¹⁴ Отрывки из журнала Маши // Детская книжка для воскресных дней на 1834 год. 1833. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 45.

В целом «Детские книжки для воскресных дней» — довольно значимое явление в альманашном мире, стоявшее у истоков качественных светских¹⁶ изданий для детей и педагогов. Альманах прекратил свое существование по не совсем понятным причинам.

И хотя «Детские книжки», как в свое время «Мнемозина», имели короткую историю, интерес Одоевского к изданию альманахов и с их прекращением не угас. Еще почти через десять лет, в 1843 году, родилось «Сельское чтение» Одоевского и А.П. Заблоцкого-Десятовского, известного русского экономиста и государственного деятеля. Они познакомились еще во время их сотрудничества в «Отечественных записках» А.А. Краевского. В начале 1840-х годов оба служили по Министерству государственных имуществ, причем Заблоцкий с 1841 года редактировал журнал министерства. Одоевский еще с 1838 года был членом Ученого комитета этого министерства, осуществлял учебно-методическое руководство сельскими приходскими училищами для государственных крестьян. Заблоцкий, который работал в «комитете Киселева», готовившем решение крестьянского вопроса в России, также активно участвовал в разработке образовательных программ правительства для народа. Своеобразной и очень плодотворной частью деятельности этих неординарных сотрудников Министерства государственных имуществ стало рассматриваемое нами практически первое издание «для народного чтения» в России. Альманах «Сельское чтение» был рассчитан на аудиторию, весьма далекую от издателей, по крайней мере, по социальному статусу, и соответственно знания, приобретенные, в том числе и по долгу службы, им явно пригодились. Кстати, о специальном интересе Одоевского к престолярной аудитории свидетельствует и выпущенная им еще в 1833 году при «Журнале общепользных сведений» книжка для народа «Краткое понятие о химии, необходимое для свечных мастеров».

Всего вышло 4 книжки «Сельского чтения» (в 1843, 1844, 1845 и 1848 годах). Востребованность их была такова, что они многократно переиздавались. Например, первая книжка за 20 лет, до 1864 года, выдержала 12 переизданий. Всего за первые два года разошлось 30 тыс. экземпляров — это чрезвычайно большие цифры для того времени (ср.: тираж самого востребованного толстого журнала «Отечественные записки» в 1840-е годы составлял 8 тыс. экземпляров). Следует, однако, иметь в виду, что «Сельское чтение» субсидировалось государством, и большая часть тиража отправлялась в приходские училища в обязательном порядке.

Книжки «Сельского чтения» журнального формата (в 8-ю долю листа) печатались на серой тонкой бумаге. Это удешевляло издание

---

¹⁶ Слово «светский» — в значении «нерелигиозный».

и позволяло ему лучше расхотиться. При доступности «Сельское чтение» было внешне довольно привлекательно благодаря хорошему оформлению, множеству иллюстраций. Например, в первой книжке на 112 страницах — 21 иллюстрация. На титульном листе всех выпусков изображены крестьяне в избе, окружающие почтенного старца, который им читает книгу, а над ними висит икона. Рисунки символически указывали на цель издания.

Уже первые отклики в периодике на дебютную книжку альманаха были весьма лестны для издателей. Причем особо выделялись доступность и «наглядность» как верно выбранные стратегии издания для народа. Так, анонимный рецензент «Земледельческой газеты» отмечал: «При весьма чистой, можно сказать нарядной, наружности, с картинками, эта книжка продается у всех книгопродавцев за 30 копеек серебром»¹⁷. В первой рецензии на «Сельское чтение» В.Г. Белинский писал: «Простые люди, что малые дети, — наглядность и заохочивает их к чтению, и помогает понимать читаемое»¹⁸. Доступности способствовал и язык издания, который еще в 1904 году так охарактеризовал исследователь просветительской деятельности Одоевского Б.А. Лезин: «Везде язык — народный, образный, превосходящий всякие похвалы; все рассказы пересыпаны народными пословицами, поговорками»¹⁹. Действительно Одоевскому удалось «отвлеченные понятия науки передавать простым, образным языком и в художественной форме, доступной для всякого крестьянина»²⁰.

Вместе с тем в авторской и издательской деятельности Одоевского в альманахе отразилась противоречивость его отношения к простому народу. Показательно в этом отношении письмо Одоевского 1843 года к М.Н. Загоскину, также сотрудничавшему в «Сельском чтении», в котором Одоевский довольно четко охарактеризовал отношение к народу как своей целевой аудитории: «Теперь нашему простому народу — кажется, не более лет 13-ти; беда, если к нему попадается Фоблаз или Выжигин; испортится и физически, и нравственно — и после не поправить никаким лекарством»²¹. В ответ ему Загоскин отвечал: «Конечно, теперь для него лучше ничего нельзя придумать «Сельского чтения». Спасибо вам за намерение и выполнение. Дай Бог, чтоб наши мужички по-

¹⁷ Земледельческая газета. 1843. 16 февраля. № 14. С. 112.

¹⁸ *Белинский В.Г.* Сельское чтение... // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. VI. М., 1955. С. 690.

¹⁹ *Лезин Б.А.* Краткий обзор просветительной деятельности кн. В.Ф. Одоевского и его педагогических принципов // Русская школа. 1904. № 12. С. 52.

²⁰ Там же.

²¹ Письмо В.Ф. Одоевского М.Н. Загоскину // Русская старина. 1902. № 9. Сентябрь. С. 632.

любили это чтение, которое решительно должно им принести пользу»²². Позиция Одоевского по отношению к крестьянам явно исходит из искреннего желания заботиться об умственном и нравственном воспитании простонародья, но одновременно она грешит излишним недоверием к его способностям самостоятельного развития. В редакционной предисловии к первой книжке Одоевский и Заблоцкий-Десятовский напутствовали своих читателей: «Век живи, век учись; но учись доброму, тогда и дурное на ум не пойдет... Прочтешь (книжку. — *Н.Г.*) раз, прочти в другой и в третий. А выразишь все, тогда читай вторую книжку Сельского чтения»²³.

В целом в издании преобладал общепросветительский пафос. Однако постоянно публиковались здесь и материалы, в которых проводились религиозно-нравственные идеи. В предисловии к третьей части альманаха провозглашалась задача способствовать тому, чтобы «всякое дело» читателям-крестьянам «сподручнее было, а больше всего — любовь бы друг к другу» между ними утверждалась, «да верность Царю, да Вера Православная»²⁴. Эта формулировка сильно отличалась от декларированных целей не только «Мнемозины», но и «Детских книжек». В каждом выпуске «Сельского чтения» присутствовали публикации, посвященные религии, причем среди авторов таких текстов был и сам Одоевский. В четвертой части находим его статью «Церковь», в которой он убеждает крестьян в исторической устойчивости христианства как мировой религии и его значения в истории человечества: «Одна церковь стоит как прежде была, без перемены. И все в ней те же молитвы творят, и по тем же книгам читают, как читали за тысячу лет»²⁵. Оценивая такого рода редакционные заявления, надо иметь в виду, что их появление на первых страницах созданного на деньги правительства альманаха для народа было в общем неизбежно. Едва ли они могут быть признаны свидетельством исключительно свободного идейно-нравственного выбора издателей-редакторов «Сельского чтения». Тем более, что большинство материалов и в этом альманахе носило светски просветительский познавательный характер.

Показательна в этом отношении статья Одоевского «Что такое чертеж земли, иначе план, карта и на что все это пригодно»²⁶. Рассказ о том, как можно начертить план комнаты, деревни, уезда, губернии, страны, иллюстрировался приложенной картой Европы

---

²² Из переписки князя В.Ф. Одоевского // Русская старина. 1904. № 8. Август. С. 416.

²³ Сельское чтение. Книжка первая. 7-е изд. 1848. С. I.

²⁴ Сельское чтение. Книжка третья. 3-е изд. 1848. С. II.

²⁵ Сельское чтение. Книжка четвертая. 1848. С. 2.

²⁶ Сельское чтение. Книжка первая. 7-е изд. 1848. С. 76—81.

и «той части России, которая лежит в Европе». Подчеркивание связи России именно с Европой, которая у читателя обычно ассоциировалась, как минимум, с научно-техническим прогрессом, тоже, очевидно, неслучайно.

Всего в четырех книгах помещено 14 произведений Одоевского, подписанных его собственной фамилией или псевдонимом «дядя Ириней». Эту маску деревенского мужика-грамотея, живущего в селе Ивановка, Одоевский создал специально для «Сельского чтения», трансформировав уже известную маску «дедушки Иринея» из «Детских книжек...». Впервые «дядя Ириней» появился во второй книжке и был представлен самим Одоевским: «Человек он не старый, да и не молодой, но такой здоровенный; сам работает, да и батраков нанимает, потому что человек бессемейный; были у него жена и дети, да всех Бог прибрал...»²⁷. Под маской «дяди Иринея» в статьях-«грамотках» Одоевский толковал простому народу и о сложных философских вопросах — например, о том, «что вокруг человека и о человеке» (кн. 3, с. 1—9), и о вполне конкретных, имеющих прагматический смысл — о том, «что такое чистота и к чему она пригодна» (кн. 3, с. 29—30) и др.

Достоинство Одоевского как автора альманаха для народа прежде всего заключается в готовности говорить на самые разные темы с простонародным читателем, начиная с простейших правил поведения цивилизованного человека. Осознавая крайне низкий уровень образованности и общей культуры крестьян, интеллигент, бывший любомудр Одоевский не считал для себя зазорным писать о самых, казалось бы, простых, но все же еще не усвоенных деревенской Россией поведенческих нормах. Таковы опубликованные им в 4-й книжке «советы на случай повальных болезней» — эпидемий: «Держи избу чисто», «каждый день <...> отворяй окно», «постель хоть в две недели раз на дворе выколачивай», «хоть раз в неделю в баню ходи», «сырого ничего не ешь»²⁸.

Пропагандируя пользу грамотности для простого народа, Одоевский привлекал внимание к тем лучшим образцам русской литературы, которые могли быть легко усвоены малоподготовленным читателем. Вполне закономерно, что особо выделялось творчество И.А. Крылова: «Иван Андреевич умных книжек словно умных детей народил»²⁹. Из статьи «Кто такой дедушка Крылов?» читатель мог узнать о том, как в Петербурге в 1838 году праздновали (кстати, по инициативе в том числе и Одоевского) юбилей 50-летней литературной деятельности Крылова. В конце статьи приводились

²⁷ Сельское чтение. Книжка вторая. 4-е изд. 1848. С. 14.

²⁸ Сельское чтение. Книжка четвертая. 1848. С. 123.

²⁹ Сельское чтение. Книжка вторая. 4-е изд. 1848. С. 79.

тексты крыловских басен («Крестьянин в беде», «Совет мышей» и «Лягушка и вол») с весьма показательным напутствием: «Вот здесь три его притчи напечатаны, читай их да смекай, и будут они и уму на пользу, и душе в сладость»³⁰. Здесь, в отличие от «советов на случай эпидемий», заметно уже гораздо большее доверие к аудитории — к ее способности понять смысл представленных текстов.

«Сельское чтение» было встречено современниками по-разному, причем различались в первую очередь как раз оценки общей тональности в обращении к народу. Альманах не был принят славянофилами, склонными идеализировать русского крестьянина и полагавшими, что не столько народ надо поучать, сколько у народа можно и даже нужно учиться. А.С. Хомяков писал Одоевскому в 1845 году: «Мне кажется все издание «Сельского чтения» крайне оскорбительным явлением и выражением глубокого, ничем не заслуженного и, во всяком случае, непозволительного презрения к просвещаемому» [Егоров, Медовой, 1970, с. 340]. Думается, Хомяков неправ — в альманахе не было «презрения» к народу, хотя некоторого недоверия к его способности к самостоятельному развитию, как нами уже отмечалось, он был не чужд.

Интересно, что среди авторов одобрительных отзывов оказались представители противоположных идейных «лагерей» — Загошкин (о чем сказано выше) и Белинский. Оба они считали, что именно так, как писали в альманахе Одоевский и Заблоцкий, и надо писать для народа. Белинский, разумеется, высоко оценил прежде всего просветительскую позицию «Сельского чтения». Рецензент «Отечественных записок» утверждал, что «“Сельское чтение” открыло эпоху в истории едва начинающегося у нас образования низших классов»³¹. Среди достоинств Белинский отмечал глубокое знание быта, «потребностей и самой природы русского крестьянина», умение «угадать, что нужно для чтения простому народу», и талант, «с каким умели издатели воспользоваться этим знанием»³². Он восторженно откликался на выход каждой новой книжки, думается, иногда даже преувеличивая их достоинства.

В целом, как показывает анализ, издание Одоевского и Заблоцкого сумело ответить на вызов времени — напрямую обратиться к народу, потенциально самому многочисленному и реально самому неподготовленному читателю. Можно сказать, что верным оказался выбор издателями формата альманаха-сборника. Хотя зачинателям всегда сложно найти единственно верные стратегии, тем более в рамках правительственного издания.

---

³⁰ Там же.

³¹ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. IX. С. 301.

³² Там же. С. 302.

Итак, альманашный тип периодики занял большое место в журнально-издательской деятельности В.Ф. Одоевского. Все три состоявшиеся (пусть и в результате совместных усилий с коллегами — Кюхельбекером, Врасским, Заблочким-Десятовским) издательские проекты Одоевского в 1820—1840-х годах — альманахи. Очевидно, этот тип издания был удобен тем, что благодаря редкой периодичности и довольно свободной структуре требовал меньших усилий от издателей и открывал большие возможности для авторов.

Для Одоевского, как и многих литераторов и журналистов того времени, было характерно восприятие альманаха как необходимой ступени к изданию журнала. Недаром «Мнемозину» они с Кюхельбекером планировали трансформировать в ежемесячный журнал, «Детские книжки...» с Врасским — в журнал «Детский товарищ». Правда, оба замысла по разным причинам не реализовались.

В каждом из альманахов Одоевский ориентировался на разные категории читателей (по социальным и возрастным параметрам, по уровню образованности), но непременно помня о высокой просветительской идейно-нравственной миссии периодики. Можно сказать, что именно альманашный формат в различных его вариантах оказался для Одоевского-журналиста наиболее подходящим, в развитие именно этого типа издания на протяжении 20 лет своей творческой деятельности он сумел внести очень весомый вклад. Желание и умение говорить доступно о предметах разного уровня сложности позволило ему стать одним из создателей по сути первого в России литературного и научно-популярного, философского альманаха-журнала, а через два десятилетия — первого просветительно ориентированного альманаха для народа.

Список литературы

Балашова Ю.Б. Эволюция и поэтика литературного альманаха как издания переходного периода. СПб., 2011.

Егоров Б.Ф., Медовой М.И. Переписка кн. В.Ф. Одоевского с А.С. Хомяковым // Труды по русской и славянской филологии. XV. Литературоведение. Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 251. Тарту, 1970.

Пятковский А.П. Князь В.Ф. Одоевский и Веневитинов. СПб., 1901.

Тарасов Д.Ф. Выдающийся просветитель и педагог дореформенной России — В.Ф. Одоевский: Автореф. ... канд. дисс. М., 1963.

Поступила в редакцию
10.11.2011

Р.А. Поддубцев, аспирант кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: poddubtsev@gmail.com

А. ПЛАТОНОВ — ПИСАТЕЛЬ И ПУБЛИЦИСТ: РАННИЕ ГОДЫ

Автор прослеживает эволюцию взглядов молодого А. Платонова. Рассмотрен естественнонаучный и философский контекст творчества писателя рубежа 1910—1920-х годов. Выявлены принципиальные особенности платоновского миропонимания.

Ключевые слова: Платонов-публицист, эволюция взглядов, контекст.

The author traces an evolution of young Platonov's views. Natural science and philosophical context of the writer's oeuvre (late 1910 — early 1920's) is considered. Principal features of Platonovian world outlook are revealed.

Key words: Platonov-publicist, evolution of views, context.

Юность Андрея Платонова совпала с революцией 1917 года и Гражданской войной. Именно в это время формировались убеждения писателя, многие из которых он сохранил на всю жизнь. Первое десятилетие после коммунистического переворота проходило в России под знаком строительства государства нового типа. Казалось, уже совсем скоро неравенство и эксплуатация будут устранены, бедняки обретут волю и все человеческие блага. «Социалистические западные идеалы в русской радикально-революционной среде, сохранившей в себе, пусть и с обратным знаком, религиозную энергию народа, всегда чаявшего Царствия, Града Китежа, получили особое превращенно-хилиастическое склонение: их осуществление — причем способами исключительно внешнего общественного переустройства — должно было, по новой, горячее вере многочисленных adeptов, привести к окончательной гармонизации человеческой природы, к воцарению *райского* земного устроения» [Философский контекст русской литературы 1920-1930-х годов, 2003, с. 15]. Среди этих adeptов был и Платонов, который в начале 1920-х годов работал инженером-мелиоратором и специалистом по электрификации сельского хозяйства. Эффективность социальных преобразований он связывал прежде всего с накоплением научного потенциала и развитием техники.

Начинающий писатель штудировал труды философов и ученых — своих современников. По словам Н. Корниенко, в его библиотеке хранились брошюры К. Циолковского, фантастика Ж. Верна и Г. Уэллса, часть книги Н. Федорова «Философия общего дела»,

книга А. Рифлинга «Новая мировая война», исследование Ш. Нордмана «Эйнштейн и Вселенная», а также сочинение В. Богораза-Тана «Эйнштейн и религия» [Корниенко, 1993, с. 20—21]. Безусловно, эти и другие работы сыграли важную роль в процессе формирования уникального платоновского мировоззрения. Однако Э. Бальбуров справедливо заметил, что нельзя как умалять, так и преувеличивать значение историко-биографических фактов. Творчество любого художника следует рассматривать в контексте его эпохи, не ограничиваясь лишь обнаружением прямых влияний. Э. Бальбуров утверждает: «Читал Платонов В. Соловьева или нет, но мысль о том, что реальное целое есть живой организм и что “каждое есть необходимый орган всего”, занимает Платонова ничуть не меньше, чем автора “Чтений о Богочеловечестве”. Стояли ли на книжной полке Платонова книги С. Франка или нет, но и без того ясно, что идею реальности, которая “не предстоит нам извне, а дана нам изнутри, как почва, в которой мы укоренены и из которой произрастаем”, художественный дискурс Платонова воплощает с не меньшей энергией, чем философский дискурс С. Франка» [Бальбуров, 1999, с. 35]. Чтобы выявить особенности восприятия писателем действительности, необходимо, вне всякого сомнения, обратиться — помимо прочего — к созданным им художественным произведениям.

В самом начале 30-х годов Платонов делает в рабочем блокноте такую запись: «Мое молодое, серьезное (смешное по форме) — останется главным по содержанию навсегда, надолго»¹. Так, в сущности, и получилось. Однако это не мешает говорить о трансформации писательских взглядов. Все же двадцатидвухлетний мелиоратор и прошедший войну автор «Котлована» и «Счастливой Москвы» — разные люди. Жизнь неизбежно вносила коррективы в неизменные идеалы Платонова. Довольно часто ему приходилось «вступать в спор с самим собой, преодолевать собственные воззрения ценою тяжелых кризисных духовных состояний, отказываться от уже отработанных ранее решений и выводов во имя новых, более точных и глубоких» [Васильев, 1982, с. 46]. Важно обозначить основные вехи этой мировоззренческой эволюции и определить место писателя в истории философской и религиозной мысли. Исследователь его творчества А. Варламов говорит: «Платонов — фигура рубежа, он находится на самой линии разрыва между жизнью и смертью, между Богом и человеком, человеком и машиной, человеком и природой. Он этот разрыв пропустил через сердце, пытаясь соединить несоединимое, и, быть может, в этом пограничье и таится ключ к его творчеству и судьбе» [Варламов,

---

¹ Платонов А.П. Записные книжки. М., 2006. С. 100.

2011, с. 6]. Сегодня еще многие «двери» в художественном мире и биографии писателя остаются закрытыми. В этой статье мы сосредоточимся на раннем периоде творчества Андрея Платонова.

На малой родине Платонова знали прежде всего как поэта, журналиста, инженера. Свои многочисленные стихотворения и статьи он публиковал на страницах местных газет («Красная деревня», «Воронежская коммуна»). Главные черты его творчества этого периода — противоречивость, непоследовательность, а также утопический характер.

Платонов много внимания уделяет вопросам научного познания. Называя науку «головой» революции, он воспринимает ее как средство борьбы с природой. Такая позиция становится понятной, если вспомнить, что юный мелиоратор участвовал в борьбе с засухой, вызвавшей голод 1921 года. В одной из статей Платонов пишет: «Человек ополчается против природы посредством ее же самой, он бьет ее орудиями ее законов»². Очевидно, платоновские газетные материалы должны были выполнять просветительскую функцию. Многие процессы и явления писатель объясняет на простейших примерах, понятных даже полуобразованным людям. В то же время создается впечатление, что он размышляет вместе с читателем, чтобы самому разобраться в той или иной теме.

Платонов придерживается классового подхода: он разделяет науку на пролетарскую и буржуазную, обвиняя последнюю в идеализме. По его мнению, буржуазия «всегда в отдельном факте, явлении видела уже целую общемировую идею, бессознательно для себя перебрасывала эту идею на человеческое общество, и, удивительный результат, всегда эта ничтожная идея, заброшенная сюда из области точной науки оригинальным приемом классового мышления, всегда эта идея оправдывала существующее положение вещей»³. Буржуазному идеализму писатель противопоставляет материалистическую науку, которая «изучает мельчайшие факты в отдельности, потом замечает их зависимость, связывает и получает точную картину действительности»⁴.

В 1921 году была напечатана статья Платонова под названием «Слышные шаги», которая, по сути, представляла собой своеобразную рецензию на книгу «Пространство и время» математика Минковского, последователя Эйнштейна. Именно на первое пореволюционное десятилетие приходится очарованность теорией относительности в русском искусстве. По мнению Н. Корниенко, восприятие ее Платоновым носило религиозно-философский ха-

---

² Платонов А.П. Соч. Т. 1. 1918—1927. Кн. 2: Статьи / Гл. ред. Н.В. Корниенко. М., 2004. С. 34.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 95.

ракти: «Он прошел искусы этой теорией и остановился перед той картиной мира, космоса, которая широко внедрялась эйнштейнцами по самым разным направлениям общественного сознания» [Корниенко, 1993, с. 21]. В это время писатель читает труд Ш. Нордмана «Эйнштейн и Вселенная». Вот его основные положения: «Первое: гипотеза абсолютного времени и абсолютного пространства, идущая в науке от Аристотеля и Ньютона, с научной точки зрения ложная. Единственное время — психологическое. Второе: абсолютных точек опор в мире, космосе не существует. <...> Третье: теория относительности опрокидывает представления о материи... <...> Четвертое: теория общей относительности разрушает принцип инерции механики Ньютона, тот закон всемирного тяготения, которому подчинен космос, где все взаимосвязано» [там же]. Подобный взгляд на мир отразился в фантастических рассказах и повестях Платонова середины 1920-х годов.

Н. Малыгина считает, что связь платоновского осмысления действительности с категориями научного сознания эпохи можно обнаружить уже в поэтических сочинениях писателя. Любопытна ее интерпретация строк из стихотворения Платонова «К звездным товарищам»:

На земле, на птице электрической
Солнце мы задумали догнать и погасить.
Манит нас неведомый океан космический,
Мы из звезд таинственных будем мысли лить⁵.

На основании данного четверостишия исследовательница делает смелое предположение о том, что его автору были известны идеи русского ученого начала XIX века Н.В. Каразина о превращении земли в электромагнит, движение которого в космическом пространстве подчинено воле человека. Эта гипотеза Н. Малыгиной может показаться спорной, а вот ее трактовка платоновского призыва погасить солнце не вызывает сомнения. Очевидно, он связан с идеями Карно-Клаузиуса-Томсона о тепловой кончине мира. По словам Н. Малыгиной, писатель «подчеркивал то обстоятельство, что и человечество и солнце могут действовать и как разрушители, и как творцы. Поэтому дело человеческого разума — противостоять разрушительному действию солнечной энергии и направлять ее для “творчества жизни”, т.е. утверждения жизни» [Малыгина, 1981, с. 52].

Большое значение Платонов придает философским категориям «истины» и «блага». Здесь он вновь проводит границу между прошлым и настоящим: «Буржуазия и в науке искала не столько исти-

---

⁵ Платонов А.П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / Вступ. ст. А. Битова; Под ред. Н.М. Малыгиной. М., 2011. С. 469.

ну, сколько блага. Мы же будем искать истину, а в истине благо»⁶. Свою мысль писатель иллюстрирует словами В. Розанова: «Я не хочу истины, я хочу покоя». Нужно сказать, что Платонов неоднократно переходил на личности. Так, в статье «Душа мира» он открыто осудил вышедшего «из недр буржуазии» австрийского философа О. Вейнингера за то, что тот «проклял женщину». При этом писатель подчеркнул, что революция «отдала в руки женщины все силы жизни, главенство над ее ростом и расцветом. Нет ничего в мире выше женщины, кроме ее ребенка»⁷.

Влияние евразийских идей на русскую словесность начала XX века неоднократно отмечалось учеными. О. Казнина пишет, что для литературного «евразийства» как мироощущения были характерны «апокалиптическое видение истории, идея особой миссии России, сосредоточенность на проблеме выбора Россией исторического пути между Западом и Востоком, обращение к истокам русской культуры в области языка, народного словесного творчества, народной мифологии» [Философский контекст русской литературы 1920-1930-х годов, 2003, с. 265]. В качестве примера исследовательница приводит в том числе и платоновскую статью «Восстание востока», в которой есть такая декларация: «Восток бодр, молод и силен. Восток — большевик. На него только налегала лапа капиталистической Европы, но он сразу учуял свою смерть под ее когтями и рванулся, не познав и не захотев знать европейской “культуры”». Нервы мира теперь сплетаются на его сердце, там будет биться его мысль, а не в Европе»⁸. Однако авторы комментария к первому тому собрания сочинений Платонова связывают процитированные выше слова с национально-освободительной борьбой восточных народов. По их мнению, статью следует считать откликом писателя на подобные публикации в центральной печати. Уместно будет здесь же упомянуть и о платоновской негативной рецензии на сочинение философа-евразийца Л. Карсавина “Noctes Petropolitanae”. В ней, в частности, говорится: «Вся книга — варево понятий протухшего, усталого мозга. О настоящей человеческой любви автор не имеет никакого представления. Для него любовь — религия, философия, литература, все что угодно, только не крик будущего, не движение семени, не физиология, не теплота, не мужество и не физическая сила, истребляющая негодные поколения, не работа солнца»⁹. Если Платонов и был подвержен влиянию евразийства, то в незначительной степени.

---

⁶ Платонов А. П. Соч. С. 95.

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ Там же. С. 227—228.

В статье 1922 года «Симфония сознания» писатель изложил свои впечатления от прочтения «Заката Европы» О. Шпенглера. Несомненно, книга потрясла Платонова. По мнению Н. Корниенко, слова философа о том, что «лирика» должна уступить приоритет «технике», писатель мог бы поставить эпиграфом ко многим своим произведениям этого периода. Кроме того, исследовательница подчеркивает: «В “Закате Европы” внимание Платонова приковывает шпенглеровская “морфология истории”, логика его аргументаций по поводу неизбежного кризиса и гибели любой культуры, в том числе и европейской. “Гибель”, “катастрофа” Европы — в утрате “души” культуры, которая ведет к тупику, “стене” и смене парадигмы европейской жизни, — через “Закат Европы” Платонов проговаривает большие вопросы настоящего, прошлого и будущего России» [Корниенко, 1995, с. 18]. Однако отношение Платонова к немецкому философу не было столь однозначным. В упомянутой статье наряду с похвалой в адрес последнего есть и такой упрек: «У Шпенглера — органика, а не механика слов; его философия — песня, а не рассчитанная техника логики. И Шпенглер — опасный человек. Он настолько артист слова, что может какую угодно чепуху написать, но *так* написать, так торжествующе-уверенно, ослепляющее написать, что ему поверят все, а он засмеется после надо всеми. Но пусть не надеется, не всех одинаково очаровывает красота — есть вещи поважнее и попрекраснее красоты»¹⁰. Интересны наблюдения Е. Тихомировой, которая считает, что Платонов признавал подверженность любой культуры возрастным изменениям, однако в целом был ориентирован на полемику со Шпенглером. Исследовательница приходит к выводу о том, что мысли «о *необратимости* хода культурного времени противостоит у Платонова вера в результативность человеческих усилий» [Тихомирова, 1992, с. 14]. В свою очередь А. Дырдин подчеркивает парадоксальность влияния философа на писателя. По его мнению, Платонов, подвергая критике морфологию истории Шпенглера в публицистике, следовал за ходом его размышлений в художественном творчестве, подхватывая готовые формулы. А. Дырдин убежден в том, что писатель «критикует не идею “Заката Европы”, а отсутствие в ней организующего стержня» [Дырдин, 1999, с. 51].

Интерес Платонова вызывает соотношение науки и религии. Он рассматривает его в связи с поиском средств достижения бессмертия. По словам писателя, раньше человечество «искало силы жизни в религии, в могуществе бога, но теперь увидело, что ошиблось, и вышло на другую, более верную дорогу — дорогу науки,

---

¹⁰ Платонов А.П. Соч. С. 222.

познания, понимания и покорения для своих целей всех скрещивающихся, взаимно уничтожающихся, бессмысленных сил»¹¹. Платонов считал, что большевистский переворот не только разрушил основы христианского мировоззрения, но и предупредил возможность возникновения новой религии. Он объясняет это тем, что революция «есть дочь науки, а наука враждебна всякой вере, всякому темному, невыясненному движению души, всякой страсти, вытекающей не из сознания, не из мысли, а из темных глубин человека»¹². Данное утверждение кажется неубедительным. В работе «Необыкновенные приключения науки в утопии и антиутопии (Г. Уэллс, О. Хаксли, А. Платонов)» Т. Новикова доказывает, что в процессе «смыкания с тоталитарной властью наука присваивает себе несвойственные функции насаждения новой религии. При этом знание утрачивает свой просветительский характер и в союзе с утопической идеологией заменяет духовные и моральные ценности бездушным материализмом, демагогией и бесплодными фантазиями» [Новикова, 1998, с. 199].

Писатель активно использует библейскую фразеологию и символику. Об этом можно судить даже по заголовкам материалов: «Преображение», «Христос и мы», «Да святится имя твое», «Новое евангелие», «Хлебные богомольцы». Интересно, что образ Христа у него принципиально отличается от евангельского. Платонов пишет: «Христа, великого пророка гнева и надежды, его служители превратили в проповедника покорности слепому миру и озверевшим насильникам»¹³. И дальше: «Люди видели в Христе бога, мы знаем его как своего друга. Не ваш он, храмы и жрецы, а наш. Он давно мертв, но мы делаем его дело — и он жив в нас»¹⁴. По мнению И. Спиридоновой, в публицистических выступлениях писателя «Христос постепенно вообще утрачивает божественную сущность» [Спиридонова, 1994, с. 353]. Такое наполнение образа мессии, считает исследовательница, нужно Платонову «для оправдания революционного насилия, для освящения его именем Божьим» [там же, с. 354]. И. Спиридонова приходит к выводу, что писатель исповедовал антропотейзм, или человекобожие. В связи с этим можно вспомнить такие платоновские строки: «Человек — отец бога. Человек, бьющаяся в нем жизнь — единая власть вселенной от начала до конца веков. Бог — образ, начерченный рукой человека в свободном желании наполнить жизнь радостью творчества»¹⁵. Очевидно, что здесь происходит подмена, переворот: уже не человек —

---

¹¹ Платонов А.П. Соч. С. 66.

¹² Там же. С. 77.

¹³ Там же. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 28.

¹⁵ Там же. С. 76.

образ и подобие Божие, но бог (со строчной буквы) создается рукой всемогущего Человека.

Не со всеми тезисами статьи И. Спиридоновой «Христианские и антихристианские тенденции творчества Андрея Платонова 1910—1920-х годов» можно согласиться. Кроме того, некоторые из них вступают в противоречие друг с другом. Так, сначала исследовательница пишет, что «объявляя войну старому миропорядку, молодой пролетарский художник Андрей Платонов не объявляет войны его Творцу. И если Платонова первых пореволюционных лет можно назвать атеистом, в том смысле, что не в Боге он видит главного устроителя Царства Божьего на земле, то антитеистом (богоборцем) никак нельзя» [там же, с. 352]. А через две страницы: «Рубеж 1910—1920-х годов — период не просто отхода, но разрыва Платонова с верой отцов. И хотя именно в этот период платоновская публицистика предельно насыщена библейской лексикой и символикой, по содержанию она не только антицерковная, но и антихристианская» [там же, с. 354]. Более понятную позицию в этом вопросе занимает А. Варламов. Он убежден в том, что Платонов тяжело переживал утрату детской веры в Бога. Однако платоновское ощущение богооставленности, по словам А. Варламова, было вызвано «не только усталостью, разочарованием и ударами судьбы, но прежде всего и раньше всего своеобразной русской религиозностью мятежа, нетерпением молодого сердца, нежеланием мириться со злом, со смертью, страданием и жаждой немедленного переустройства, преображения мира...» [Варламов, 2011, с. 24].

К этому же периоду относится ряд посвященных теме религии дневниковых записей Платонова. Например, в 1921 году он в своем блокноте цитирует автора знаменитого трактата «Так говорил Заратустра»: «“Бог умер, теперь хотим мы, — чтобы жил сверхчеловек”. Ницше. То есть: Бог, приблизься ко мне, стань мною, но самым лучшим, самым высшим мною — сверхмною, сверхчеловеком. Это просто “реализация Бога”, как и все учение о сверхчеловеке»¹⁶. И. Спиридонова полагает, что писатель «из глубины народной жизни приходит к выводу, который ранее с элитарных вершин европейской культуры провозгласил Ницше...» [Спиридонова, 1994, с. 352]. Тема «умершего бога» звучит уже в стихах Платонова 1910-х годов:

По деревням колокола
Проплачут об умершем боге.
Когда-то здесь любовь жила,
И странник падал на дороге¹⁷.

¹⁶ Платонов А.П. Записные книжки. С. 17.

¹⁷ Платонов А.П. Усомнившийся Макар... С. 421.

Привлекает внимание написанная Платоновым притча о двух людях, которые после смерти попали на суд Божий. Один из них вел аскетический образ жизни, умерщвляя свое тело, другой жил в свое удовольствие, заботясь о земном. Выслушав их, Бог (с прописной буквы) говорит: «Оба вы хотели одного — жизни и ушли от нея, один — в неживой дух, [другой] ибо умертвил тело, другой — в мертвое тело, [ибо] ибо забыл все, кроме тела. И оба вы мертвы. Но вот, если бы вы постигли, что дух и плоть одно, — оба были бы вечно живы и радостны радостью Моей»¹⁸. К. Баршт соотносит эту притчу с основным мотивом «Материи и памяти» А. Бергсона. Философ-интуитивист считал, что существует только три гносеологические возможности: применение духа к вещам, приспособление вещей к духу, согласованность вещей и духа. По словам К. Баршта, Бергсона, как и Платонова, не устраивает ни один из вариантов: «Оба мыслителя чувствуют, что вещи и дух не просто согласуются или сочетаются друг с другом, но образуют нерасторжимое единство, сокровенный смысл которого является основным направлением поисков человека» [Баршт, 2007, с. 146]. Исследователь замечает, что писатель рассуждал о связи между двумя сторонами живого «вещества» Вселенной с первых шагов своего творческого пути.

Не менее интересна сказка «Вера, Знание и Сомнение». Ее главная идея заключается в том, что «вечная невеста Бога» Вера дала свой свет каждой душе и оттого сама рассеялась: «Везде была Вера — и нигде ее не было. Это оттого, что она променяла свой могучий единый Свет на миллионы искр»¹⁹. Дальше Платонов поясняет: «[Так] Исчезла со Света [золото] Вера, ибо Она разменяла у [Менялы] Сомнения свое золото уверенности и надежды на медяки Знания, а золото оставила у менялы Сомнения»²⁰. К этой сказке примыкает запись, в которой писатель без аллегорий излагает ту же мысль: «Бог есть и бога нет. То и другое верно. Бог стал непосредственен etc., что разделился среди всего — и тем как бы уничтожился. А “наследники” его, имея в себе “уголь” бога, говорят его нет — и верно. Или есть — другие говорят — и верно тоже. Вот весь атеизм и вся религия»²¹. Авторы комментария к «Записным книжкам» Платонова полагают, что в этих словах отражена писательская трактовка доктрины всеединства, которая занимала одно из центральных мест в русской философии того времени. Наиболее фундаментально она была изложена в трудах Вл. Соловьева. А вот И. Спиридоновой кажется важным тот факт, что Платонов «не ви-

¹⁸ Платонов А. П. Записные книжки. С. 19.

¹⁹ Там же. С. 22.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 257.

дит непроницаемой стены между воюющими “за” и “против” Бога: христианами и атеистами, а из наследников Божьих, несущих в себе его “угль”, не исключает и последних» [Спиридонова, 1994, с. 350]. Исследовательница приводит этот отрывок в качестве свидетельства медленного возвращения писателя к Богу.

Одним из ведущих литературных и общественных объединений пореволюционных лет был Пролеткульт, во главе которого стоял А. Богданов. Самый значимый его труд под названием «Тектология» оказал заметное влияние на философские и эстетические взгляды Платонова. Вслед за Богдановым писатель полагал, что искусство в советском государстве должно решать организационно-строительные задачи. Однако увлечение теорией пролетарской культуры не мешало Платонову ставить под сомнение некоторые ее постулаты. В своих ранних статьях он довольно часто высказывал наиболее общие суждения, касающиеся природы искусства и его назначения. Если наука, по его мнению, является объективным наблюдением всего сущего, то искусство должно заниматься поиском наиболее гармоничного состояния мира, организацией хаоса. При этом писатель полагал, что точка «объективного, вне-относительного наблюдения совпадает с центром совершенной организации. Только отойдя от мира и от себя, можно увидеть, что есть все это и чем хочет быть все это. Наука и искусство в своих высших состояниях совпадают, и они там есть одно»²².

Платонов противопоставляет индивидуальному творчеству коллективное. Песни, сказания, былины, предания, мифы, автором которых является народ, он называет «вершинами выражения глубочайших чувств, колыбелью и источником истинного общечеловеческого искусства»²³. Для него была важна анонимность подобных литературных произведений. По словам Платонова, индивидуальная творческая деятельность нового времени — это «искусственное искусство». Писатель был убежден в необходимости вернуться к древним образцам. Этот «обратный путь», с его точки зрения, могло проделать только пролетарское искусство, которое «отражает в себе все человечество в его лучших устремлениях, и создается оно также всем человечеством, всем гармоничным организованным коллективом»²⁴.

Иногда Платонов пытается рассуждать как теоретик литературы, но чаще использует образные поэтические конструкции. Вот определение, данное писателем в записной книжке: «Искусство заключается в том, чтобы посредством наипростейшего выразить

---

²² Платонов А. П. Соч. С. 163—164.

²³ Там же. С. 10.

²⁴ Там же. С. 9.

наисложнейшее. Оно — высшая форма экономии»²⁵. Или другое — из статьи «К начинающим пролетарским поэтам и писателям»: «Искусство, вообще говоря, есть процесс прохождения сил природы через существо человека»²⁶. В начале 1924 года была опубликована рецензия Платонова на один из номеров журнала «ЛЕФ», в которой он ясно выражает свою позицию. По мнению писателя, споры об искусстве того времени сводились к выбору одного из двух тезисов: «1) *Искусство — познание жизни* (тов. Воронский, тов. Троцкий), 2) *Искусство — метод жизнестроения* (тов. Чужак, Леф)»²⁷. Формулу Луначарского («Искусство — украшение жизни») он даже не принимал в расчет, называя ее «эстетской». Андрея Платонова нередко относят к авторам, сочувствующим группе «Перевал», однако нужно подчеркнуть, что в упомянутой рецензии он принимает сторону Чужака, а не Воронского, заявляя, что «тов. Воронский без малейшей переделки взял тезис Гегеля и на нем утвердился»²⁸. Далее рецензент пишет: «Никто не станет возражать против того, что искусство воздействует на эмоцию, т.е. в определенном направлении организует ее. Это бесспорно. Но ведь организовывать эмоцию — это значит через эмоцию организовывать деятельность человека, иначе говоря, *строить жизнь*. Это, конечно, грубо, схоластично, но в мои задачи не входит доказывать правильность тезиса тов. Чужака. Он сам это делает достаточно убедительно»²⁹. К слову, в конце 1920-х годов Платонов в неопубликованном предисловии к повести «Впрок» опять будет полемизировать с «перевальцами». Предметом полемики станет идея «мощартинства», выдвигавшаяся подопечными Воронского.

В целом Платонов был склонен отводить художественному творчеству второстепенную, служебную роль. В статье «Культура пролетариата» он заявлял: «А искусство все-таки работа ложная. И сохранится ли вообще искусство в теперешнем виде при господстве сознания — сказать пока трудно. Вероятнее всего, оно вольется в науку, которая от этого подымется и во многом преобразуется»³⁰. Однако сам писатель продолжал создавать многочисленные стихотворения и рассказы. В этом еще раз проявилась имманентная противоречивость платоновского мировоззрения.

Идеи Платонова-публициста подверглись трансформации в его научно-фантастических рассказах первой половины 1920-х годов: «Маркун», «Потомки солнца», «Сатана мысли», «Лунная бомба».

---

²⁵ Платонов А.П. Записные книжки. С. 22.

²⁶ Платонов А.П. Соч. С. 10.

²⁷ Там же. С. 259.

²⁸ Там же. С. 260.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 100.

Т. Новикова отмечает, что, несмотря на «явно утопический настрой ранней прозы Платонова, мы не встретим в ней ни одного случая безоговорочной победы науки над природой: достижения ее скорее представлены как эпизодические или случайные явления. Любопытно также, что герои этих рассказов — ученые — переустроители мира не выглядят победителями: одинокие неудачники, они, как правило, становятся жертвами смелых и грандиозных утопических проектов, являющихся сюжетным стержнем платоновских текстов» [Новикова, 1998, с. 188]. Так, Маркун — персонаж одноименного рассказа — пытается построить двигатель, работающий на воде. Его мощность, по замыслу изобретателя, должна ограничиваться только прочностью металла, из которого сделаны моторы. Во время испытания необычная машина взрывается. По словам Т. Новиковой, неблагоприятный финал символизирует «огромный, но опасный потенциал науки, находящийся на службе утопической мысли» [там же, с. 189]. Более интересную трактовку предлагает С. Брель. Упомянув о теории Клаузиуса, которая, попав в начале XX века в сферу культуры, была демонизирована, исследователь вводит понятие «антиэнтропийной поэтики». По его мнению, Платонов «на интуитивном уровне осознал, что никакая доктрина, в том числе и теория энтропии, не может дать исчерпывающего объяснения глобальных процессов, идущих в мироздании. Здесь он только опередил физические представления своей эпохи, увидел опасность не только в распылении энергии, но и в ее чрезмерном упорядочивании...» [Брель, 2003, с. 333]. Важно еще одно замечание С. Бреля. Маркун понимает, что допустил не технический, а нравственный просчет, и преодолевает собственный эгоизм.

Нельзя пройти мимо написанного Платоновым в 1923 году «Рассказа о многих интересных вещах». Персонаж этого произведения Прочный Человек создал науку под названием «индивидуальная антропотехника» и организовал две мастерские — прочной и бессмертной плоти. Сам он так рассказывает о своем эксперименте: «Прочная плоть в человеке делается целомудрием, освобожденная же страшная половая сила превращается в таком человеке в талант изобретений. Только и всего. Это — мастерская маленькая, только подготовительная... А бессмертная плоть уже делается из прочной целомудренной плоти посредством электричества»³¹. Внимание С. Семеновой привлекла первая часть проекта Прочного Человека. Исследовательница убеждена в том, что Платонов «подключается здесь к древней традиции, искавшей пути подобной трансмутации половой энергии, в той же надежде, что она приведет к преобразению человека, достижению его бессмертия, невиданному усиле-

---

³¹ Платонов А.П. Усомнившийся Макар... С. 379.

нию сознания: это в известной степени и Платон с его учением об Эросе как “стремлении к бессмертию”, и христианские гностики, и китайские даосы, и восточные тантристы, и, наконец, уже близко к нам и к мысли самого Платонова, идеи “положительного целомудрия” Федорова и “смысла любви” Вл. Соловьева» [Семенова, 2001, с. 485]. Н. Малыгина в свою очередь говорит о связи платоновской «антропотехники» с разрабатываемой в 1920-е годы А. Чижевским теорией органического электрообмена. Вероятно, молодой инженер-мелиоратор интересовался вопросами воздействия электричества на живой мир и следил за открытиями в этой сфере. Платонов тяготел к научно-техническому решению проблемы личности, однако не упускал из виду нравственный аспект. Н. Малыгина также останавливается на пятой главе «Рассказа...», в которой Платонов размышляет о природе слова. Писатель утверждает: «Сила человека — в сохранении и повторении несчетно раз души в слове»³². Далее следует реплика главного героя Ивана Копчикова: «Мужики делают хлеб. Бабы — ребят. Плотники — дома. А я буду делать хорошие души из рассыпанных, потерянных слов»³³. По мнению исследовательницы, этот эпизод дает основания говорить «об эстетическом начале в платоновской программе, которое усиливалось отождествлением труда и науки с искусством» [Малыгина, 1977, с. 164].

Позиция Платонова постепенно становилась менее догматичной. Уже в ранних своих рассказах он отказывается от самых радикальных проектов по переустройству Земли и Вселенной, приходя к мысли о том, что необходимо сначала исследовать, а затем преобразовать. При этом «исследование должно идти в обе стороны: и вовне, в беспредельность мира, и в такую же глубину внутренней вселенной человека» [Семенова, 2001, с. 484]. Окончательное же преодоление писателем юношеского максимализма произойдет чуть позже.

Список литературы

Бальбуров Э.А. «Художественная гносеология» Андрея Платонова в свете философских исканий русских космистов // Гуманит. науки в Сибири. 1999. № 4.

Барит К.А. Истина в круглом и жидком виде. Анри Бергсон в «Котловане» Андрея Платонова // Вопросы философии. 2007. № 4.

Брель С.В. Эстетика Платонова в контексте представлений об энтропии // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. М., 2003.

Варламов А.Н. Андрей Платонов. М., 2011.

---

³² Платонов А.П. Усомнившийся Макар... С. 353.

³³ Там же.

- Васильев В.В.* Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества. М., 1982.
- Дырдин А.А.* Андрей Платонов и Освальд Шпенглер: философский образ природы и истории // Вестн. Ульян. техн. ун-та. 1999. № 4.
- Корниенко Н.В.* История текста и биография А.П. Платонова (1926—1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1.
- Корниенко Н.В.* О некоторых уроках текстологии // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1995.
- Малыгина Н.М.* Идеино-эстетические искания А. Платонова в начале 20-х годов («Рассказ о многих интересных вещах») // Русская литература. 1977. № 4.
- Малыгина Н.М.* Естественно-научные источники и представления о природе Андрея Платонова // Человек и природа в художественной прозе. Межвуз. сб. науч. тр. / Сыктывкар. гос. ун-т имени 50-летия СССР. Сыктывкар, 1981.
- Новикова Т.* Необыкновенные приключения науки в утопии и антиутопии (Г. Уэллс, О. Хаксли, А. Платонов) // Вопросы литературы. 1998. № 4.
- Семенова С.Г.* Русская поэзия и проза 1920—1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. М., 2001.
- Спиридонова И.А.* Христианские и антихристианские тенденции творчества Андрея Платонова 1910—1920-х годов // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Цитата. Реминисценция. Мотив. Сюжет. Жанр. Петрозаводск, 1994.
- Тихомирова Е.В.* А. Платонов и О. Шпенглер: мотив «конца мира» // Воронежский край и зарубежье: А. Платонов, И. Бунин, Е. Замятин, О. Манделъштам и другие в культуре XX века. Воронеж, 1992.
- Философский контекст русской литературы 1920—1930-х годов / Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. М., 2003.

Поступила в редакцию
10.11.2011

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

И.Е. Прохорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: pro-hor-ic@mail.ru

*Памяти отца, Евгения Павловича Прохорова,
хорошо знавшего и ценившего творчество В.Г. Белинского*

В.Г. БЕЛИНСКИЙ VS С.П. ШЕВЫРЕВ: РЕАЛИЗАЦИЯ КОНФРОНТАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ В ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКЕ (1836 год)

Статья обнаруживает новые подходы к анализу публицистического наследия В.Г. Белинского и С.П. Шевырева, основанные на современных представлениях о различных типах полемических стратегий — диалогового и конфронтационного. Детальное рассмотрение суждений Шевырева параллельно с откликами на них «неистового Виссариона» показывает его неготовность к толерантному конструктивному диалогу даже с потенциальным союзником (например, в противостоянии «торговому направлению»). Автор предлагает отказаться от принятого в истории русской критики и журналистики апологетического отношения к Белинскому как полемисту с демократическими взглядами, что отнюдь не означает отрицания действительных заслуг этого классика русской критики и журналистики.

Ключевые слова: В.Г. Белинский, С.П. Шевырев, журнальная полемика, конфронтационная/диалоговая стратегия, консерватизм, «светскость», «торговое направление».

The article finds out new approaches to the analysis of Belinsky and Shevyrev publicistic heritage based on modern ideas about various types of polemic strategy — dialogue and confrontational. Detailed consideration of Shevyrev's judgements in parallel with the responses to them of "furious Vissarion" shows his lack of readiness for tolerant constructive dialogue even concerning the potential ally (for example, in opposition to commercial orientated literature and journalism). The author suggests to refuse from accepted in the history of Russian criticism and journalism the apologetic attitude to Belinsky as to the polemist with democratic views that at all doesn't mean denial of the real merits of this classic of Russian criticism and journalism.

Key words: V.G. Belinsky, S.P. Shevyrev, journal polemic, confrontational/dialogue strategy, conservatism, "aristocratism", commercial orientated literature and journalism.

Как нам уже доводилось отмечать, первые же полемические выступления В.Г. Белинского против С.П. Шевырева в 1834—1835 годах на страницах газеты «Молва» продемонстрировали выбор молодого

сотрудника изданий Н.И. Надеждина отнюдь не в пользу диалоговой стратегии в журналистике¹. Ведь истинный диалог предполагает анализ и оценку позиции оппонента в ее реальном масштабе, аргументированное оспаривание действительных высказываний «противника», а не собственного произвольного изложения его высказываний, установку на поиск взаимоприемлемой позиции по обсуждаемой проблеме.

В полемике с Шевыревым Белинский изначально предпочел стратегию, допускающую неточную трактовку как выдвинутых оппонентом конкретных тезисов, так и его общей позиции, затушевывание его удач в литературно-художественной критике и настойчивое акцентирование неудач. Такая конфронтационная стратегия, в целом строящаяся на преувеличении разногласий с «противником», наиболее энергично реализована Белинским в двух его ключевых публикациях в «Телескопе» в 1836 году. Это большая часть обозрения «Ничто о ничем, или Отчет г. издателю “Телескопа” за последнее полугодие (1835) русской литературы», помещенная в 4-м номере, и статья «О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”» в 5-м и 6-м номерах.

Сквозным мотивом «телескопского ратования» Белинского против «Московского наблюдателя» и руководившего в нем критическим отделом Шевырева стали обвинения в «аристократизме», или «светскости». Последнее из синонимичных для критика понятий в статьях 1836 года употреблялось чаще. Именно в «светскости» он увидел основное направление журнала в целом и непосредственно руководимого Шевыревым критического отдела, которое и предопределило, с точки зрения Белинского, неуспех «Московского наблюдателя» в исполнении его цели и, более того, вредное (это читалось между строк) влияние на аудиторию и, следовательно, на социокультурное развитие в целом.

Впервые определения «аристократический», «светский» были применены к журналу «Московский наблюдатель», как известно, издателем «Телескопа», который в статье «Европеизм и народность в отношении к русской словесности» поддержал своего молодого сотрудника, в том числе в полемике с Шевыревым, начатой Белинским во время отсутствия Надеждина в Москве. Уже во 2-м номере «Телескопа» за 1836 год его издатель столь же иронично, но гораздо подробнее, чем Белинский в «Молве» в 1834—1835 годах, писал о главном критике журнала-конкурента. Надеждин считал, что Шевырев «судит» по «обветшалым законам» французского

---

¹ См., например, нашу недавнюю статью «В.Г. Белинский-полемист и проблема диалога в журналистике (по материалам полемики с С.П. Шевыревым в 1834—1835 гг.)» <http://www.mediascope.ru/node/9264>

классицизма, «хотя и скрывает их под новыми выражениями», проповедует «какое-то аристократическое изящество», призывает литературу «говорить языком хорошего общества, держаться паркетного тона». «Московский наблюдатель» прямо обвинялся в аристократической «нетерпимости ко всему уличному, мещанскому, чисто народному», хотя (а отчасти — и в результате этого), по Надеждину, он «не унижается до полемических схваток, остерегается запальчивости и увлечения»².

Воодушевленный высказываниями руководителя журнала, Белинский умело развил их, соединив с ранее выраженными им самим претензиями к Шевыреву. Итоговая оценка деятельности «Московского наблюдателя» в конце статьи «О критике и литературных мнениях...» чуть не дословно повторяет надеждинскую: «Он хлопочет не о распространении современных понятий об изящном; <...> он старается о распространении светскости в литературе, о введении литературного приличия, литературного общежития; он хочет, во что бы то ни стало, одеть нашу литературу в модный фрак и белые перчатки, ввести ее в гостиную <...>»³. Выбранные Белинским форматы «полугодового» обзора (в первой статье) и развернутого постатейного разбора критического отдела «Московского наблюдателя» (во второй) позволяли не только дать обобщенную характеристику рассматриваемого журнала и его критики, но и «поговорить» (с характерной для критика пространностью и эмоциональностью, особенно во второй статье) о конкретных литературно-критических публикациях Шевырева.

Употребляя вслед за Надеждиным понятие «светскость» для определения «задушевной идеи», проповедуемой Шевыревым и на страницах «Московского наблюдателя» (как и в период его сотрудничества в «Молве» — на ее страницах), Белинский актуализировал лишь отрицательные коннотации, связанные с этим понятием. Ю.В. Манн в комментарии к статье «О критике и литературных мнениях...» справедливо указал, что под «светскостью» ее автор подразумевал и «политический консерватизм» (хотя точнее здесь, наверно, было бы определение «сословный консерватизм», поскольку непосредственно политические вопросы в статье не рассматривались), и «литературное ретроградство»⁴.

Бесспорно, критик имел основания писать о позиции Шевырева, да и всего редакционного кружка «Московского наблюдателя»

² Телескоп. 1836. Ч. XXXI. № 2. С. 215—216.

³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. II. С. 176.

⁴ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. I. М., 1976. С. 669. Кстати, относительно оценки идейной позиции самого Шевырева интересно замечание Ю.В. Манна в другой его работе, что окраску политического консерватизма получила «архаизированная народная идея» Шевырева лишь после 1836 года, т.е. уже после статьи Белинского (Русская философская эстетика. М., 1969. С. 153).

как дворянски консервативной, к которой в середине 1830-х годов в той или иной мере тяготели многие крупнейшие литераторы, включая А.С. Пушкина и его окружение⁵. Но категоричная оценка Белинским этой позиции как одного из главных препятствий на пути литературно-общественного развития страны, заслуживающих исключительно негативного пафоса, что отличает его статью «О критике и литературных мнениях...», явно страдала излишней категоричностью, неточностями и преувеличениями. К сожалению, их анализ по сути до сих пор остается вне поля зрения пишущих о Белинском.

В середине 1830-х годов Шевырев исходил из основополагающей для консерватизма идеи стабильности общества и неприятия социальной «ломки», что для России означало сохранение корпоративно-монархического строя. В то же время, как и многие его единомышленники, условием стабильности он полагал эволюционное развитие общества при ведущей роли образованного сословия — дворянства и, конечно, верховной власти, правительства. При этом устойчивость развития общества напрямую связывалась с его постепенным просвещением. Понятие о «постепенной лестнице просвещения» программно для «Московского наблюдателя».

Особая роль дворянства в просветительской деятельности осмысливалась как обязанность и высокая миссия, исполнение которых предполагало повышенные требования к образованности самого первого сословия, а вовсе не как его монопольное право на просвещение и соответственно диктат своих предпочтений другим, в чем обвинял Шевырева Белинский. При этом Шевырев неоднократно весьма критично высказывался о дворянском обществе, к которому принадлежал, о «маскараде нашего света», невежественного и равнодушного к просвещению⁶. Отсюда и его пожелание Н.В. Гоголю в статье о «Миргороде» — выйти за рамки узкого круга провинциальных героев в комических произведениях, открыть «бесмыслицу» и в «кругу так называемом образованном», «под модными головными уборами»⁷. Белинский в полемике с Шевыревым предпочел просто не заметить такого рода критической направленности в публикациях «неприятеля».

---

⁵ Недаром пушкинский «Современник» Белинский тоже назвал «светским» журналом, органом «какой-то аристократической партии», «петербургским “Наблюдателем”» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. II. С. 234).

⁶ Московский вестник. 1828. № 1. С. 111. В этой связи стоит вспомнить о настойчивости А.С. Пушкина, не раз тогда указывавшего на необходимость отличать «свет», придворную знать от «старинного дворянства», которое в России тех лет составляло «род среднего состояния», «почтенного, трудолюбивого и просвещенного, единственным поприщем для которого оставались литература и просвещение» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 207—208).

⁷ *Шевырев С.П.* Об отечественной словесности. М., 2004. С. 104.

Одним из первых в статье «О критике вообще и у нас в России» Шевырев начал писать о необходимости «русского просвещения», «своей национальной учености». И это было не просто верноподданническое служение утверждавшейся тогда свыше теории «официальной народности»⁸. Проповедуя «русское просвещение», Шевырев очень ценил европейскую образованность, которой сам был причастен и которая вообще отличала лучшую часть русского дворянства. Заметим, что еще в 1829 году, находясь в Италии, Шевырев написал опубликованное в 1830 году в «Московском вестнике» (№ 4) стихотворение «Петроград», прославляющее создание Петром «чудо-града», открывшего дорогу чуждым народам, которые «России принесли / Дань наук и плод свободы». Тогда же он советовал М.П. Погодину писать историю Петра I как «Евангелие русское», «чтобы оно врезалось во всех русских от вельможи до сапожника». Преклонение перед зачинателем европеизации России можно заметить и в его девизе «Будь <...> человеком по Христу, будь русским по Петру» [цит. по: Цветкова, 2008, с. 47]. Вообще для Шевырева середины 1830-х годов характерен вдумчивый интерес к проблеме соотношения «русского» и «европейского» начал в желаемом развитии России и ее культуры, прежде всего словесности. Вместе с тем четкой концепции в этом отношении у него тогда еще не сложилось⁹.

Белинский едва ли мог знать позицию Шевырева по ключевым социокультурным проблемам в такой ее многоаспектности, сложности и даже противоречивости. В «телескопском ратовании» против критика «Московского наблюдателя» он и вовсе неоправданно сводил ее к «светскости», якобы устремленной главным образом к сохранению в обществе и литературе «приличий», как они понимались дворянством. При этом вполне закономерно, что среди объявленных им неприемлемыми целей рассматриваемого журнала автор статьи «О критике и литературных мнениях...» выделил именно «введение литературного приличия, литературного общежития». Эта проблема тогда действительно активно ставилась Шевыревым и его единомышленниками, но понималась она не так, как пытался представить читателям «Телескопа» Белинский.

Для Шевырева «литературное приличие» призвано было обеспечивать культуру «литературного общежития», цивилизованные взаимоотношения литераторов и издателей, писателей и критиков.

---

⁸ Там же. С. 100. Ср. призывы Надеждина к «своеземному образованию» в цитированной выше статье «Европеизм и народность...».

⁹ Вообще при анализе тех или иных высказываний Шевырева принципиально важно учитывать различия в позициях Шевырева по литературно-общественным и общеполитическим вопросам в период его участия в «Московском наблюдателе» и в «Москвитянине», несмотря на их безусловные генетические связи.

Это, как и «приличия» в «хорошем обществе», — ценности, по преимуществу, внесловесные, вненациональные и вневременные. Ведь и принадлежность к дворянству, к «высшему обществу» для Шевырева не тождественна принадлежности к «хорошему обществу» и не дает автоматически права называться «благородным человеком».

Понимая абсолютную ценность «литературного общежития», Шевырев соответственно выдвигал соблюдение «приличия» в словесности и как задачу — минимум в конкретной исторической ситуации. Например, в современной, когда «в ожидании» «истинной критики» всему «сословию» литераторов (их «совокупным усилиям») автор «Московского наблюдателя» вменял «позаботиться, по крайней мере, о водворении в ней благородного и приличного тона»¹⁰. Правда, у самого Шевырева «приличный» тон в критических статьях иногда превращался в излишне «важный», что сам он позднее признавал «недостатком», связывая его, понятно, не со «светскостью», а, вслед за точным определением П.А. Вяземского — с привычкой говорить «с кафедры»¹¹.

Белинский в статье «О критике и литературных мнениях...» требование «литературного приличия» категорично объявил «анахронизмом, смешным и жалким». Для критика «Телескопа» это требование было аналогично почитанию поведенческих моделей определенной «касты» с ее ориентацией на устаревшие вкусы французского XVIII века и одновременно погоней за модой (отсюда образ «аббата Баттё во фраке XIX века»), ««светского» общества, где умолкает ум <...>, где притаивается чувство, боясь оскорбить приличие», и господствует пустой мадригал. Иронические выпады против намерений Шевырева одеть литературу и литераторов в «модный фрак и белые перчатки» и заменить «критику <...> комплиментами», недвусмысленно демонстрировали незаинтересованность Белинского в обсуждении «совокупными усилиями» задач и условий «литературного общежития».

Коллективному публичному обсуждению отнюдь не бесперспективной идеи молодой критик «Телескопа» предпочел провозглашение свободы от притязаний литературных «авторитетов» и подчинения «литературным приличиям», полагая идею «литературного общежития» *a priori* несовместимой с идеей «независимости мне-

---

¹⁰ Шевырев С.П. Об отечественной словесности. С. 99, 100. Ср. высказанный Пушкиным годом позднее на страницах «Современника» (т. 3) упрек отечественной критике: «Она редко сохраняет важность и приличие, ей свойственные», что свидетельствует о ее «младенческом состоянии» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1958. С. 406).

¹¹ Письма М.П. Погодина, С.П. Шевырева и М.А. Максимовича к князю П.А. Вяземскому 1825—1874 годов. М., 1901. С. 137—138; Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1895 г. СПб., 1898. С. 96—97.

ний», «честных» и «твердых». Не случайно и в конце обозрения «Ничто о ничем...» в поддержку своего решения написать «особенную статью» о критике «Московского наблюдателя» Белинский привел расхожее противопоставление: «...уважение уважением, приличие приличием, а правда правдою»¹².

Окончательно убедиться в «светском» направлении «Московского наблюдателя» Белинскому, по его словам, помогла статья «Перечень Наблюдателя» (1836, № 1). В ней Шевырев проявил непоследовательность: сначала привел довольно спорные аргументы против обязательности постоянной библиографической информации в журнале, несмотря на заинтересованность в ней аудитории (кстати, весьма остроумно охарактеризовав мотивы такого интереса у разных типов читателей), а потом, «уступая» читательским требованиям, все же дал такую информацию. Оппонент не упустил возможности напасть на все слабые места в высказывании Шевырева, особо подчеркнув, что журнал, по его «плебейскому» пониманию, должен служить всей массе читателей, не пренебрегая простоватыми и невежественными, которые не могут обойтись без подробных библиографических указаний журналистов¹³.

Однако Белинский не ограничился ироничными или откровенно критическими комментариями по ходу пересказа бесспорно не лучшей, будто второпях написанной статьи Шевырева. Полемист язвительно предположил, что так как «библиография — дело очень хлопотное», порождающее врагов, то Шевырев «благоразумным молчанием» пытается всего этого избежать¹⁴. Так, без серьезных на то оснований¹⁵ создавалась репутация Шевырева как ленивого и трусливого журналиста.

Все это свидетельствует о том, что Белинский, даже верно выявив те или иные недостатки Шевырева — журналиста, трактовал

---

¹² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. II. С. 177, 49, 172, 169, 176.

¹³ Попутно заметим, что у отстаивавшего интересы «массы» Белинского не возникло даже вопроса о праве просвещенных читателей — своего рода читательской «аристократии» — на издания, адресованные именно им. Ср. пушкинскую оценку Шевырева как критика, «заслужившего доверенность просвещенных читателей» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 471).

¹⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. II. С. 168.

¹⁵ Судя по письмам Шевырева и его замечаниям в разных выпусках «Перечня Наблюдателя», он ясно осознавал пользу «полной, дельной» библиографии в периодике, хотя в силу загруженности не смог в необходимой мере обеспечить ею свой журнал. При этом требование Шевырева к библиографу довольно специфичны: «...взгляд гуманистический, кроткий, снисходительный, отовсюду извлекающий одно хорошее» (цит. по: Русский архив. 1909. Кн. 2. № 5. С. 88). Скорее всего, такая установка на «позитивность» обусловлена не столько данью карамзинской традиции (явный анахронизм для 1830-х годов), сколько задачей противостоять «паясничеству» в библиографии «Библиотеки для чтения». Интересно, что какие-либо оценки библиографических усилий «Телескопа» в известных нам высказываниях Шевырева вообще отсутствуют.

их недостаточно адекватно. Негативные моменты в шевыревской позиции преувеличивались и вписывались в заранее сложившуюся в его сознании схему конфронтационной стратегии — в данном случае критику «светскости».

Повышенное внимание Белинского к борьбе со «светскостью» отчасти, вероятно, объясняется тем, что он сам не был свободен от «комплекса плебей» с его воинственно-антидворянским настроением (отсюда и предпочтение литературных «наездников без щита и герба», высказанное им в «Молве»)¹⁶. Кроме того, всегда ориентировавшийся на читателя, публицист хорошо понимал, что успех в тогдашней журналистике все больше зависел как раз от той части аудитории, в которой этот «комплекс» был очень силен. Белинский умело реализовывал свои советы журналистам — «наклоняйтесь до своих читателей <...> узнайте их привычки, их слабости и, соображаясь с ними, действуйте на них», данные именно в связи с анализом причин неудачи «Московского наблюдателя»¹⁷. Антисветски настроенных читателей должно было привлечь «телескопское ратование» против Шевырева, действительно никогда не «наклонявшегося» до читателей (тем более воинственно-антидворянски настроенных).

Ярчайшим примером полемической стратегии конфронтационного типа и неадекватности реакции на публикации Шевырева как потенциального союзника может служить отклик Белинского на выступления критика «Московского наблюдателя» по одной из наиболее актуальных тогда проблем социокультурного развития России — соотношения словесности и торговли.

В открывавшей прозаическую часть «Московского наблюдателя» статье «Словесность и торговля» (1835. № 1) Шевырев первым в русской журналистике широко поставил вопросы о пользе и опасностях, условиях и границах, настоящем и будущем взаимодействия этих важнейших составляющих литературно-общественного процесса после выхода страны на путь буржуазного развития (заметим, названные вопросы и сегодня сохраняют в России острую актуальность). Эта публикация Шевырева стала своего рода манифестом рождавшегося журнала.

Обсуждение вынесенной в заголовок статьи «Словесность и торговля» проблемы в общеисторическом отношении, как и непосредственная борьба с негативными последствиями «торгового на-

---

¹⁶ Примечателен в этой связи комментарий П.А. Вяземского на эмоциональное восприятие Белинским в одной из его «пушкинских» статей тех строк в «Родословной моего героя» Пушкина, в которых говорится о сожалении, что «геральдического льва демократическим копытом теперь лягает и осел»: «словно обижен как личность» (Кн. Вяземский читает Сочинения Белинского // Библиофилы России. М., 2008. С. 350).

¹⁷ Там же. С. 46.

правления», поглощавшего тогда петербургскую журналистику (прежде всего — с «Библиотекой для чтения» Сенковского), по праву заняли важнейшее место в программе «Московского наблюдателя». Его основателей вдохновляли задачи «истинного просвещения» соотечественников и желание «идти навстречу поколению мыслящему», как писал Шевырев, противодействуя «неизбежным злоупотреблениям» периода «первоначального соединения литературы нашей с торговлей»¹⁸.

Первое упоминание об этой «большой статье», причем без указания названия и автора, появилось по «горячим следам» ее публикации — в «Молве», в заметке по поводу выхода сборников Н.В. Гоголя «Арабески» и «Миргород». Выделив действительно не самый убедительный из шевыревских доводов против «меркантильного направления и торговых расчетов гг. авторов», Белинский подчеркнул, что не этим объясняются «неудачи вторых и третьих романов». Однако следующее заявление полемиста, что «истинный талант» не может «убить <...> хорошая плата за заслуженные труды»¹⁹, с намеком на несогласие Шевырева с данной, тогда уже банальной мыслью, обнаруживает не вполне корректный способ ведения Белинским полемики. Ведь у Шевырева-то речь шла о другом — об опасности соблазна «хорошей платы» не «за заслуженные труды», а за плоды «насильственного вдохновения», т.е. вдохновения продаваемого, что могло убить задатки «истинного таланта», превратить художника в «спекулятора»²⁰.

Вообще Белинский сильно недооценил статью «Словесность и торговля», назвав «не критической, а полемической» уже в начальных строках развернутого отклика на нее в статье «О критике и литературных мнениях...». Причем под «полемикой» в этой статье, по словам самого Белинского, подразумевалось лишь «мнение о каком-нибудь литературном предмете», которое в отличие от суждения в критике «опирается» не «на умозрение», а «на здравый смысл». Белинским не были оценены ни программное значение этой статьи Шевырева для «Московского наблюдателя», ни важность ее безотносительно к месту публикации — как по сути первой попытки всесторонне рассмотреть злободневную социокультурную проблему, в том числе и в философско-историческом аспекте.

Белинский увидел в выступлении автора «Московского наблюдателя» лишь «остроумную и чрезвычайно верную характеристику», «самое верное изображение современной литературы», превратившейся в «промышленность» и продавшей «себя за деньги»

---

¹⁸ Шевырев С.П. Науки жрец и правды воин! М., 2009. С. 53.

¹⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. I. С. 174.

²⁰ Шевырев С.П. Науки жрец и правды воин! С. 47.

книгопродавцу²¹ и в результате обреченной на гибель. Несмотря на пространные «выписки», пересказ и комментарии, идейное содержание публикации Шевырева крайне обеднено Белинским.

В статье «Словесность и торговля», построенной в форме диалога²² (правда, без специального графического разделения «реплик», что затрудняло его верное прочтение), Белинский оставил незамеченными все «реплики» в защиту «торговых оборотов» в литературе. Практически проигнорированы морально-философские размышления Шевырева о законах развития «новых отношений» словесности к обществу, когда «сталкиваются две стихии совершенно противоположные: умственная или духовная — какова словесность; материальная — какова торговля», и оказываются «неизбежны нравственные злоупотребления: ибо чистая мысль всегда марается о нечистую выгоду»²³.

Уловив «грустное чувство негодования»²⁴ в рассматриваемой публикации Шевырева, Белинский умолчал (или не сумел понять?), что ее вообще отличает трагическое мировосприятие автора. Причем этот трагизм в большой мере был обусловлен именно осознанием коренных противоречий в современном литературно-общественном процессе, усложнившимся с наступлением «практического духа времени», проникновением в Россию «промышленных», меркантильных отношений.

Не обратил (или не захотел обратить) внимание Белинский и на то, что в шевыревской статье нашли отражение и противоположные настроения — исторического оптимизма, связанные с надеждой на преодоление «временных и неизбежных следствий первоначального соединения литературы нашей с торговлей». Шевырев вовсе не отрицал принципиальную возможность «согласить сбыт», честный коммерческий успех с «нравственным успехом общества», «успехом образования». Осознание такой возможности позволило автору статьи «Словесность и торговля» в ее финале прославлять будущее «счастливое время, которое будет зрелым плодом истинного <...> не поверхностного образования», когда «не одна изящная словесность, но и ученая, найдет своих потребителей»²⁵.

Настойчиво игнорируя реальный ход мысли Шевырева, сужая поставленные им вопросы и не замечая его итоговых суждений

²¹ См.: *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. II. С. 126.

²² Заметим, кстати, что такая форма позволяет говорить о статье Шевырева как полемической в изначальном смысле слова. Причем полемика здесь особая — «внутренняя», в которой «спорят» внутренние «голоса» автора. Иногда его цель — передавать собственные сомнения, свои «за» и «против» того или иного явления, мнения и т.п., а иногда — просто привлечь внимание читателя с помощью более живой «разговорной» формы.

²³ *Шевырев С.П.* Науки жрец и правды воин! С. 50—51.

²⁴ См.: *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. II. С. 126.

²⁵ *Шевырев С.П.* Науки жрец и правды воин! С. 50—51, 52, 53.

в программной статье, Белинский приписал оппоненту «вывод» об исключительно пагубном воздействии денег на талант и потому полном неприятии коммерческих отношений в литературе. Столь примитивный «вывод», разумеется, был объявлен «решительно ложным». В противовес опровергнутому Белинский повторил свое заключение, высказанное годом раньше в заметке в «Молве» (о безопасности «платы за труд» для «истинного таланта»), выделив эту формулу курсивом. В телескопской статье она дополнялась довольно спорным утверждением, что «потоп дурных сочинений», вдохновленных «верной поживой от литературных трудов», — «зло необходимое»²⁶.

Стремясь заострить полемическое звучание своего отклика на статью Шевырева, придать ему форму живого диалога с оппонентом, Белинский ввел в статью «О критике и литературных мнениях...» прямое обращение к нему: «Нет, г. критик, будем радоваться от искреннего сердца и тому, что теперь талант и трудолюбие дают (хотя и не всем) честный кусок хлеба!» Между тем сам Шевырев по ходу размышлений о соотношении творческого и коммерческого успеха в словесности неоднократно в разных «репликах» своего «внутреннего» диалога утверждал, что «мы должны радоваться» появлению книгопродавца (имелся в виду А.Ф. Смирдин), «капиталами оживляющего вещественную жизнь литературного мира», высказывал удовлетворенность, что литератор теперь «может осязать успех у себя на столе»²⁷. Сопоставление этих высказываний ясно показывает, что даже конкретные определения, образные выражения Шевырева воспроизведены (разумеется, с вариациями) у Белинского, но, как ни парадоксально, после отрицательного «нет».

Используя диалоговую конструкцию, Белинский-полемист не выполнил главное условие истинного, конструктивного диалога: слушать и слышать оппонента — реального, а не придуманного, реагировать на его, а не на приписанные ему «реплики». При таком диалоге, не изменяя своим представлениям о перспективах взаимодействия словесности и торговли, Белинский вполне мог солидаризоваться с Шевыревым в этом принципиальном вопросе, как и в непосредственной борьбе с бесспорными для обоих критиков «злоупотреблениями» «спекуляторов».

Все это не мешало бы Белинскому одновременно спорить с автором статьи «Словесность и торговля» по другим, тоже очень важным, но для рассматриваемой программной публикации Шевырева все же «боковым» вопросам. Например, уже упомянутого о причинах неудачи «вторых» и «третьих» произведений авторов,

²⁶ См.: *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. II. С. 129. Нельзя не заметить разницы между этим утверждением Белинского и тезисом Шевырева о «неизбежных злоупотреблениях», только на первый взгляд тождественных.

²⁷ *Шевырев С.П.* Науки жрец и правды воин! С. 50—52.

объяснение которых Шевыревым Белинский опровергал еще в «Молве». Или о причинах прозаизации русской литературы (бурного развития в середине 1830-х годов жанров романа и повести и кризисных явлений в лирике), о чем Белинский писал в телескопской статье 1835 года «О русской повести и повестях г. Гоголя “Арабески” и “Миргород”». Но «неистовый Виссарион» предпочел почти любое неточное суждение Шевырева представлять в гипертрофированном виде, а потенциального союзника — исключительно в образе «противника» на всех «фронтах».

Нельзя не признать, что уже в середине 1830-х годов Шевыреву действительно не всегда хватало широты взгляда и критической прозорливости при оценках явлений текущей литературы: здесь он часто уступал своему «преследователю» Белинскому. Это отмечали не только исследователи, но и многие современники полемистов. Для нашей темы интереснее другое — в чем коренная причина большинства таких реальных неудач Шевырева и сумел ли Белинский ее адекватно оценить и представить читателям в ходе полемики.

Как справедливо показано В.А. Мартыновым и Ю.В. Манном, одним из фундаментальных, а следовательно, в основе своей неизменных принципов мировоззрения Шевырева была идея «регулируемого развития», когда «естественные процессы» в литературе и обществе должны постоянно и жестко контролироваться «какой-то разумной силой» [Мартынов, 1988, с. 25; Манн, 1998, с. 240—242].

В сфере литературы такому сдерживанию «бесконтрольного» развития, по Шевыреву, должна была служить критика — это собственно одна из тех двух ее основных функций, которые имелись в виду при номинации критики «посредником» между искусством — свободным творчеством и наукой с ее законами.

При безусловной привлекательности идеи «регулируемого развития», она всегда чрезвычайно трудна для практического воплощения и в обществе, и в литературе. Во-первых, в силу сложности выработки истинных критериев разумного развития, оптимального соотношения творческого «новаторства» и законной «традиции». Во-вторых, в силу зыбкости границ, отделяющих «регулирование» от диктата, полного подавления свободного развития. Позднее, в начале 1840-х годов, в публикациях в «Москвитянине» эти моменты стали камнем преткновения для Шевырева, все менее открытого новым литературно-общественным веяниям, которые воспринимались преимущественно как незаконные (отсюда и полное неприятие, например, «натуральной школы»). В середине 1830-х годов, как показывает анализ, идея «регулируемого развития» в критической деятельности Шевырева еще сохраняла сильное диалектическое начало, обеспечивавшее восприимчивость критика к новым явлениям живого искусства и одновременно стремление

соотнести их с «традицией» и «законом» развития. Хотя уже тогда идея «регулируемого развития» создавала почву для тех или иных критических неудач Шевырева. Например, преувеличения значимости творчества некоторых писателей, в том числе В.Г. Бенедиктова, в выходе которого на литературную арену в середине 1830-х годов критик хотел видеть столь желанное, а главное — закономерное, с его точки зрения, явление в России «поэта мысли».

Белинский, как отмечалось выше, вслед за Надеждиным значительно упростил определение «задушевной идеи», проповедуемой Шевыревым на страницах «Московского наблюдателя» (и несколько ранее — «Молвы»), сведя ее к «светскости» и актуализировав лишь сопровождающие это понятие отрицательные коннотации, довольно тенденциозные представления о дворянском консерватизме. Ни понятие «регулируемого развития», ни близкие ему не использовалось критиком «Телескопа» при характеристике общей позиции Шевырева. Очевидно, Белинский оказался не готов осознать ее в полном объеме, конструктивно обсуждать и таящиеся в указанной идее опасности, и ее перспективность. Вместе с тем, судя по всему комплексу высказываний Белинского о позиции Шевырева-критика в середине 1830-х годов, можно говорить о том, что он сумел верно почувствовать в ней оттенок недоверия к самодвижению литературного мира, к его живому развитию.

Как в любой дискуссии, в конфронтационной полемике Белинский vs Шевырев был некоторый позитивный момент, поскольку в ее ходе рождались и оттачивались ставшие классическими суждения критиков, особенно Белинского. Шевырев играл здесь роль по преимуществу провокативную и отчасти страдательную, поскольку логика конфронтации не оставляла места великодушию Белинского в адрес «противника», своими исканиями, даже ошибками, как минимум подтолкнувшего его к тем или иным открытиям. При этом, подчеркнем, сам Шевырев в рассматриваемый период не опубликовал ни одного прямого ответа на выпады Белинского.

Не имея возможности в рамках данной статьи останавливаться на анализе данной стратегии критика «Московского наблюдателя» подробно, добавим к уже сказанному нами по этому поводу выше лишь два принципиальных, с нашей точки зрения, замечания. Уйдя от прямых публичных возражений Белинскому даже на его большую статью «О критике и литературных мнениях...», Шевырев практически в то же время посчитал нужным вступить в журнальную полемику с Надеждиным о своей книге «История поэзии...». Сначала Шевырев в «Московском наблюдателе» ответил на развернутую рецензию издателя «Телескопа», а потом на его же ответную статью и только после этого отказался продолжать «прения» как «бесполезные». Нельзя не согласиться с З.А. Каменским, что в целом полемика Шевырева и Надеждина (в сущности, это была

полемика о соотношении «эмпиризма и умозрительства» в суждениях о литературе — о проблеме, которую затрагивал и Белинский в своем антишевыревском «ратовании») «с обеих сторон» грешила «передержками, взаимным непониманием и невниманием к позиции противника», в результате чего «согласные в главном спорщики преувеличивали свои расхождения» [Каменский, 1984, с. 60—62]. Оценка, данная З.А. Каменским полемике Надеждина с Шевыревым, как видим, в известной мере перекликается с нашей оценкой антишевыревских выступлений Белинского в 1836 году, тоже явно преувеличивавшего свои расхождения с Шевыревым по целому ряду важных литературных вопросов. Разумеется, с той разницей, что Белинского в отличие от Надеждина Шевырев ни разу не удостоил ответом.

Поэтому особый интерес представляют объяснения Шевыревым причин и принципов его непосредственного участия в дискуссии, которые сопровождали оба его ответа издателю «Телескопа». Главным Шевырев объявлял готовность «не уходить от ученого прения», на который его вызвал бывший коллега по университету, при этом обращаться не только и не столько к нему, сколько ко всей журнальной аудитории, но «с соблюдением всех правил ученого общежития», «отвечать на суждения, а не на выходки» заядлых литературных спорщиков, в том числе и тех интеллектуалов, кто видит в полемике лишь «схоластическую забаву». Шевырев весьма пренебрежительно отзывался о такого рода полемистах и их поклонниках — «охотниках до драк и всякого двемиятия», которые, по его мнению, заслуживали единственной реакции: «Взгляни и мимо»²⁸. Очевидно, именно к последним Шевырев относил Белинского, который никогда не соблюдал «все правила ученого общежития», как их понимал Шевырев.

Однако проигнорированные им критические выпады Белинского имели больший общественный резонанс, чем полемика с Надеждиным. И дело не только в несравненном публицистическом темпераменте Белинского, его литературном мастерстве и готовности использовать (говоря современным языком) различные эристические техники. Его атаки на Шевырева — журнального критика были доступнее и занимательнее для более широкого читателя, чем надеждинские разборы довольно специальной книги Шевырева о поэзии древних.

Характерны отклики на «телескопское ратование» Белинского против Шевырева двух достаточно пристрастных, но хорошо ори-

---

²⁸ Московский наблюдатель. 1836. Кн. 4. С. 698; Кн. 7. С. 395, 407 («Взгляни и мимо» — слова Данте). Кстати, такое пренебрежение полемическим жанром, очевидно, отчасти обуславливало ту нехватку «живости и горящей замашки», за которую критиковал «Московский наблюдатель» даже сочувствовавший ему Н.В. Гоголь в статье 1836 г. «О движении журнальной литературы...».

ентировавшихся в ситуации современников. Н.А. Полевой писал: «Итак, война? <...> Кому-то пасть, а что Шевырев дурак, воля Ваша — теперь сомнения прочь» [цит. по: Пыпин, 1908, с. 125—126]. Н.В. Станкевич прокомментировал эффект от статьи Белинского «О критике и литературных мнениях...» еще однозначнее: «...брат писал мне, что ты последнею статьею о “Московском наблюдателе” решительно убил Степана Петровича и что он сам от себя отрекается»²⁹. Конечно, в этих отзывах — сильные преувеличения: Шевырев, как известно, от себя не «отрекся», продолжая научную, педагогическую и журнальную деятельность активно и небезуспешно, хотя после (а может быть, отчасти и вследствие) «атак» Белинского все большее развитие получали отнюдь не лучшие стороны его социокультурной позиции. Но для нашей темы важнее другое: слова Полевого и Станкевича передают точно понятый и принятый современниками (по крайней мере, многими) откровенно воинственный дух, разрушительный настрой полемических выступлений Белинского против Шевырева в 1836 году.

С точки зрения самого Белинского и его единомышленников, понимавших полемику как «войну» с использованием всех доступных средств ради «уничтожения противника» (в том числе, как было показано выше, разного рода уловок и искажений его позиции), это был безусловный успех. В системе координат, исключавших в полемике диалоговую стратегию с необходимой для нее установкой на «разговоры с договоренностью», то есть на толерантное конструктивное обсуждение тех или иных явлений, суждений, вопросов и поиск консенсуса с противоположной стороной [Прохоров, 2004, с. 155—194], мастерство полемиста по сути отождествлялось с умением главным образом дискредитировать оппонента.

Для этого, конечно, были нужны соответствующие психологические качества — особое «сладострастие протеста», по меткому выражению Ив. Иванова о Белинском, и готовность «заклеймить» противника «позором отвержения» [Иванов, 1900, с. 100, 101]. Сам Белинский, очевидно, осознавал эти свои наклонности. Позднее, обобщая свой журнальный опыт в феврале 1847 года, он подчеркивал, что «природа осудила» его «лаять собакою и выть шакалом» и что «все лучшие» статьи написаны, когда он мог отдаться «негодованию и бешенству»³⁰. Понятно, что влияние таких страстей почти неизбежно толкало полемиста к границе дозволенного в «вольности» трактовки «чужого» слова, к нетерпимости в отношении «другого» мнения, которое явно противоречит принципам демократизма в современном их понимании.

Все сказанное выше указывает на необходимость корректировки представлений о полемической практике «неистового Виссари-

²⁹ Переписка Н.В. Станкевича 1830—1840. М., 1914. С. 175.

³⁰ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. XII. С. 337—338.

она», отказа от ее идеализации. Это, подчеркнем, отнюдь не означает отрицания огромных заслуг Белинского, роль которого в русской критике вполне справедливо сравнивают с ролью Пушкина в литературе, поскольку он создал критику, которая «по значению была достойна художественной литературы», и очень существенно продвинул развитие отечественной журналистики. Можно согласиться и с утверждением Б.Ф. Егорова (отчасти вслед за Дж. Берти), что Белинский, «вторгшийся в русскую культуру как гений бури, со всеми сражаясь», принес «пользы» больше, чем «вреда» своими «отдельными просчетами и ошибочными оценками» [Егоров, 1980, с. 25—26³¹]. Вместе с тем представляется неприемлемым уход нашей науки от обстоятельного разговора и о «вредном» или, по крайней мере, неоднозначном влиянии выдающегося критика-журналиста, от объективной многоаспектной оценки его практики как журнального полемиста.

Ведь во многом именно благодаря Белинскому ведущие позиции в русской критике и журналистике заняла конфронтационная полемическая стратегия. Внимание к этой стороне деятельности Белинского тем более актуально сегодня, когда при рассмотрении национальной социокультурной традиции все чаще поднимается вопрос о неразвитости в России культуры идейной толерантности и даже нереализуемости «позитивной программы диалога согласия» [Olaszek, 2010, s. 34—35], и не только в публичной сфере, а как о важной черте русской ментальности в целом.

Список литературы

- Егоров Б.Ф.* О мастерстве литературной критики. Л., 1980.
Иванов Ив. История русской критики. СПб., 1900. Т. III. Ч. IV.
Каменский З.А. Н.И. Надеждин: Очерк философских и эстетических взглядов (1828—1836). М., 1984.
Манн Ю.В. Русская философская эстетика. М., 1998.
Мартынов В.А. С.П. Шевырев и русская литературная критика 1820—1830-х годов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
Прохоров Е.П. Журналистика и демократия. М., 2004.
Пытин А.Н. Белинский. Его жизнь и сочинения. 2-е изд. СПб., 1908.
Цветкова Н.В. С.П. Шевырев — критик, историк и теоретик литературы (1830-е годы). Псков, 2008.
Olaszek V. Сюжетная ситуация диалога/спора в романах И. Тургенева // Русская литература XVIII—XXI веков: Диалог идей и эстетических концепций. Łódź, 2010.

Поступила в редакцию
10.11.2011

---

³¹ См. также статью Б.Ф. Егорова о Белинском в словаре «Русские писатели. 1800—1917» (Т. 1. М., 1991. С. 216).

Е.Ю. Скарлыгина, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: scarlygina@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ 1970—1980-х годов И ЖУРНАЛЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В статье рассматривается взаимосвязь литературы и журналистики «третьей волны» русской эмиграции с литературным процессом в советской России 1970—1980-х годов. Автор анализирует сложный состав литературного процесса: официальная советская литература, неподцензурная культура (самиздат и тамиздат), литература русского зарубежья.

Ключевые слова: «третья волна» эмиграции, журнал «Континент», неподцензурная культура, литературный процесс.

This article discusses connections of the “third wave” Russian emigration with a literary process of soviet Russia during 1970—1980 years. The author analyses the complicated contents of literary process: the official soviet literature, non-official culture (“samizdat” and “tamizdat”), the literature of Russian abroad.

Key words: “third wave” of emigration, journal “Kontinent”, non-official culture, literary process.

Помимо подцензурной, официально издававшейся в СССР художественной литературы (и сопутствовавшей ей литературной критике), в советской России 1960—1980-х годов, как известно, стремительно разрастался пласт литературы неподцензурной, самиздатской. Цензурные гонения, преследование за издание опальных художественных произведений за рубежом привели к эмиграции из СССР в семидесятые — первой половине 1980-х годов заметной группы одаренных литераторов, прозаиков и поэтов: Иосифа Бродского, Андрея Синявского, Наума Коржавина, Владимира Максимова, Александра Галича, Виктора Некрасова, Натальи Горбаневской, Василия Аксенова и многих, многих других. Представители «третьей волны» эмиграции довольно быстро создали собственные журналы — «Континент», «Время и мы», «Синтаксис», «Эхо» и т.п., которые стали необходимым дополнением к усеченному цензурой, обедненному литературному пространству в СССР. Те, кто не имел на родине ни малейшей надежды на публикацию, стали печатать свою прозу, эссеистику и публицистику за рубежом, в журналах и издательствах третьей русской эмиграции. Важно подчеркнуть, что это были не только авторы, подобные А. Зиновьеву («Зияющие высоты» — антисоветский политический памфлет), но и те, чье творчество не устраивало советскую цензуру по эстетическим критериям, кто был слишком далек от реализма (Саша Соколов,

Юрий Мамлеев). В Советском Союзе журналы русской эмиграции находились в спецхранах нескольких крупнейших библиотек, доступ к ним был строго ограничен, а для рядового читателя попросту исключен.

В писательской и журналистской среде «третьей волны» неоднократно на протяжении 1970—1980-х годов проходили расширенные встречи, международные конференции, форумы, посвященные состоянию современной культуры, тенденциям развития русской литературы в метрополии и в эмиграции. Важнейшее место в культурном пространстве эмиграции занимал в то время журнал «Континент», издававшийся с 1974 года в Париже под руководством В. Максимова. Поскольку номера «Континента» (в отличие от малоформатного «Синтаксиса») до сих пор не выложены в интернете и доступны лишь в нескольких библиотеках Москвы, обратимся к анализу контента первых пяти номеров издания: выборка случайная, но, на наш взгляд, вполне представительная.

В № 1 «Континента» (1974), давно ставшем библиографической редкостью, было помещено напутственное слово журналу А. Солженицына и А. Сахарова.

«С тех пор, как в СССР были в зародыше удушены попытки выпускать самиздатские журналы, никак не подчиненные и не согласованные с официальной идеологией, и был разгромлен единственный честный и глубокий журнал “Новый мир”, — подчеркивал А. Солженицын, — русская интеллигенция в первый раз пытается объединить свои мысли и произведения, пренебрегая и волею официальных лиц, и своей разделенностью государственными границами. Не лучшая форма и не лучшая территория для появления свободного русского журнала, куда б на сердце было светлей, если бы и все авторы и само издательство располагались на коренной русской территории. Но по нынешним условиям, очевидно, это невозможно»¹.

«Создание нового литературно-общественного журнала кажется мне очень нужным и своевременным, — писал Андрей Дмитриевич Сахаров. — От литературной и литературно-критической части “Континента” я жду освещения более глубинных сторон жизни, доступных интуитивному видению искусства. Я уверен, что журнал внесет свой вклад в важнейший общечеловеческий процесс формирования и воссоздания философских, моральных и этических ценностей, которых так недостает современному человечеству, озабоченному сегодняшним днем и разочарованному»².

Литературный раздел первого номера «Континента» открывался подборкой ныне знаменитых стихов И. Бродского «На смерть Жу-

¹ Континент. 1974. № 1. С. 3.

² Там же. С. 5.

кова», «Конец прекрасной эпохи», «В озерном краю» (поэт также стал постоянным членом редколлегии издания). Здесь же были помещены: неопубликованная глава из полного варианта романа А. Солженицына «В круге первом»; повесть В. Корнилова «Без рук, без ног» (тексты этого поэта широко ходили в самиздате); эссе философа Александра Пятигорского «Заметки о «метафизической ситуации», а также статья А. Синявского-Терца «Литературный процесс в России», посвященная так называемой «второй» — неофициальной русской словесности, ее разнообразию и подлинному расцвету вопреки цензурным притеснениям.

Публикуя статью Игоря Голомштока «Парадоксы гренобльской выставки», посвященную «второму авангарду» в живописи, «Континент» сразу же заявлял о постоянном, устойчивом интересе журнала к неофициальному русскому искусству. Позднее, в № 6 (1975) журнала появится статья Ал. Глезера «Двадцать лет спустя» (заметки о русских художниках-нонконформистах). «Континент» будет уделять огромное внимание Музею русской авангардной живописи в Монжероне (пригороде Парижа), созданному коллекционером А.Л. Глезером благодаря мощной поддержке В. Максимова. На страницах журнала будут опубликованы очерки творчества не признанных в СССР художников А. Зверева и В. Немухина, О. Рабина и О. Целкова, В. Яковлева и В. Воробьева. Наконец, в № 35 (1983) увидят свет заметки Александра Глезера «Современное мировое искусство и русская неофициальная живопись», посвященные вкладу русской авангардной живописи в мировое искусство.

Совершенно очевидно, что уже в первом номере «Континента» редакцией издания была сделана заявка на публикацию художественных и литературно-критических текстов, посвященных неподцензурной русской культуре XX века. В дальнейшем такой подход неизменно сохранялся. В № 2 (1975), например, была опубликована абсурдистская повесть В. Марамзина «История женитьбы Ивана Петровича», в стилевом отношении связанная с традицией А. Платонова. Время публикации повести совпало с освобождением ленинградского прозаика из заключения (куда он попал за участие в создании самиздатского собрания сочинений И. Бродского). Публицистика в № 2 «Континента» представлена принципиально важной работой А. Солженицына «Сахаров и критика “Письма вождям”». Именно эта статья обозначила линию окончательного размежевания между А. Солженицыным и А. Сахаровым; на долгие годы вперед Солженицын стал олицетворять для русской интеллигенции национально-почвенническую платформу, а Сахаров — либерально-демократическую. На родине эта важнейшая полемика полностью ушла в пространство самиздата, как и ее исходный текст — «Письмо вождям Советского Союза» А. Солженицына.

Подбор материалов в № 3 (1975) позволяет сделать вывод о том, что сотрудники «Континента» рассматривали русскую эмиграцию XX века как культурную и духовную целостность. Под рубрикой «Из глубины» здесь помещены статья Кирилла Померанцева (старейшего сотрудника «Русской мысли», эмигранта «первой волны») «Георгий Иванов» плюс несколько стихотворений поэта, прежде не печатавшихся. Здесь же опубликована глава из мемуарной книги «Отраженья» Зинаиды Шаховской, посвященная И. Бунину, а также глава об Андрее Белом из книги А. Бахраха «По памяти, по записям». Философская публицистика в № 3 журнала представлена статьей Григория Померанца, переданной в редакцию по каналам самиздата: «“Эвклидовский” и “неэвклидовский” разум в творчестве Достоевского».

В № 4 (1975) публикуются «Записки зеваки» Виктора Некрасова — автобиографическая проза знаменитого писателя-фронтовика (заместителя главного редактора журнала «Континент» вплоть до 1982 года). Лирико-исповедальная интонация объединяет эти записки с более поздней прозой автора — повестями «Взгляд и нечто», «По обе стороны стены». Интерес и уважение к личности, чувство собственного достоинства, свобода как важнейшая ценность человеческой жизни — вот постоянные мотивы мемуарной прозы Виктора Некрасова (выехал из СССР в 1974 году).

Кроме того, в № 4 увидели свет главы из романа Гроссмана «Жизнь и судьба». Отказ от публикации полного текста романа, запрещенного на родине цензурой, вызвал в дальнейшем серьезные нарекания в адрес редакции «Континента». В. Войнович, который сумел переправить текст В. Гроссмана на Запад, не раз утверждал впоследствии, что роман попросту не понравился В. Максимову и Н. Горбаневской в силу излишней идеологизированности и тяжеловесности. Однако в интервью, взятом автором данной статьи у Натальи Горбаневской, она поясняла, что роман В. Гроссмана оказался слишком объемным для журнального формата; к тому же главная установка сотрудников редакции «Континента» при отборе текстов была такова: «Печатать живых!»³. В итоге полное книжное издание романа «Жизнь и судьба» вышло благодаря усилиям Е. Эткинды в 1980 году в Лозанне.

Хотя все номера набиравшего силу «Континента» были достаточно интересны и содержательны, В. Максимов-редактор воспринимал именно № 5 как наиболее удачный и цельный. В письме Н. Коржавину, бессменному члену редколлегии издания, он подчеркивал: «Пятый номер — это примерно то, что я себе предполагал в своих издательских фантазиях. В прозе и поэзии: Гроссман,

³ См.: *Горбаневская Н.* «Показать, каким был журнал на самом деле...» / Беседа вела Е. Скарлыгина // Вопросы литературы. 2007. № 2. С. 301.

Войнович, Корнилов, Айги; в критике и библиографии (раздел вводится впервые) первоклассная статья Абрама Терца о “Верном Руслане”, очень хороший анализ “Чонкина” Виолетты Иверни, Вас. Бетаки и целый ряд других первоклассных вещей»⁴.

В № 5, кроме того, были опубликованы вопросы анкеты «Континента», посвященной развитию современного искусства и литературы, роли религиозного мировоззрения в творчестве художника, а также тому, как влияет культура на текущий исторический процесс. В течение всех восемнадцати лет издания «Континента» в Париже эти вопросы были основой подробных, обстоятельных интервью с представителями русской и зарубежной общественной мысли, писателями и художниками, театральными и кинорежиссерами, музыкантами, политическими деятелями. Под рубрикой «Наша анкета» такие интервью публиковались в конце каждого номера. Одним из первых (в № 6 «Континента») на вопросы анкеты ответил Наум Коржавин; следом, в № 7, было опубликовано развернутое интервью драматурга Эжена Ионеско — члена международной редколлегии «Континента», личного друга Владимира Максимова.

Как видим, «Континент» был исключительно содержательным журналом с ярко выраженным направлением и довольно скоро превратился в наиболее авторитетное и представительное издание русской эмиграции в целом (а не только ее «третьей волны»). Один из постоянных авторов издания — Михаил Лехман — впоследствии вспоминал: «Десять лет назад, когда я впервые получил уведомление от Максимова, что моя статья поставлена в текущий номер “Континента”, Виктор Платонович Некрасов — человек к патетике не склонный — сказал мне: “Вы понимаете, Миша, что это значит — напечататься в “Континенте”? Это так, как мы считали когда-то — напечататься в “Новом мире”. Что может быть почетнее!”»⁵

Разумеется, в «Континенте» появлялись не только произведения, поступившие по каналам самиздата или созданные в эмиграции. В. Максимов и Н. Горбаневская постоянно следили за новинками советской литературы, что подтверждается многочисленными публикациями под рубриками «Литература и время», «Критика и библиография», «Коротко о книгах». В журнале не раз появлялись статьи и рецензии, посвященные творчеству Валентина Распутина и Фазиля Искандера, Юрия Трифонова и Булата Окуджавы, а также братьев А. и Б. Стругацких. Наряду с публикациями прозы и поэзии «Континент», как и любой уважающий себя «толстый» журнал,

---

⁴ Из архива журнала «Континент» / Публикация Е. Скарлыгиной // Континент. 2006. № 129. С. 286.

⁵ Русская мысль. 1995. 6—12 апреля. № 4072. С. 17.

имел разделы, посвященные истории литературы, критике и библиографии. Одной из интереснейших можно считать рубрику «Литература и время». В ней стоит особо отметить статьи Льва Лосева, посвященные творчеству Иосифа Бродского, «Поэме без героя» А. Ахматовой, эстетическим аспектам прозы А. Солженицына; весьма глубоки и содержательны также работы Б. Парамонова, посвященные «Доктору Живаго» Б. Пастернака и роману А. Платонова «Чевенгур». Следует специально подчеркнуть, что в этой рубрике появлялись как материалы, посвященные творчеству классиков (от Пушкина и Достоевского до Бунина и Блока), так и статьи, связанные с поэтикой Булгакова, Зощенко, современных советских авторов. Среди литературных критиков «Континента» хорошим уровнем статей отличалась Виолетта Иверни. Весьма тонко и глубоко писала она в разделах «Литература и время», «Критика и библиография» о прозе давних друзей журнала — Булата Окуджавы («Час милосердия», № 12) и Ф. Искандера («По ту сторону смеха», № 21). Но вместе с тем — и о Валентине Распутине, который, напротив, не имел ничего общего с «Континентом» и никогда не передавал свои рукописи за рубеж. В статье «Смертью — о жизни» (№ 15), посвященной творчеству В. Распутина, В. Иверни раскрывала глубину и эсхатологическое звучание повести «Прощание с Матерой», называла ее «современным Апокалипсисом». Талант писателя она определяла как подлинный и глубокий, ждала от В. Распутина новых свершений, подчеркивала его субъективную честность и умение сказать горькую правду вопреки цензурным запретам.

Конечно, для редакции «Континента» существовала принципиальная граница между официозной «секретарской» литературой Проскуриных—Софроновых — и собственно литературой, настоящей русской словесностью. Подлинный талант редколлегия журнала стремилась поддержать всегда, независимо от того, по какую сторону границы находился автор. В письме молодым, тогда только начинавшим публиковаться в эмиграции П. Вайлю и А. Генису (от 7.09.1985), В. Максимов подчеркивал: «О литературном процессе в СССР и его наиболее достойных участниках, начиная от Б. Окуджавы до братьев Стругацких, в “Континенте” опубликовано больше позитивных статей, чем во всех остальных русских журналах зарубежья, вместе взятых»⁶. Когда в России скоропостижно скончался Юрий Трифонов, редактор «Континента» посвятил его памяти проникновенный некролог, полный искренней скорби. В частности, В. Максимов писал: «Трифонов умер в расцвете твор-

⁶ См.: *Скарлыгина Е.Ю.* Неисследованный континент (о журнале «Континент» В. Максимова) // *Общественные науки и современность.* 2007. № 6. С. 168.

ческих возможностей, когда от него ожидали еще многого и многого, может быть, даже окончательного слова, которое оказалось бы решающим в его писательской и человеческой судьбе, но все, к великому сожалению, обернулось иначе. От нас ушел еще один подлинный русский прозаик. Вечная ему память»⁷.

Будучи изданием полемически заостренным, рассчитанным на дискуссию, «Континент» неоднократно публиковал материалы, которые предполагали развернутое обсуждение. Так, например, постоянный автор журнала, критик Юрий Мальцев (издавший на Западе книгу «Вольная русская литература»), опубликовал в № 25 «Континента» статью «Промежуточная литература и критерий подлинности», вызвавшую оживленную полемику во всех изданиях «третьей волны» эмиграции. В ней практически все наиболее известные в то время советские писатели — Б. Можаяев, В. Белов, В. Шукшин, Ю. Трифонов, В. Распутин, В. Тендряков и др. — обвинялись если и не в откровенной лжи, то, во всяком случае, в дозированной полуправде, которая искажает у советского читателя реальную картину действительности. Эти «промежуточные» писатели, по мнению Ю. Мальцева, касались только разрешенных тем, шли на уступки цензуре и в конечном итоге служили укреплению существующего режима, поскольку упорно молчали о самых страшных трагедиях советской истории. Автор статьи упрекал советских писателей, не принадлежавших к литературному официозу, даже в том, что 1980-е годы они стали выезжать за рубеж, встречаться с западными читателями и издателями, давать интервью, создавая тем самым иллюзорную картину свободы мнений («Как будто они действительно могут давать интервью!» — язвительно высказывался Ю. Мальцев). «Разрешенная правда подозрительна уже самим фактом своего разрешения», — заканчивал он свою отповедь советским писателям.

Статья Ю. Мальцева вызвала оживленную полемику. В № 28 «Континента» появился развернутый ответ Марии Шнеерсон «Разрешенная правда». Апеллируя к авторитетному мнению Солженицына и взывая к здравому смыслу, критик достаточно резко возражала против самого термина «промежуточные писатели», напоминая ей идеологический ярлык «попутчики», и призывала эмиграцию понять, что лучшие писатели в советской России «малыми художественными деталями обнажают перед широкой читательской аудиторией огромную область жизни, запрещенную к изображению». «Неужели в полноте политической информации можно усматривать критерий подлинности произведений искусства?» — недоуменно спрашивала М. Шнеерсон и завершала свою

---

⁷ Максимов В. Памяти Юрия Трифонова // Континент. 1981. № 28. С. 98.

статью следующим суждением: «На наших глазах произошло чудо — родилась целая богатейшая литература. Невероятно? Невероятно, но факт!»⁸.

Полемицировал с Ю. Мальцевым и Андрей Синявский на страницах частного журнала «публицистики, критики, полемики» «Синтаксис» (издавался супругами Синявскими с 1978 года в Париже). «Полнота правды, предлагаемая Ю. Мальцевым в виде пробного камня, не является единственным критерием художественного достоинства книги, — утверждал Андрей Донатович. — В нынешней русской словесности, подцензурной и бесцензурной, есть прекрасные вещи, значение которых далеко не покрывается полнотою высказанной в них правды. Например, роман “Путешествие дилетантов” Булата Окуджавы, или особенно меня поразившие своей стилистикой и архитектурой “Пушкинский дом” Андрея Битова и его “Похороны доктора”»⁹. «Требовать же от писателя, живущего в Советском Союзе, чтобы он непременно вмешивался в политику и открыто противостоял государству, — настаивал А. Синявский — это, помимо прочего, безнравственно. Это все равно, что заставлять человека идти в тюрьму или эмигрировать. Ни запрещать эмиграцию, ни требовать, чтобы все настоящие, честные писатели покинули Россию, — нельзя. И это не сулит ничего доброго русской литературе»¹⁰. Осмысля специфику того поколения эмигрантов, к которому принадлежал сам, А. Синявский подчеркивал: «У нашей третьей волны много недостатков по сравнению с первой эмиграцией. Но есть одно преимущество, которым было бы грешно не воспользоваться. Сегодняшняя Россия с тем лучшим, что там появляется в литературе, для нас не чужая и не закрытая страна. И наши читатели не только здесь, но и в современной России. Да и шире рассуждая, нынешняя эмиграция куда теснее связана с метрополией, чем это было в прошлом»¹¹.

Переходя к разделам «Континента» — «Критика и библиография», «Коротко о книгах», — следует подчеркнуть, что они были исключительно информативны, давали представление как о книгах, появившихся в зарубежье, так и о лучших, наиболее заметных изданиях, вышедших в СССР. Среди постоянных авторов рубрики «Критика и библиография» находим В. Иверни, Н. Горбаневскую, Вас. Бетаки, С. Юрьенена, К. Померанцева и М. Муравник. Сейчас, в радикально изменившихся условиях, трудно до конца осознать, каким ценным источником информации для потенциальных читателей в России были два этих литературно-критических раздела

⁸ Континент. 1981. № 28. С. 379.

⁹ Синявский А. О критике // Синтаксис. 1982. № 10. С. 149.

¹⁰ Там же. С. 150.

¹¹ Там же. С. 155.

журнала. Ведь они освещали содержание книг, относящихся ко всей гуманитарной сфере знаний — социологии, истории, литературоведению, теории культуры, искусствоведению. Лично редактором «Континента» были написаны положительные рецензии на книгу И. Золотусского «Н.В. Гоголь» и на монографию И. Волгина «Последний год Достоевского».

В. Максимов неоднократно говорил о том, что «Континент» должен быть сориентирован прежде всего на Россию. В 1981 году (к этому моменту за 6,5 лет издания вышли уже 27 номеров журнала) в интервью «Русской мысли» главный редактор настаивал: «Если журнал потеряет ориентир, который я называю Россией, он потеряет смысл своего существования», поскольку «задумывался не только как журнал, но и как один из центров современной русской общественной мысли»¹².

Далее главный редактор характеризовал один из основных принципов издания: «Получить информацию литературную, политическую, религиозную, общую информацию из России, спрессовать ее в книжку журнала и вернуть туда же в Россию, то есть сделать эту информацию общим достоянием». Конечно, номера «Континента» проникали в Россию в ограниченном количестве, по тайным каналам, не более 300 экз. Но редакция издания постоянно получала свидетельства, что журнал читается на родине, что он востребован и необходим. Каждый его номер прочитывали сотни людей, перепечатывая и переснимая с помощью фотоаппарата наиболее интересные и острые материалы. Владимир Корнилов, публиковавший на страницах «Континента» свою прозу и поэзию, сообщал В. Максиму 10 февраля 1979 года: «Москва по-прежнему верна твоему журналу, гоняется за ним, дает на два, на три дня. Очень ухудшает дело то, что экземпляров стало мало. У меня после 13-го не было личных. А ведь все все время в работе и до сих пор. Спрос не убывает. Нельзя ли наладить присылку?»¹³

В 1984 году, поздравляя «Континент» с 10-летием выхода в свет, редакторы небольшого парижского журнала «Эхо» В. Марамзин и А. Хвостенко подчеркивали: «Живущих в России “Континент” особенно привлекает тем, что его делают люди, еще недавно ходившие по тем же улицам, скучавшие на тех же заседаниях, читавшие те же газеты и журналы. Он объединил вокруг себя все лучшее, что существует в современном русском литературном процессе»¹⁴.

Добавим от себя — и в русской культуре в целом. Творчество Юрия Любимова и Театр на Таганке, музыкальное искусство

¹² Русская мысль. 1981. 21—28 мая. № 3361. С. 12.

¹³ Из архива журнала «Континент» / Публикация Е. Скарлыгиной // Континент. 2006. № 129. С. 292.

¹⁴ Континент. 1984. № 40. С. 249.

Г. Вишневецкой и М. Ростроповича, судьба Марка Шагала и Дмитрия Шостаковича; беседа с Андреем Тарковским и диалог Соломона Волкова с Иосифом Бродским; документальная книга А. Шварца о Михаиле Булгакове и неизвестные рассказы Даниила Хармса, присланные филологом Ильей Левиным, — одним словом, все, что сегодня воспринимается как подлинная русская культура XX века, горячо интересовало редакцию «Континента» и находило отражение на его страницах.

«Культурный расцвет Третьей волны, — подчеркивал А. Генис, — пришелся на 70—80-е годы и не случайно совпал с самыми тусклыми, закатными или, как их потом называли, застойными годами советской истории. Никогда еще различия между свободной и подцензурной литературой не были так наглядны. Если блестящая словесность Первой волны развивалась на фоне бесспорных художественных открытий внутри России, то достижения Третьей волны казались особенно яркими по сравнению с унылым культурным ландшафтом позднего СССР. Третья волна предоставила российской культуре убежище и полигон»¹⁵.

Соглашаясь с этим высказыванием по существу, отметим все-таки его излишний радикализм. В условиях цензуры в СССР продолжали работать Юрий Давыдов и Юрий Трифонов, Булат Окуджава и Фазиль Искандер, Василий Шукшин и Евгений Попов, Андрей Битов и Давид Самойлов. Заслуга сотрудников «Континента» и других журналов русской эмиграции состояла, помимо прочего, в том, что они никогда не отвергали подлинный талант по принципу «прописки», печатали не только авторов самиздата, но и тех, кто пытался реализовать себя в рамках тогдашней советской литературы. Таким образом, рассуждая сегодня о литературном процессе в России 1970—1980-х годов, необходимо учитывать всю его сложность и многослойность. Помимо официально издававшейся художественной литературы, в СССР бурно развивалась неподцензурная словесность, а за его пределами — литература русского зарубежья. Роль и значение журналов русской эмиграции в этом многосоставном литературном процессе до сих пор малоисследованы и явно недооценены.

Поступила в редакцию
10.11.2011

---

¹⁵ Генис А. Третья волна: примерка свободы // *Slavic Culture Studies*. 2010. № 9. С. 4—5.

РАЗДЕЛ 3. ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЯ В ОЦЕНКАХ КРИТИКИ

Е.И. Орлова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ektorlova@yandex.ru

М. БУЛГАКОВ И М. ВОЛОШИН В 1920-е годы

Личная дружба двух писателей была основана на их творческой близости. Волошин считал Булгакова «первым, кто запечатлел душу русской усобицы», однако в поэме «Россия», стихах первых лет революции и гражданской войны он сам сделал это с не меньшей художественной силой. Современному читателю видны многие переключки между произведениями Волошина и Булгакова: позиция «над схваткой», соотношение событий в России с русской и мировой историей, обращение к образам и мотивам Библии, а также к творчеству русских писателей, в первую очередь Достоевского. Общим было и непонимание критикой 1920-х годов значения обоих писателей, которые оказались при жизни недооценены.

Ключевые слова: М. Булгаков, М. Волошин, история литературы, литературная критика, революция, Гражданская война.

The personal friendship of the two writers was based on an creative proximity. Voloshin considered Bulgakov as “the first who captured the soul of Russian strife”. However, he did so himself with no less artistic force in the poem “Russia,” verses about the first years of revolution and civil war. The modern reader can see many parallels between the works of Voloshin and Bulgakov: a position “above the fray,” the correlation of events in Russia with Russian and world history, an appeal to the characters and motifs of the Bible, as well as to the works of Russian writers, especially Dostoevsky. They also had in common the fact that literary critics of the 1920s failed to understand both writers who, during their lives, remained underappreciated.

Key words: M. Bulgakov, M. Voloshin, history of literature, literary criticism, revolution, civil war.

Поставив на первое место в заглавии этой статьи Булгакова, мы скорее отдали дань не только его недавнему 120-летнему юбилею, но и тому месту, которое писатель занял в истории литературы почти уже столетие спустя после его дебюта. Но в литературной жизни 1920-х годов имена Булгакова и Волошина означали совершенно разные весовые категории. Первая книга стихов Волошина вышла в 1910 году, и она представила сложившегося, профессионального поэта, к тому времени уже достаточно известного. Булгаков же вступает в литературу только в 1920-е годы.

Волошин был одним из немногих современников, кто высоко оценил первый булгаковский роман. Как установила М. Чудакова,

Булгакову стал известен отзыв Волошина из письма к Н.С. Ангарскому в марте 1925 года:

«<...> В печати видишь вещи яснее, чем в рукописи.... И во вторичном чтении эта вещь представилась мне очень крупной и оригинальной; как дебют начинающего писателя ее можно сравнить только с дебютами Толстого и Достоевского» [Чудакова, 1988, с. 246].

Дальнейшие факты общения двух писателей таковы: инициатива знакомства принадлежала Волошину; летом 1925 года Булгаков с женой гостят у Волошина в Коктебеле; при их отъезде Волошин дарит свою акварель с надписью: «Дорогому Михаилу Афанасьевичу, первому, кто запечатлел душу русской усобицы, с глубокой любовью». [там же, с. 251]. Вторым даром Волошина тогда же была его книга «Иверни»: в инскрипте Волошин призывает Булгакова «довести до конца трилогию “Белой гвардии”» [Купченко, 2007, с. 270]. В Москве в марте 1926 года Булгаков участвует в вечере в пользу Волошина; позднее Волошин присылает ему, как и другим участникам вечера, еще акварель. В феврале 1927 года Волошин в Москве встречается с Булгаковым и посещает спектакль «Дни Турбиных» во МХАТе.

Но есть и еще два обстоятельства, на которые, кажется, до сих пор не обращали внимания исследователи и которые не могли не сблизить двух писателей. Эти два обстоятельства можно назвать главным и второстепенным. Начнем с второстепенного.

Нельзя не увидеть общие черты в том, как в 1920-е годы складывается литературная репутация, подготавливающая литературную судьбу обоих писателей — конечно, только прижизненную. В 1923—1925-х годах Волошин и Булгаков публикуются в одних и тех же изданиях. Круг их довольно узок: это газета «Накануне», журнал «Россия», альманах «Недра». О них пишут одни и те же критики, причем эти отзывы почти повально охульные.

Вероятнее всего, первым произведением Булгакова, которое прочел Волошин, стала повесть «Дьяволиада» в 4-м сборнике альманаха «Недра». В следующем, 5 выпуске публикуется поэма Волошина «Космос», а в шестой книге Волошин и Булгаков «встречаются»: здесь публикуется поэма Волошина «Россия» и повесть Булгакова «Роковые яйца». Не удивительно поэтому, что и в критических отзывах их имена часто появляются рядом. Настоящий же взрыв откликов в связи с Булгаковым происходит после постановки в 1926 году «Дней Турбиных». Дело доходит даже до того, что он становится героем фельетона Вадима Шершеневича:

«— Надо написать большую статью об одном молодом писателе, который в последнее время начинает выдвигаться.

— Что вы, что вы! Опять о Булгакове! Не могу!»

Так иронизировал в декабре 1926 г. В. Шершеневич, воспроизводя в своем фельетоне воображаемый диалог редактора театрального журнала «с одним очень умным человеком. Он, кажется, критик»¹.

Реплика этого «кажется, критика» отвечала злобе дня: ни до ни после Булгаков не встречал в таком изобилии упоминаний о себе (даже новая кампания, развязанная в 1928 году под лозунгом «правая опасность и театр», уступает тому всплеску, что наблюдаем в году 1926). Первая же статья, специально посвященная Булгакову, появилась в конце того же года.

«Литературная судьба Булгакова печальна: до сих пор имя его затрагивалось лишь в небольших рецензиях, которые отводили ему обычно полочку между Эренбургом и Замятиним, и этим оценка Булгакова как писателя исчерпывалась»², — писала, например Е. Мустангова.

Любопытно, даже парадоксально: Шершеневич в своем фельетоне показывает ситуацию, когда о Булгакове редактор даже слышать больше не может, — но и по-своему права Мустангова, говоря о «печальной» булгаковской судьбе: множество упоминаний, оценок — и ни одной статьи, специально посвященной писателю. Кстати, о сходной ситуации пишет Волошин Е. Ланну в 1925 году: «...вслед за каждым положительным отзывом обо мне следует целый залп ругательств и ушаты помоев. И все это не только носит характер политического доноса, но и влечет за собой последствия политического доноса»³.

Статья Мустанговой о Булгакове как раз и представляла не что иное, как попытку политического портрета, после которого уже немногие критики осмелились бы выступить с апологией Булгакова. Вот ее основные тезисы: «А между тем Булгаков заслуживает внимания марксистской критики двумя неоспоримыми качествами: 1) несомненной талантливостью, умением делать литературные вещи и 2) не-нейтральностью его, как писателя, по отношению к советской общественности, чуждостью и даже враждебностью его идеологии основному устремлению и содержанию этой общественности»⁴.

Получается, что именно талантливостью Булгаков, по логике критика, и опасен советскому обществу. «Агент новой буржуазии»,

¹ Шершеневич В. Общее благополучие // Жизнь искусства. 1926. № 50. С. 6—7.

² Мустангова Е. О Михаиле Булгакове (в связи с постановкой «Белой гвардии» и «Дней Турбиных» в Моск. Худож. Театре // Жизнь искусства. 1926. № 45. С. 13.

³ «...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы / Сост. Д.А. Беляев, Г.П. Мельник. М., 2007. С. 50.

⁴ Мустангова Е. Указ. соч.

«злое и лживое нападение на рабочий класс (“Роковые яйца”)»⁵ — вот распространенные характеристики Булгакова, в то время как Волошин был назван в одном из подобных обзоров «живым трупом»⁶.

Рапповские критики разносили Булгакова и Волошина в прямом и в переносном смысле; в прямом — по разным группам, в соответствии каждый со своей классификацией, более или менее разветвленной и детальной, но одинаково уродливой. Итог же своей жизни в литературном процессе Булгаков подвел сам, когда подсчитал, что на 298 отрицательных отзывов пришлось лишь 3 положительных. Кстати, удивительным образом булгаковская неутешительная статистика перекликается с тем, как писал о себе в 1924 и 1925 годах Волошин: «...меня много ругали и поносили, но никто не взвешивал <...> еще до сих пор в русской критике не было ни одной положительной статьи обо мне, если не считать краткой рецензии Брюсова о моей первой книге, да неожиданного отзыва Львова-Рогачевского <...> за который на меня поднялась такая травля в прошлом году. А кто только меня не ругал и не травил, и теперь, и прежде»⁷.

Можно увидеть много общего в том, как оценивают в печати произведения Булгакова и Волошина. Есть, однако, и различия.

«Если можно простить Булгакову его “равнение на потребителя” и безобидное остроумие, то ни самому Волошину, ни редакции “Недр” поэмы “Россия” простить нельзя»⁸, — выносил свой приговор один критик.

Разбирая повесть «Роковые яйца», а точнее свои ощущения от нее и затем от поэмы Волошина, другой рассуждал: «...прочитаешь последние строки повести — и недоумеваешь, сетуешь на то, как автор затушевывает, притупляет всю повесть, запутывает все концы, — выстрел оказывается холостым <...> Булгаков повторяет упорно свои ошибки: так раньше, на подобном же анекдоте построил он свой рассказ “Дьяволиада” <...>

Поэма Волошина представляет собой историко-философский трактат, написанный густыми и тяжеловатыми крепкими словами. Волошин субъективен: его космический национализм с безликим и глухим духом истории объективно далеко не обязателен. Он —

⁵ См.: *Зонин А.* Плюсы и минусы (Беглые заметки) // Жизнь искусства. 1926. № 44. С. 5.

⁶ См.: *Нович И.* Дерево современной литературы // На литературном посту. 1926. № 3. С. 24.

⁷ «...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн... С. 40, 49.

⁸ *Коротков Н.* «Недра». Кн. 6. М.: Недра, 1925 // Рабочий журнал. Лит-худ., общественный и научно-политический двухмесячник «Кузницы». М.; Л., 1925. № 3. С. 156.

лишь свидетельство об яркой поэтической разновидности человеческой особи, социально довольно безразличной»⁹.

Была, пожалуй, лишь одна рецензия на шестую книгу «Недр», которая не звучала в унисон с большинством голосов. Но, вероятно, не случайно ее автор не подписался полным именем. Критик «Нового мира» писал: «Повесть Булгакова — это не просто “легкое чтение”. Лица, типы, картины — все это невольно запоминается, все это злободневно и метко. Маленькой фразы достаточно, чтобы осветить ярким лучом смеха как будто неприметный уголок нашей сегодняшней жизни <...>

Всем читавшим повесть Булгакова я задам один вопрос: какое осталось у них впечатление от нашего “завтра”, изображенного в повести “Роковые яйца”? Произвело ли на них это “завтра” гнетущее, упадочническое впечатление? По моему скромному мнению, едва ли сумеет какой-нибудь автор утопического, р-р-революционного романа заронить в своих читателей такое же чувство могучей жизнерадостной страны, нашего Нового Света. А восприятие читателя есть восприятие самого художника»¹⁰.

Итак, по Л-ву, *Роковые яйца* — самая заметная прозаическая вещь в альманахе. Говоря же о поэзии, представленной в «Недрах-6», журналист отмечает лишь поэму Волошина: «Только поэма М. Волошина “Россия” оставляет глубокое и сильное впечатление. Странны, конечно, его мысли — мысли сменовеховца, “Пильняка в поэзии”, но красота многое может искупить»¹¹.

Станным кажется нам теперь сближение Волошина с Пильняком, но заслуживает внимания эта редкая для 1920-х годов высокая оценка поэмы; от анализа содержания ее, однако, рецензент уклонился. Любопытно, что писавшие о Волошине, как и в случае с Булгаковым, повторяют друг друга: о «сменовеховстве, пильняковщине в стихах» говорил не один Л-в. «Вагонной литературой», но «высшего качества» назвал «Белую гвардию» отнюдь не отрицавший Булгакова Н. Осинский¹². «Повесть Булгакова (“Роковые яйца”. — *Е.О.*) — легкое вагонное чтение»¹³, — утверждал и Н. Ко-

---

⁹ *Правдухин В.* «Недра». Лит.-худ. сборники. Кн. 6. М.: Недра, 1925 // Красная новь. 1925. № 3. С. 287—289.

¹⁰ Л-в. «Недра» — книга шестая // Новый мир. 1925. № 6. С. 152. О Булгакове как о писателе «с европейской, уэллсовской складкой» писал А. Воронский (Красная новь. 1925. № 10. С. 254—255).

¹¹ Там же. С. 152.

¹² Правда. 1925. 28 июля.

¹³ *Коротков Н.* «Недра». Кн. 6. М.: Недра, 1925. // Рабочий журнал. Лит.-худ., общественный и научно-политический двухмесячник «Кузницы». М.; Л., 1925. № 3. С. 156.

ротков. С легкой руки Замятина эпитет «бойкий» дважды был применен к Булгакову¹⁴.

И А. Воронский, и критики «Перевала» тоже пишут о Булгакове и Волошине. Однако при всей широте эстетических позиций и их отношении к обоим писателям было далеко от безоговорочного приятия. Опять-таки они сходятся в оценке того и другого. Вот как отзывался — одним из немногих — А. Лежнев на «Космос» Волошина, опубликованный, как уже говорилось, в 5-й книжке «Недр»: «Лучше других “Космос” Волошина, род философии истории или, вернее, истории идеологий в стихах. Некоторые характеристики эпох великолепны, — например, характеристика средневековья. Что же касается нашей эпохи, то, по мнению поэта, наука, уничтожив ньютоновско-лапласовскую картину мира, доказала, что

Все относительно:
И бред и знание.
Срок жизни истин:
Двадцать-тридцать лет —
Предельный возраст водовозной клячи <...>

Это, конечно, не так. Утверждения М. Волошина сводятся к тому, что мир — только наше представление, или, если и существует, — непознаваем. Утверждение далеко не новое и высказывавшееся в эпоху господства теорий Ньютона — Лапласа. Современная наука исключает такого рода философии»¹⁵.

Как видим, Лежнев был непрекаем в том, что касалось осмысления современности. Наука (читай: марксистская), в которую он свято верил, должна была, по мысли критика, объяснить и обосновать справедливость нового переустройства мира. Любой иной подход объявлялся несостоятельным. Так давала о себе знать методология даже лучших наблюдателей литературного процесса 1920-х годов: тот способ мышления, на который Лежнев признавал право Волошина в отношении средних веков и всех других эпох, не мог быть применен в отношении современности. В масштабе же мышления Волошина, без преувеличения планетарном, современность никак не должна была быть возведена в абсолютную степень.

В следующем же году Лежнев отзывался о «Белой гвардии», отзывался достаточно осторожно, заметив, что «в трактовке действующей

---

¹⁴ См. *Замятин Е.* О сегодняшнем и о современном // *Русский современник.* 1924. Кн. 2. С. 266; *Лежнев А.* Художественная литература // *Печать и революция.* 1927. № 7. С. 106—107.

¹⁵ *Лежнев А.* «Недра». Литературно-художественный сборник. Кн. 5. М.: Мосполиграф, 1924. С. 284 // *Красная новь.* 1924. № 6 (23). С. 355.

щих лиц автор старается подражать Льву Толстому, изображая своих офицеров ни негодяями, ни героями...»¹⁶; он достаточно мягко попенял Булгакову за поэтизацию персонажей и оставил вопрос об «идеологической перспективе» романа до завершения его публикации.

А годом раньше, в статье 1924 г. «Заметки о журналах», А. Лежнев, касаясь журналов «Россия» и «Русский современник», пишет о Волошине так: «Есть у нас такие специалисты по патриотическим истерикам, сделавшие из “любви к родине” профессию. Секрет их производства несложен: “стиль русс” да немножко Достоевщины, да немножко от Блока, да демонстрация собственного душевного благородства. В таких стихах есть всегда специфический привкус, специфическая окраска. У М. Волошина она особенно сильна. Современная Россия, возникшая в революции, представляется ему гулящей, беспутной, и он не жалеет красок для изображения ее “непотребства”...»¹⁷.

Критик цитирует стихотворение «Русь гулящая», но оставляет его даже без комментария, настолько собственное возмущение кажется ему праведным в отношении Волошина. И, конечно, Булгакова он также зачисляет в правый фланг в литературе. «Булгаков — писатель молодой, начавший писать лишь в советскую эпоху. Его бойкий талант, фрондерство и испуг рецензентов создали ему большую известность. Он остроумен, иногда зол, но редко выходит за пределы фрондерства, — зубы его не оставляют глубоких следов»¹⁸.

Этого, однако, было достаточно, чтобы через два года, когда ту же характеристику А. Лежнев повторил в совместной с Д. Горбовым книге «Литература революционного десятилетия», получить отповедь, граничившую уже — в 1929 году — с политическим доносом. По мысли оппонента перевальцев, назвать Булгакова лишь «фрондером» значит дать ему слишком мягкую характеристику¹⁹.

И еще раз в книге Лежнева и Горбова встретились Булгаков и Волошин. На этот раз о Волошине писал Д. Горбов: «Наконец, вот стихотворение М. Волошина “Святая Русь”<...>. Здесь Октябрьская революция рассматривается как разгром, как бесхозяйственность, как растрата ценностей, накопленных веками. Однако в заключение М. Волошин отказывается осуждать Россию за ее поведение».

¹⁶ Лежнев А. Литературные заметки // Красная новь. 1925. № 7. С. 269—270.

¹⁷ Лежнев А. Заметки о журналах. 1. На правом фланге (о журналах «Россия» и «Русский современник») // Печать и революция. 1925. Кн. 6. С. 126.

¹⁸ Лежнев А. Художественная литература // Печать и революция. 1927. № 7. С. 106—107.

¹⁹ См.: Ольховый Б. О попутничестве и попутчиках // Печать и революция. 1929. № 5. С. 11.

И приведя заключительную строфу стихотворения, так разительно контрастирующую со всем комментарием, который скорее хочется назвать грубым и неточным пересказом, критик резюмирует: «Вот тот предел, дальше которого символисты, в сущности, не пошли»²⁰.

Мы видим теперь, однако, что, к сожалению, и критики-перевальцы не пошли далеко в своих оценках, которые были — что касается Горбова — попросту беспомощно-плоски, по крайней мере здесь. И перевальцы, чья эстетическая позиция была беспримерно шире рапповской, тоже не приняли ни Булгакова, ни Волошина. Они все же оказались в плену своей эпохи, тогда как оба писателя мыслили свое время как трагически важный, поворотный, судьбоносный, но все-таки один момент (хотя, возможно, длительный) в русской и общечеловеческой истории.

И Воронский занял двойственную позицию в отношении Булгакова. Не отрицая дарования писателя, называя «Роковые яйца» «вещью чрезвычайно талантливой и острой», он резюмировал критические споры так: «Булгакова окрестили контрреволюционером, белогвардейцем и т.п., окрестили, на наш взгляд, напрасно, но для критических выпадов все же были серьезные основания <...> Почему бы и в самом деле не написать <...> художественный памфлет? Основной недостаток Булгакова в том, что он не знает, во имя чего нужны такие памфлеты, куда нужно звать читателя. Или это не дело писателя? В нашу эпоху, когда идет бой не на жизнь, а на смерть? <...> Писатель сам подает повод для всяческих криво толков и в конце концов неизвестно, куда он ведет нас: может быть, совсем не туда, куда хочет идти наш новый читатель, которому дорог Октябрь»²¹.

Но даже и такое, весьма сдержанное отношение к Булгакову вызвало нападки на Воронского со стороны налитпостовцев — рапповцев. Ему припомнили, что еще раньше он называл «Роковые яйца» и «Белую гвардию» вещами «выдающегося литературного качества»²². Задумываясь же о возможности сатиры в советской литературе, Воронский хотя и не отрицает ее, но считает нужным напомнить, что допустима лишь одна идеология — марксистская — и что «с вершин, с вершин эпохи нужно смотреть...»²³.

Можно сказать, что А. Воронский, Н. Осинский, публиковавший Булгакова Н. Ангарский — коммунисты старшего поколения, с опытом подпольной работы, арестов, ссылок — не выказывали к писателю ни враждебности, ни агрессии, в отличие от своих ре-

---

²⁰ *Лезнев А., Горбов Д.* Литература революционного десятилетия. Харьков, 1929. С. 124.

²¹ *Воронский А.* Писатель, книга, читатель // Красная новь. 1927. № 1. С. 237—238.

²² *Воронский А.* О том, чего у нас нет // Красная новь. 1925. № 10. С. 254—259.

²³ *Воронский А.* Литературная хроника // Красная новь. 1922. № 6. С. 344.

тивных младших оппонентов, дельцов от литературы. Пожалуй, они действительно смотрели с вершин *своей* эпохи. Но в том-то и дело, что Булгаков и Волошин смотрели на происходившее в России принципиально с другой точки зрения, мало кому из современников доступной. И в этом обнаруживаются глубинные точки пересечения у этих писателей, столь несхожих по своей поэтике.

И тут мы подходим к самому главному. В понимании картины мира и истории у Волошина и Булгакова было нечто общее. Это прежде всего сознание того, что разворачивающаяся на их глазах история — лишь часть даже не только российского, а общемирового процесса. Об этом говорят уже два эпиграфа к «Белой гвардии». Первый — пушкинский, из «Капитанской дочки», — включает происходящие в Городе 1918 года события в контекст русской истории; при этом и сам автор волевым движением выбора эпиграфа включает себя в определенный литературный контекст. Второй же эпиграф — из Апокалипсиса — не только говорит о масштабности происходящих событий, но и обозначает тоже через весь роман проходящую тему соотношения двух времен, двух историй: российской и всечеловеческой. Эта тема развивается уже в первой фразе романа упоминанием Рождества Христова.

Волошин же в первый год «русской усобицы», по его признанию, читает только газеты и Библию. Через его стихи этих лет (впрочем, начиная еще с «Предвестий» 1905 г.) проходят мотивы Ветхого и Нового Завета. Но он обращается не к Рождеству, а к образам Распятия и Воскресения Христова. «В часы Голгоф трепещет смутный мир» — в этом необычайном и ни у кого не встречавшемся «умножении» образа распятия уже тогда сказался характер осмысления Волошиным событий текущих и предстоявших. В стихотворении «Предвестия» возникает образ разорванной скинии, а на небе появляется символическое видение троящегося багрового солнца: оказавшись 9 января в Петербурге, Волошин наблюдал редкое оптическое явление: в тот день на небе действительно были видны три солнца. Это тоже было прочитано поэтом как предзнаменование будущих катастроф:

В багряных свитках зимнего тумана
Нам солнце гневное являло лик втройне,
И каждый диск сочился, точно рана,
И выступила кровь на снежной пелене²⁴.

Стихотворение «Красная Пасха» (1921), рисующее террор в Крыму, он заканчивает строками, которые потрясают не только самим образом, но и тем, что нам открывается в поэте такой способ мышления, при котором этот образ делается возможным:

---

²⁴ Волошин М. Россия распятая. М., 1992. С. 157. Дальше ссылки на это издание даются в тексте в скобках с обозначением: РР и указанием страницы.

Зима в тот год была Страстной неделей
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.

(РР: 172)

И у Булгакова в «Белой гвардии» зимнее солнце Города является героям кроваво-красным: «Совершенно внезапно лопнул в прорезе между куполами серый фон, и показалось в мутной мгле внезапное солнце. Было оно так велико, как никогда еще никто на Украине не видал, и совершенно красно, как чистая кровь. От шара, с трудом сияющего сквозь завесу облаков, мерно и далеко протянулись полосы запекшейся крови и сукровицы. Солнце окрасило в кровь главный купол Софии...»²⁵.

Мотив Апокалипсиса, завязавшись эпиграфом, проходит через весь роман. Откровение Иоанна Богослова открывает отец Александр и читает строки из него Алексею Турбину. Но ту же книгу читает пациент Турбина, склонный к маниакальности сифилитик, в недавнем прошлом безбожник поэт-футурист Русаков.

И для Булгакова и для Волошина несомненна связь между тем, что происходит на небе и на земле. Вспомним хотя бы еще две сцены из романа: церковный молебен при вступлении в Город Петлюры, — молебен, похожий больше на бесовское действо, — и образ всеночной, которую служат в ночном небе, — финал «Белой гвардии», отсылающий, конечно, к Толстому, у которого всегда образ неба (в том числе звездного) соотносится с тем, что происходит в мире людей. Но в волошинской космогонии даже в еще большей степени, чем у Булгакова, соотносятся «верх» и «низ», небо и земля, и это характерно, кажется, не только для стихов революционных лет, но проявляется особенно отчетливо именно тогда. Почти наугад можно брать примеры в подтверждение этого. В стихотворении «Плавань»: «А здесь безветрие, безмолвие, бездонность... / И небо и вода — две створы / Одной жемчужницы»²⁶. Правда, этой картине противостоит охваченный «красным иступленьем расплесканных знамен» город. Но ненарушенный мир, по Волошину, един, и пространства «верха» и «низа» симметричны. Единство его мышления проявляется и тогда, когда он смотрит на происходящие в современности события. Когда почти одновременно в 1919 году большевистское и белогвардейское информационные агентства издают его «Демонов глухонемых» (и то и другое в целях агитации), Волошин с удовлетворением говорит об этом. Ему, с начала мировой войны отказавшемуся видеть в ком бы то ни было врагов

²⁵ Булгаков М. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1992. С. 391. Дальше ссылки на это издание даются в тексте в скобках с обозначением: Б 1 и указанием страницы.

²⁶ Волошин М. Собр. соч. / Под общ. ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. Т. 1. М., 2003. С. 332. Дальше ссылки на это издание даются в тексте в скобках с обозначением: В 1 и указанием страницы.

(«Я и германской омелы не предал, / Кельтскому дубу не изменил»), тем более претило разделение соотечественников на белых и красных. Происходящее в России он понимает как трагедию. В 1919—1923-х годах Волошин создает цикл «Усобица». В 1923 году Булгаков начинает писать «Белую гвардию».

Как кажется, есть сходство в отношении обоих писателей не только к октябрьской, но и к февральской революции. В отличие от большинства людей своего круга, уже февральскую революцию Волошин не принял и в самом по-видимости мирном течении ее видел залог будущих кровопролитий. У Булгакова в романе красную повязку надевает на рукав только Тальберг, который затем — в помещении цирка (что характерно) — руководит выборами «гетмана всея Украины», после же бежит с немцами. Волошин в статье с символическим названием «Самогон крови» пишет о феврале 1917 года: «Помню, как в те дни, когда праздновалась бескровность русской революции, я говорил своим друзьям:

“Вот признак, что русская революция будет очень кровавой и очень жестокой”» (РР: 102).

Булгаков в романе, показывая «русский бунт», апеллирует не только к Пушкину, но и к Толстому, в высшей степени смело, можно сказать — полемически переосмысляя толстовский образ: «Да-с, смерть не замедлила. Она пошла по осенним, а потом зимним украинским дорогам вместе с сухим веющим снегом. Стала постукивать в перелесках пулеметами. Самое ее не было видно, но, явственно видный, предшествовал ей некий корявый мужичонков гнев. Он бежал по метели и холоду, в дырявых лаптишках, с сеном в непокрытой свалявшейся голове, и выл. В руках он нес великую дубину, без которой не обходится никакое начинание на Руси. Запорхали легонькие красные петушки» (Б 1: 237).

Понятно и отношение обоих писателей к событиям современности. И для Волошина, и для Булгакова нет разделения на белых и красных. И Най-Турс, и вахмистр Жилин в сне Турбина пребывают в раю, но и там, оказывается, приурочено место «для большевиков, с Перекопу которые», — передает Жилин Алексею слова апостола Петра (Б 1: 233). «...все вы у меня, Жилин, одинаковые — в поле брани убиенные», — говорит Жилину сам Господь Бог. «Молюсь за тех и за других», — пишет Волошин.

Есть, кажется, общее и в отношении Булгакова и Волошина к интеллигенции. В лекциях, с которыми поэт выступает в 1918—1919 годах в городах юга России, он говорит об «интеллигентской идеологической шелухе» (РР: 51), о безответственности всего русского общества, в том числе о «государственной беспочвенности русской интеллигенции», которая «не смогла убедить народ в том, что он принимает из рук царского правительства государственное наследство со всеми долгами и историческими обязательствами,

на нем лежащими, — не смогла только потому, что в ней самой это сознание было недостаточно глубоко» (РР: 48). Интеллигенцию, приветствующую революцию, Волошин уподобляет «герою трагедии, который встречает цветами и плясками вестника, несущего ему смертный приговор, принимая его за жданного вестника радости и освобождения» (РР: 118—119); в 1917 году, по словам поэта, «русское общество (интеллигенция) и большинство политических партий <...> радовались симптомам гангрены, считая их предвестниками исцеления» (там же).

Понятно, что Булгаков в 1920-е годы предпочитал не высказываться на подобные темы. Но судя по его роману и рассказам, к нему как бы примыкающим, и его герои, причем мучительно, размышляют об исторической и личной ответственности. «Все мы в крови повинны...» — говорит Елена перед образом Божьей Матери. И тот же мотив — в стихотворении Волошина 1917 году «Трихины», напрямую связанном с Достоевским, которого вспоминают и герои «Белой гвардии». В этом тоже сходятся еще раз два писателя. И, конечно, чувством ответственности продиктованы стихи, заключающие поэму «Россия»: «И чувствую безмерную вину / Всея Руси — пред всеми и пред каждым» (В 1: 380). Настоящими трагическими героями можно назвать Малышева и Най-Турса. В этом булгаковский роман был беспримечен.

Но если Волошин идеями и образами Достоевского поверяет происходящее в современности и видит в ней его сбывшиеся пророчества, то в романе Булгакова «недочитанный Достоевский» вызывает у его героев неодинаковые чувства. «Мужички-богоносцы достоевские! У-у... вашу мать!» — кричит замерзший, измученный Мышлаевский; он же именуется «богоносным хреном» старика, отказавшегося отдать сани «офицерне» (Б 1: 192—193). Но не случайным кажется, что слова о «вере православной, власти самодержавной» как единственно возможном для России пути произносятся в сцене попойки и тем самым безнадежно снижаются в глазах автора. В отличие же от Мышлаевского, Алексей Турбин наяву повторяет слова из «Бесов» («Русскому человеку честь — только лишнее бремя...», Б 1: 217), а во сне гонится с браунингом за мерзким кошмаром, чтобы пристрелить «гадину». Бесы у Булгакова глумятся и сквернословят. Сходный образ у Волошина в стихотворении «Северовосток»: «Расплясались, разгулялись бесы / По России вдоль и поперек» (РР: 176).

Что же касается отношения к большевикам, то и тут можно увидеть общие черты у Булгакова и Волошина. Что новый режим был обоим вполне чужд, известно. Но оба понимают, что это явление долгое и отмахнуться от него нельзя, что, вероятно, у большевизма есть глубокие исторические корни. Это явствует из всего текста «Белой гвардии». Но у Волошина проявляется более отчетливо.

Он выстраивает свою концепцию русской истории, на первый взгляд парадоксальную, и в лекциях и в поэме «Россия». Никто из критиков в 1920-е годы, хотя, как мы видели, писали рядом (почти через запятую) о Булгакове и Волошине, не сопоставил поэму «Россия» с булгаковским романом. Они выходят практически одновременно — в 1925 году. Но и другие волошинские стихи как будто напрашиваются на сопоставление с «Белой гвардией». Кстати говоря, и «Демоны глухонемые» издаются в Харькове в 1919 году и бесплатно распространяются в виде отдельных листков в Добровольческой армии — в то самое время, когда Булгаков мобилизован туда как врач. Конечно, мы не можем ни подтвердить тот факт, что Булгаков читал тогда волошинские стихи, ни опровергнуть его, но поэму «Россия», напечатанную под одной обложкой с «Рокковыми яйцами», он несомненно не мог не прочесть.

Поражают общие с волошинскими образы не только из «Демонов глухонемых», но и из других стихов: прежде всего северный ветер, несущий снег, метель, символизирующий стихию вздыбленной истории. Одно из важнейших, программных стихотворений Волошина так и называется: «Северовосток». (Для обоих писателей, родившихся, к слову, в Киеве, идущий из Москвы ветер воспринимается как северный; для обоих это и символический ветер истории; на Украине расположен романый Город Булгакова, крымские события изображаются в стихах Волошина о Гражданской войне.) Волошин пишет и о параде в честь победы революции весной 1917 года на Красной площади Москвы, где люди в красных кокардах несут транспаранты, на которых написаны «неподобные, нерусские слова» (в статье Волошин расшифровывает эти слова: «Без аннексий и контрибуций»), и не замечают, как здесь же «На паперти слепцы поют / Про смерть, про казнь, про суд» (стихотворение «Москва» — РР: 43). Вид же этих нищих говорит ему о древней российской истории, о том, что нынешние события имеют корнями еще глубокое прошлое России (можно подумать, что так же полагал и Булгаков) «и что это только начало, что русская революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской Земли, нового Смутного времени» (РР: 43). У Булгакова в Городе нищие сидят перед собором и тоже контрастируют с возбужденной сиюминутными событиями толпой, но изображены они гораздо более подробно и далеко не идилично: «Слепцы-лирники тянули за душу отчаянную песню о Страшном суде <...> Страшные, щиплющие сердце звуки плыли с хрустящей земли, гнусаво, пискливо вырываясь из желтозубых бандур с кривыми ручками» (Б 1: 384—385).

Обращает на себя внимание дважды повторенный эпитет «гну-савый», упоминание о денежных бумажках, что бросают певцам в их картузы прохожие. У Булгакова вид этих нищих не менее оттал-

квивающий, они так же страшны, как и все участники молебна. «Калеки, убогие выставляли язвы на посиневших голеньях, трясли головами, якобы в тике и параличе, закатывали белесые глаза, притворяясь слепыми. Изводя душу, убивая сердце, напоминая про нищету, обман, безнадежность, безысходную дичь степей, скрипели, как колеса, стонали, выли в гуще проклятые лиры» (Б 1: 385—386).

Совпадение сцен поражает тем более, что по крайней мере в конце 1925 года Волошин с сожалением признается в том, что так и не читал окончания «Белой гвардии»²⁷. Значит, и финал романа оставался ему неизвестен. Но и для него было характерно задумываться о времени, «когда и тени наших тел и дел не останется на земле» (Б 1: 428). «Как Греция и Генуя прошли, / Так минет все — Европа и Россия» (В 2: 82), — пишет он в стихотворении-кредо «Дом поэта».

И в прижизненной судьбе обоих писателей видятся нам теперь общие черты. «При жизни быть не книгой, а тетрадкой», пережить поношения со стороны критики — Волошин как будто предвидел все это в 1923 году, когда в стихотворении «Доблесть поэта» (кстати, в одном из вариантов оно называлось «Мастер») писал:

Творческий ритм от весла, гребущего против течения,
В смутах усобиц и войн постигать целокупность.
Быть не частью, а всем: не с одной стороны, а с обеих.
<...>
В дни революции быть Человеком, а не Гражданином:
Помнить, что знамена, партии и программы
То же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома.
Быть изгоем при всех царях и народоустройствах:
Совесьть народа — поэт. В государстве нет места поэту.
(РР: 209)

...Волошин добровольно уступил Булгакову первенство в постижении «русской усобицы». Однако сам он изобразил ее «душу» с меньшей художественной силой и осмыслил роль и судьбу творческой личности во все времена. Булгакову же еще предстояло в 1930-е годы создать образы Мольера, Максудова, Мастера.

Список литературы

Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917—1932. СПб; Симферополь, 2007.

Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988.

Поступила в редакцию
10.11.2011

²⁷ «...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы. М., 2007. С. 79.

А.Ю. Сергеева-Клятис, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: annaklatis60@yahoo.com

В. ВЕЙДЛЕ — КРИТИК Б. ПАСТЕРНАКА

Автор исследует эволюцию взглядов крупнейшего критика русского зарубежья В. Вейдле с 1927 по 1961 год по отношению к творчеству Б. Пастернака на фоне полемики В. Ходасевича с М. Цветаевой и Д. Святополк-Мирским.

Ключевые слова: Творчество Пастернака, русское зарубежье, полемика.

Author investigates an evolution of attitude to Pasternak creative works of the first-rate critics in Russian diaspora V. Weidle from 1927 to 1961 against the background of polemics between V. Khodasevich and D. Svyatopolk-Mirsky.

Key words: Pasternak's creative work, Russian diaspora, polemics.

Как известно, отношения Б. Пастернака с русской эмиграцией были сложными и неоднозначными, как многообразны и сложны были его связи с каждым отдельным представителем этого обширного сообщества. И если М. Цветаева писала Пастернаку с неподдельным восхищением: «Вы первый поэт, которого я — за жизнь — вижу»¹, и Д. Святополк-Мирский вторил ей: «...такого поэта, как Вы, у нас в России не было со времени золотого века»², то В. Ходасевич был настроен крайне скептически: «Пастернак сильно раздутое явление, — говорил он, по свидетельству М. Цветаевой, “направо и налево”, — “Между прочим, М.И. сильно преувеличивает Пастернака. Как всё, впрочем”»³. Собственно, имена Цветаевой и Ходасевича и образуют полюса притяжения и отталкивания, между которыми находилась в 1920—1930-х годах репутация Пастернака-поэта в среде русской эмиграции. Цветаева — страстный адепт, Ходасевич — безжалостный критик. История личных взаимоотношений Пастернака с этими двумя крупнейшими поэтами русского зарубежья хорошо известна по мемуарной литературе и работам исследователей⁴. Вполне очевидно, что любовь Цветае-

¹ Письмо М. Цветаевой Б. Пастернаку 10 февраля 1923 // М. Цветаева, Б. Пастернак. Души начинают видеть: Письма 1922—1936 годов. М., 2004. С. 33.

² Письмо Д. Святополка-Мирского Б. Пастернаку 8 января 1927 // От Пушкина к Пастернаку. М., 2006. С. 668—669.

³ Письмо М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку 18 апреля 1926 // М. Цветаева, Б. Пастернак. Души начинают видеть. С. 183.

⁴ Среди них нужно назвать: *Мальстад Дж.Е.* Единство противоположностей: история взаимоотношений Ходасевича и Пастернака; *Пастернак Ел.В.* Постскриптум; *Богомолов Н.А.* Выбор путей // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 51—64.

вой, как и недоброжелательство Ходасевича, были окрашены именно личным отношением к Пастернаку.

Г. Адамович однажды справедливо заметил по этому поводу: «Исключительное внимание, окружающее имя Бориса Пастернака, обыкновенно удивляет людей, которые знают только то, что он пишет, и не знают его самого. <...> Мне вспоминается, что Сологуб долго хмурился и морщился на стихи Пастернака, а проведя в его обществе несколько часов и послушав его чтение, произнес потом слово “волшебно”»⁵. Не знавший Пастернака Адамович, угадал, что сила воздействия его личности на разных людей часто бывала неотразима.

Знакомство с Пастернаком в Москве, с 1922 года продолжавшееся в письмах, без сомнения, оказало свое магическое влияние на М. Цветаеву. Любовь, граничащая с поклонением, которую Цветаева безудержно выражала в своих письмах Пастернаку, не могла не прорываться на страницы ее отзывов о его книгах. Статья «Световой ливень» полна интимных впечатлений, Цветаева и сама этого не скрывает: «О доказуемых сокровищах поэзии Пастернака (ритмах, размерах и пр.) скажут в свое время другие — и наверно не с меньшей затронутостью, чем я — о сокровищах недоказуемых. Это дело специалистов поэзии. Моя же специальность — Жизнь»⁶. Цветаева, кажется, сама понимает необходимость критики иного рода — профессиональной. Первым и главным претендентом на роль «специалиста поэзии» и выразителем позиции, во многом сходной с цветаевской, становится Д.П. Святополк-Мирский. Несмотря на личную ревность к Пастернаку («Пересылаю тебе письмо Мирского, которому не давала твоего адреса и которому умоляю его не давать <...> Он твоего адреса (личного) домогается с такой страстью, что дать нельзя никак. Кроме того: Волхонка, д. № 14, кв. 9 — моя, не делюсь»⁷), Цветаева делится с Мирским пастернаковским творчеством, ему первому читает присланные ей автором главы «Лейтенанта Шмидта», ждет его откликов. В зарубежной печати именно Мирский становится — еще до эпистолярного знакомства с Пастернаком — его горячим защитником. В своих статьях о творчестве Пастернака Мирский фактически высказывает, с более отчетливой аргументацией и более основательными аллюзиями, те же мысли, которые неизменно звучат в письмах и очерках Цветаевой. Эмоциональная сила поэзии Пастернака; его органичная метафоричность, проистекающая из новизны взгляда на мир; предметность и овеществленность как основа

---

⁵ Адамович Г. «Повесть» Пастернака // Последние новости. 1929. 26 сентября. № 3109. С. 2.

⁶ Цветаева М.И. Световой ливень // Эпопея. 1922. № 3. С. 13.

⁷ Письмо М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку 12 января 1927 // М. Цветаева, Б. Пастернак. Души начинают видеть. С. 280—281.

поэтики; естественная и преодолимая сложность стиха и, наконец, первенство Пастернака среди живущих поэтов — вот те пункты концепции Мирского, которые он отстаивает в своих публикациях.

Так, о стихотворении «Сестра моя — жизнь» Святополк-Мирский пишет: «В Пастернаке читателя особенно поражают две вещи: огромный напор поэтической страстности, которая заставляет сравнивать его с Лермонтовым, и необычайная аналитическая острота видения, соединенная с сознательной новизной выражения. Пейзажи и натюрморты Пастернака являются, быть может, главными его открытиями. Они создают у читателя впечатление, что он в первый раз видит мир...» [Святополк-Мирский, 2006, с. 776; S.-Mirsky, 1926]. Отвечая на обвинения Пастернака в излишней усложненности поэзии и темноте метафорического ряда, Мирский высказывается апологетически: «Очевидно, стоит трудиться, чтобы понять. Не мы нужны поэтам, а они нам. Я допускаю, что многими Пастернак и Марина Цветаева не сразу воспринимаются, но ведь мне надо сделать усилие и для того, чтобы попасть из дома в Британский Музей. Однако Музей мне нужен, а не я ему, и поэтому я иду в него, а не жду, пока он ко мне прикотится»⁸.

На оппозиционном полюсе тем временем сформировалась противоположная концепция, которая развивалась тем эффективнее, чем больше возрастало идеологическое противоречие между Святополком-Мирским и Ходасевичем. Надо заметить, что несмотря на личное, еще российское, знакомство с Пастернаком, продолженное в Берлине (а возможно, и вследствие этого знакомства), Ходасевич не только остался к нему холоден, но довольно быстро стал проявлять враждебность. В цитированном выше письме Пастернаку Цветаева писала: «Он (Ходасевич) тебя не любил и не любит и — главное — любить не может...»⁹.

В Берлине 1922—1923 годов, где Пастернак получил возможность ненадолго войти в литературную жизнь русской эмиграции, отношения между ним и Ходасевичем почти мгновенно приняли неприятный оборот. Сергею Боброву, жалуясь на растущее непонимание Ходасевича, Пастернак писал: «Ходасевич, спервоначала подарив меня проницательностью “равного”, вдруг по прочтении Колина отзыва в “Нови”¹⁰, стал непроницаемой для меня стеной с той самой минуты, как на вопрос об Асееве я ему ответил в том единственном духе, в каком я и ты привыкли говорить об этом

---

⁸ *Святополк-Мирский Д.* О консерватизме: Диалог // Благонамеренный. 1926. № 2. С. 92.

⁹ Письмо М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку 18 апреля 1926 // М. Цветаева, Б. Пастернак. Души начинают видеть. С. 183

¹⁰ Не совсем благожелательная рецензия Н.Н. Асеева на «Счастливый домик» В.Ф. Ходасевича была напечатана в журнале «Красная новь» (1922. № 4).

поэте»¹¹. Слова о том, что Белый, Ходасевич и Горький «трудились» над «Темами и вариациями» и отступили перед абсолютной их непонятностью»¹², Пастернак подчеркивает с особенной горечью, поскольку именно «Темы и вариации», волею судеб впервые увидевшие свет в Берлине¹³, представлялись ему наиболее доступной из всех его поэтических книг. Тому же Боброву он признавался неделей раньше: «Лично я книжки не люблю, ее кажется доехало стремленье к понятности»¹⁴.

Вновь вспоминая берлинскую ситуацию и отношение к нему Ходасевича, Пастернак в конце 1920-х годов подводил печальные итоги. Расхождения оказались настолько чувствительными, что приходилось признать их фатальность. В ноябре 1929 года Пастернак писал В.С. Познеру: «Ходасевичево “но” в отношении меня разрослось в оговорку, ничего от меня не оставляющую. *Этого романа не поправить*»¹⁵.

Действительно, это «но» постепенно, но неуклонно набирало силу.

В своих «заметках» о поэме Цветаевой «Молодец» Ходасевич еще оправдывал заумников и футуристов, к которым относил и Пастернака, говоря, что они «в значительной мере правы, когда провозглашают самодовлеющую ценность словесного и звукового материала»¹⁶. В программной статье «Там или здесь?»¹⁷ он называл Пастернака в одном ряду с Клюевым, Есениным, Мандельштамом, Замятиным — писателями, которые «составляют тамошнюю литературу», но «рождены не советской эпохой»: «Каждый из них, как художник, продолжает свою линию, не при большевиках начатую и определившуюся»¹⁸.

Но уже через несколько месяцев в заметках о поэтическом конкурсе газеты «Звено» он начал менять тональность. Обвиняя стихотворение выигравшего конкурс Д. Г. Резникова «О любви» в перегруженности «метафорами и аллегориями, не сведенными ни к какому логическому единству», Ходасевич вынес приговор: сти-

---

¹¹ Письмо от 17 января 1923 года // Борис Пастернак и Сергей Бобров: Письма четырех десятилетий. Публикация М.А. Рашковской. Stanford, 1996. С. 132.

¹² Там же.

¹³ Книга «Темы и вариации» были изданы в 1923 году в Берлине издательством Гржебина.

¹⁴ Письмо от 9 января 1923 года // Борис Пастернак и Сергей Бобров: письма четырех десятилетий. С. 128.

¹⁵ Письмо В.С. Познеру (№ 514) // Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 8. М., 2005. С. 361.

¹⁶ Последние новости. 1925. 11 июня. № 1573.

¹⁷ См. в ответе Ходасевича на анкету о литературе в эмиграции и в Советской России в журнале «Своими путями» (1926. № 10—11): «Относительно литературы в России и в эмиграции могу лишь повторить вкратце то, что писал месяцев пять тому назад в одной из своих статей (газ. “Дни”)».

¹⁸ Ходасевич В. Там или здесь? // Дни. 1925. 18 сентября. № 804.

хотворение «восходит к наименее удачным вещам Марины Цветаевой, и, следовательно, к Пастернаку»¹⁹. А вскоре он возвратился к берлинскому контексту 1923 года, воспроизведя старую формулу, озвученную самим Пастернаком в приведенном выше письме Боброву: «Однажды мы с Андреем Белым часа три *трудились* (курсив мой. — А.С.-К.) над Пастернаком и весело смеялись, когда после многих усилий вскрывали под бесчисленными капустными одежками пастернаковских метафор и метонимий — крошечную кочержку смысла»²⁰. Начиная с этой оговорки Ходасевич занимает радикально негативную позицию по отношению к творчеству Пастернака. В своей рецензии 1928 года на книгу Цветаевой «После России» Ходасевич допускает следующее высказывание: «Читая Пастернака, за него по-человечески радуешься: слава Богу, что все это так темно: если словесный туман Пастернака развеять — станет видно, что за туманом ничего или никого нет»²¹.

Высказывания Ходасевича разных лет о разных произведениях Пастернака дают полное представление о резкости и непримиримости его суждений: «обычное нагромождение устрашающих метафор, бессмыслие отдельных строф и бессмыслие вещи в целом»²², «в настоящее время “ученики и последователи” Пастернака уже пишут гораздо лучше его самого, более блестяще, остроумно и вразумительно»²³, «есть несколько случайно удачных строк, но в целом это просто безмерно скучно, с потугами на глубокомыслие»²⁴, «покуда не перекрестимся, нам все будет казаться, что Пастернак что-то такое великое видит и знает»²⁵, «стихи его мало отличаются от прежних, что касается переводов, они косноязычны и очень однообразны»²⁶.

Однако окрашенная личным отношением критика Ходасевича нуждалась в поддержке специалиста, человека, лично не связанного с Пастернаком враждой, обидами, ревностью, в чем Ходасевича могли легко заподозрить. «Его нелюбовь к тебе — самозащита, — писала Пастернаку Цветаева. — Цену тебе <...> он знает»²⁷. Профессиональный критик-филолог мог высказаться гораздо более аргументированно и менее эмоционально, что придало бы, несомненно, больший вес всей концепции. Ходасевичу было на кого

---

¹⁹ Дни. 1926. 14 марта. № 954.

²⁰ Дни. 1926. 13 июня.

²¹ Возрождение. 1928. 19 июня.

²² Там же. 1927. 31 марта.

²³ Там же. 5 мая.

²⁴ Там же. 1928. 1 марта.

²⁵ Там же. 1927. 11 апреля.

²⁶ Там же. 1928. 28 декабря.

²⁷ Письмо М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку 18 апреля 1926 // М. Цветаева, Б. Пастернак. Души начинают видеть. С.183.

опереться — плечо ему подставил В. Вейдле, давний и преданный друг. «Полной объективности, что и говорить, в области оценок быть не может; но полная субъективность, даже и в этой области, может и должна быть преодолена. Может и должна»²⁸, — писал В. Вейдле в своих поздних заметках о Ходасевиче. Его статья «Стихи и проза Пастернака», появившаяся в № 36 «Современных записок» за 1928 год, была, с одной стороны, попыткой такого объективного подхода, с другой — несомненным продолжением линии Ходасевича, а именно его нескрываемого презрения к экспериментаторству, метафоричности, усложненности пастернаковской поэзии.

Статья была формально посвящена вышедшей осенью 1927 года в Госиздате книге «905-й год», включавшей две революционные поэмы: «905-й год» и «Лейтенант Шмидт», однако затрагивала она и все предшествующее творчество Пастернака, как и обозначено в ее названии — поэзию («Сестра моя жизнь» и «Темы и вариации») и прозу («Детство Люверс» и «Воздушные пути»). И затрагивала весьма нелестно. С самого начала Вейдле дал убийственную характеристику поэту, основываясь на тезисе о его экспериментаторстве, — «взбунтовавшийся ремесленник». Обозначая начало пути Пастернака, автор определял футуризм как течение которое вознамерилось оторвать форму от содержания. Футуристы, по мнению критика, «потеряли форму, как раз потому что пожелали вытряхнуть из нея смысл и, вознамерившись превратить слово в звук, лишились самого слова»²⁹. Надо заметить, что упрек в приверженности футуризму был первым звеном выстроенной Ходасевичем антипастернаковской модели. Именно из футуризма выводилась излишняя приверженность поэта к стиховому и словесному фиглярству, затемняющему смысл.

Пастернаку, пишет Вейдле, от рождения было дано «особое ощущение слова, особые приемы словосочетания, особое умение сталкивать звук и смысл. Пастернак и стал бы большим поэтом, если бы сумел оправдать эти свои дары, если бы ему было чем наполнить, напитать словесную ткань, по-новому им сотканную»³⁰. Пастернак не подражал футуристам в их крайних опытах — в стремлении обесмыслить слово и сделать поэзию «простою как мычание». В его стихах слово — это всегда и звук, и смысл. «Но в игре этим значением и звучанием отдельных слов зато и заключается для него *все* поэтическое искусство»³¹. Погоня за ассоциа-

²⁸ Вейдле В.В. Ходасевич издали и вблизи // Новый журнал. 1961. № 66. С. 125.

²⁹ Вейдле В.В. Стихи и проза Пастернака // Современные записки. 1928. № 36. С. 460.

³⁰ Там же. С. 461.

³¹ Там же.

циями, техникой стиха, отсутствие единства — все это вредит общему замыслу. «Слишком скудно то, **что** Пастернак хочет и может сказать для того <...> **как** он это говорит...»³² (вспоминается «кочерыжка смысла», которую с немислимым трудом нашли в «Темах и вариациях» Ходасевич и Белый).

Помимо бедности и безликости содержания, Вейдле отмечает многочисленные примеры некорректного словоупотребления, неправильных ударений, неверных сокращений окончаний. Обвинения в дурном знании русского языка Пастернак выслушивал с самой юности, в том числе от людей, мнением которых дорожил. Известен эпизод с вызовом на дуэль Юлиана Анисимова, употребившего в отношении Пастернака выражение «аптекарский диалект»³³. Вне всякого антисемитского контекста Вейдле неожиданно совпадает с Анисимовым: «Ему (Пастернаку. — А.С.-К.) важно одно: соединить какими угодно средствами на возможно меньшем пространстве возможно большее количество разноплеменных, разнородных, разнорожденных слов. Стихотворчество для него прежде всего — смешение языков, столпотворение вавилонское»³⁴. Самое лучшее, что есть в поэзии и прозе Пастернака, по мнению Вейдле, — это изображение вещного мира (тут Вейдле почти согласен со своими оппонентами). «Только вполне предавшись вещам, Пастернак находит для них в хаосе своего словесного запаса те самые обозначения, которые необходимы... Удаляясь от этого единственного подлинного для него пути, он теряет все...»³⁵. А поскольку Пастернак умеет только *показывать* мир, то неудивительно, что у него слабы все попытки замысла, построения, единства. Так, «Высокая болезнь» должна была стать поэмой о революции и о поэте, но с самого начала распалась на куски, которые невозможно склеить воедино. Поэма «Лейтенант Шмидт» «с величайшим усердием втиснута в хронологическую рамку, но рамка эта так и не в состоянии сделаться ничем, кроме голого перечня последовавших одно за другим событий»³⁶. Кроме того, «езде нагромождение выисканных созвучий, побрякушек, рифм, а в лучшем случае выпуклость деталей, засыпает и придавливает целое. Везде дикое мясо слов обрастает и делает едва различимым тощий костяк мысли»³⁷.

Единственную надежду на «освобождение и выход» для Пастернака Вейдле видит в поэме «905-й год», в которой «можно найти

---

³² Там же.

³³ «Лингвистическая» дуэль: Борис Пастернак — Юлиан Анисимов // Кобринский А.А. Дуэльные истории Серебряного века: поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007. С. 313.

³⁴ Там же. С. 463.

³⁵ Там же. С. 467.

³⁶ Там же. С. 468.

³⁷ Там же.

лучшие стихи из всех, когда-либо написанных Пастернаком»³⁸, поскольку в них содержится хоть и элементарная, основанная на воспоминании, но все-таки способная к развитию лирическая тема. «...В этом личном, субъективном переживании и появляется то ощущение истории, которое совершенно отсутствует в “Лейтенанте Шмидте”»³⁹. Общий вывод Вейдле относительно Пастернака, несколько смягченный оценкой поэмы «905-й год», все же неутешителен: «Судьбе его мы не можем придавать слишком большого сверхличного значения; да и самая судьба эта еще темна»⁴⁰.

Ни М. Цветаевой, ни кн. Святополку-Мирскому, ни В. Ходасевичу не суждено было заглянуть в то будущее, о котором писали они сами в связи с поэтической судьбой Пастернака и о котором упоминал в финале своей статьи В. Вейдле. Он был единственным, кто дожил до будущего и заново оценил значение Пастернака. В 1961 году, через год после смерти поэта, Вейдле опубликовал в журнале «Мосты» статью «Пастернак и модернизм», в которой ретроспективно взглянул на творчество Пастернака: «...поэта нет более в живых; дело его завершено; отныне никакой части написанного им нельзя справедливо оценить вне мысли о целом, которое любую из этих частей оправдывает и осмысляет»⁴¹. Вейдле обращается к их общему с Ходасевичем взгляду на излишнюю метафорическую насыщенность поэзии Пастернака, затемняющую ее смысл, но теперь выводы исследователя звучат совершенно иначе: «Выкрутасов и побрякушек (это цитата из “Автобиографического очерка” Пастернака. — А.С.-К.) и в самом деле немало в ранних, да и не столь уж ранних, стихах Пастернака, но побрякушками они не увешаны извне, и выкрутасы неразрывно связаны с их сутью. С самого начала ему было дано очень живое и острое чувство — не слова, а скорее слов: их шершавой, скользкой или бархатистой плоти, их вещного, т.е. относящегося к непосредственному восприятию вещей, смысла»⁴². Традиционное обвинение в приверженности Пастернака футуризму и следованиям его установкам снимается полностью, для критика становится очевидной разность путей, которыми шел Пастернак и которыми двигалась вперед современная ему поэзия. Влияние же модернизма на своеобычный и оригинальный дар Пастернака Вейдле теперь считает вполне продуктивным: «Пастернак, по своей природе, модернистом не был (как не был модернистом по природе ни Малларме, ни Валери, ни какой бы то ни было подлинный поэт), но он примыкал к модернизму,

---

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 469.

⁴⁰ Там же. С. 470.

⁴¹ Вейдле В.В. Пастернак и модернизм // Мосты. 1961. № 6. С. 120.

⁴² Там же. С. 121.

рос в его окружении и — как раз по характеру своего поэтического дара — легко за модерниста мог сойти. Слова толпились у его дверей, врывались к нему гурьбой, навстречу каждому лирическому порыву, и если не всегда охотно, лишь после некоторого насилия над их смыслом, укладывались в стих, то словесный узор становился от этого особенно прихотлив и необычен»⁴³.

Вейдле без оговорок признает прежде всего лирическую силу высказываний Пастернака, а не только характерную для него «врожденную зоркость», предметную и жизненную наблюдательность и полностью оправдывает сложность замысла и структуры его произведений: «Во всей поэзии Пастернака, во всем его творчестве, вплоть до начала работы над этим романом (“Доктор Живаго”. — А.С.-К.), идет вообще борьба не только между словом и словами, между дисциплиной замысла, темы, высказываемой мысли и беспорядочным, бурным рождением все новых образов, все новых и по-новому звучащих слов, но еще и между врожденным лирическим порывом и столь же врожденной зоркостью ко всему внешнему и чужому»⁴⁴.

Зададимся вопросом, можно ли считать позднюю статью В. Вейдле декларацией его размежевания с точкой зрения покойного, но по-прежнему значимого для него Ходасевича? Вероятнее всего, на этот вопрос нужно ответить отрицательно, прежде всего принимая в расчет изменившееся с начала 1930-х годов мнение самого Ходасевича о Пастернаке. Речь шла, правда, не о признании поэтической индивидуальности, но во всяком случае о признании за Пастернаком человеческого достоинства и понимании его поведенческой линии, отдельной от магистрального пути советской литературы⁴⁵. Исчезли из статей Ходасевича и резкие выпады в адрес пастернаковской поэтики. Дж. Малмстад вполне убедительно высказывает предположение о неосуществившемся из-за ранней смерти Ходасевича сближении с Пастернаком: «Какая же горькая ирония судьбы в том, что Ходасевичу, старше Пастернака всего на четыре года, не довелось увидеть сдержанной простоты сборника “На ранних поездках” (1943) и поздней лирики “антагониста”, на склоне лет смотревшего на свою раннюю поэзию, по существу, глазами Ходасевича. Творчество зрелого Пастернака развивалось в направлении, которое, я уверен, Ходасевич безоговорочно бы одобрил»⁴⁶.

Вейдле, теперь уже в одиночестве пристально следивший за творчеством зрелого Пастернака, шел по тому же пути. Постепенно

⁴³ Там же. С. 129—130.

⁴⁴ Там же. С. 124—125.

⁴⁵ *Ходасевич В.* Съезд советских писателей // Возрождение. 1934. 13 сентября; Ходасевич В. Орденосцы // Возрождение. 17 февраля. 1939.

⁴⁶ *Мальмстад Дж.Е.* Единство противоположностей // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 59.

в его восприятии исчез качественный разрыв между поэтическими системами Пастернака и Ходасевича, который он отмечал в конце 1920-х годов. В статье 1928 года Вейдле писал, противопоставляя «большого поэта» Ходасевича «фокуснику» Пастернаку: «Забудут многое. Но будут помнить, как неслыханное чудо, что Россия, в такую эпоху ее истории, имела не только чревовещателей, фокусников и пионеров, не одних стихотворцев и литераторов, но и поэта, в котором она жила и в котором мы жили с нею»⁴⁷. В 1961-м Вейдле повернет эту максиму в личный план: «Поэзия Ходасевича была последней по времени на русском языке, что дала мне эту близость к существу поэзии». Но рядом с этим признанием он поместит второе: «В недавнее время читал и перечитывал я с полным согласием, с полным участием стихи последних лет Пастернака...»⁴⁸. Alter ego Ходасевича в его литературной борьбе 1920-х годов, подтвердивший все догадки поэта специалист-филолог, В. Вейдле с течением времени признал несостоятельность главного противопоставления эпохи. До конца верный своему долгу перед Ходасевичем, Вейдле за него и вместо него сделал те выводы, которые, по его ощущению, и сам Ходасевич не мог бы не сделать, окажись он читателем поздних стихов и прозы Пастернака.

Список литературы

Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск, 2006.

S.-Mirsky D. Contemporary Russian Literature. L., 1926.

Поступила в редакцию
10.11.2011

---

⁴⁷ Вейдле В.В. Поэзия Ходасевича // Современные записки. 1928. № 34. С. 469.

⁴⁸ Вейдле В.В. Ходасевич издали и вблизи // Новый журнал. 1961. № 66. С. 127.

РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

М.Г. Шилина, кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры рекламы и связей с общественностью факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: 2008mgs@mail.ru

КОРПОРАТИВНАЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ В СИСТЕМЕ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Корпоративный сайт с точки зрения связей с общественностью (СО) — наиболее полифункциональный ресурс, система, технология организации, трансляции, управления корпоративной коммуникацией в Сети в условиях прямого взаимодействия с аудиторией. Автор исследует характеристики корпоративного сайта с учетом формирования веб 2.0 и предприятий 2.0, описывает генезис, вводит типологию. Впервые в отечественной научной литературе системно исследуется внутренняя корпоративная сеть — интранет. В статье выявлено три этапа функционирования интранета: информационный, коммуникационный, интегральный и описана прогностическая матрица новейшего — коллаборативного этапа.

Ключевые слова: веб 2.0, экономика 2.0, корпорация 2.0, корпоративная интернет-коммуникация, конвергенция, связи с общественностью в Интернете, сайт, мобильная версия, интранет, интранет-блог, корпоративная социальная сеть, коллаборативная модель интранета.

Corporate website is the multifunctional PR-resource of direct interaction with the audience. The author examines the characteristics of a corporate site, taking into account the formation of Web 2.0 and enterprise 2.0, describes its genesis and introduces a typology. The article also presents the first study of internal corporate website, including the identification of three models of intranet (informational, communicational, integrated), and it is described the latest predictive matrix — collaborative one.

Key words: Web 2.0, economics 2.0, enterprise 2.0, corporate online communication, convergence, Public Relations, Internet, website, mobile version, Intranet, Intranet blog, corporate social network, Intranet collaborative model.

(окончание, начало в предыдущем номере)

Сайт в системе корпоративной интернет-коммуникации

В инструментарии современных корпоративных связей с общественностью (СО) наиболее часто используемым и полифункциональным интернет-ресурсом является сайт (от англ. website: web — паутина, сеть и site — место, букв. место, сегмент, часть), обладающий максимальным спектром технических возможностей презентации всех аспектов деятельности компании.

Сайт, как и вся Сеть, функционирует на программном, аппаратном, пользовательском уровнях; технологически состоит из ад-

министративной и пользовательской частей с гибким доступом прав. В данной статье исследуются возможности пользовательской — коммуникационной — части сайта для связей с общественностью.

Определим: сайт — это совокупность электронных документов (страниц, файлов) некоего актора (частного лица, вымышленного персонажа, организации и т.д.) в Интернете, находящихся по одному адресу (под определенным доменным именем¹ или IP-адресом²).

Корпоративный сайт есть систематизированная и определенным образом структурированная совокупность документов, представляющих информацию о компании в Интернете; с точки зрения связей с общественностью — ресурс, система, технология организации, трансляции управления корпоративной коммуникацией в Сети в условиях прямого взаимодействия с аудиторией.

Первый сайт (info.cern.ch) был создан автором идеи Всемирной паутины Тимом Бернерсом-Ли в 1990 году³, в России первый сайт в зоне .ru (www.1-9-9-4.ru) появился в 1994 году.

Сайты в российском сегменте Интернета — Рунете⁴ — стали создаваться государственными научно-исследовательскими структурами, а затем частными компаниями в 1994—1996 годах. Генезис данного явления определяют значимые моменты эволюции технологий и, как следствие, коммуникационных возможностей формирования корпоративного информационного поля в Интернете. Предложим следующую периодизацию с учетом использования сайта в корпоративных связях с общественностью. Первый период развития сайтов знаменовался разработкой статичных проектов с одной заставочной страницей (1996—1998); в конце 1990-х годов появились корпоративные ресурсы, обладавшие системами управления контентом, сайты стали динамическими (второй период — 1999—2000); на рубеже веков корпорации начали формировать ин-

---

¹ Доменное имя — символическое имя, служащее для идентификации единиц административной автономии в Интернете в составе вышестоящей по иерархии такой же области (которая называется доменом).

² IP-адрес (от англ. Internet Protocol Address) — уникальный сетевой адрес узла в компьютерной сети, построенной по протоколу IP.

³ На сайте были опубликованы описание технологии World Wide Web, основанной на протоколе передачи данных HTTP, системе адресации URL и языке гипертекстовой разметки HTML. Сайт стал и первым в мире интернет-каталогом, поскольку на нем разместили список ссылок на другие сайты.

⁴ Рунет (ru — код России, русского языка или имени домена и net — сеть) — часть Интернета. Термин не имеет однозначного толкования: это — русский Интернет (русскоязычные сайты во всех доменах Интернета); серверы в доменах rf, su, ru, am, az, by, ge, kg, kz, md, ua, укр, uz; российская часть Интернета, Интернет в домене .ru. Название «Рунет» (1997), составленное из доменного имени .ru и постфикса net (англ. сеть), начали употреблять в конце 1990-х годов, автором является Раффи Асланбеков. В 2001 году появилась первая официальная трактовка: «Рунет, -а (русский Интернет)» (Орфографический словарь РАН / Под ред. В.В. Лопатина. Электронный ресурс. Режим доступа: www.gramota.ru/slovari/info/lop/).

формационную среду, создавая сайты не только для внешних, но и для смешанных аудиторий (третий период — 2000—2005); появление интерактивных возможностей веб-версии 2.0 послужило отправной точкой создания ресурсов, которые стали функционировать с учетом интересов пользователя, ориентироваться на целевые аудитории, наряду с внешними и смешанными сайтами начинают создаваться интранет-системы, то есть фактически начинает формироваться единое информационно-коммуникационное поле корпорации в Интернете (четвертый период — 2005—2007). Пятый период (2007—2010) развития информационных ресурсов корпорации отмечен все большей конвергенцией технических (с различными платформами) и контентных (СО, реклама, журналистика), мультимедийных, коммуникационных возможностей, усилением мобилизации доступа, однако влияние системного экономического кризиса не могло не сказаться на качестве и количестве реализуемых проектов.

Тем не менее сегодня практически все значимые корпорации имеют собственные сайты. В 2011 г. отечественные эксперты отмечают активизацию развития связей с общественностью в Сети — свыше 10% — в связи с увеличением количества проектов, расширением инструментария СО, и, конечно, с развитием технологий⁵. Одним из важных направлений развития интернет-сайтов корпораций — в связи с расширением мобилизации доступа — должно стать развитие мобильных версий корпоративных сайтов для телефонов и коммуникаторов⁶ или принципиально новых форматов, создаваемых исключительно для просмотра в мобильных коммуникационных устройствах.

Все разновидности сайтов, которые функционируют в настоящий момент, с точки зрения аппаратного и программного обеспечения, сходны как каналы соединения, передачи, хранения информации, доступа к ней; принципиальные различия существуют на коммуникационном уровне.

Различия продиктованы целями и стратегиями создателей сайтов, в данном случае, корпораций. Цели сайта корпорации и, соот-

---

⁵ Материалы конференции “Digital Brand”, 7—8 июня 2011. www.digital-branding.ru

⁶ Мобильный сайт — сайт, созданный для просмотра на мобильных устройствах, телефонах и компьютерах. ПДА-сайт — сайт, адаптированный под устройства PDA (англ. personal digital assistant — личный цифровой помощник), т.е. карманный персональный компьютер. WAP-версия (англ. wireless access protocol — протокол беспроводного доступа) — технический стандарт, описывающий способ, с помощью которого информация из Интернета передается на дисплей мобильного телефона., чаще всего на языке разметки документов для мобильных устройств WML (англ. wireless markup language — язык беспроводной разметки). Сегодня более современным является язык XHTML (англ. extensible hypertext markup language — расширяемый язык разметки гипертекста). Интернет становится единым для всех типов устройств.

ветственно, задачи, контент, архитектура и т.д. различаются прежде всего для конкретных целевых аудиторий — внутренних, внешних, смешанных.

Автор предлагает базовую классификацию сайтов по ориентации на целевые аудитории: внутренние: интранет-системы, рассчитанные на сотрудников компании; внешние: интернет-сайты, открытые для любых аудиторий, включая внутренние аудитории и широкую общественность; смешанные: экстранет-системы, рассчитанные на аудитории внутренние — персонал (центрального офиса, филиалов) и внешние — в первую очередь, партнеров, клиентов и общественность.

Формы корпоративной коммуникации в формате блогов, подкастов, видкастов являются развитием классической формы корпоративных экстранет-сайтов страничного формата и отражают тенденцию все большей персонализации коммуникации, в том числе корпоративной.

Стратегии, цели, задачи в различных целевых аудиториях корпорации и определяют дальнейшую их классификацию, которая различается принципиально для интранета и интернет-сайтов, которые в данном исследовании рассматриваются отдельно.

Новизна практик данного вида ресурсов обуславливает достаточное количество проблем реализации корпоративной коммуникации, внутренних и внешних, технологических и коммуникационных. Отметим наиболее существенные внутренние причины: коммуникационные — руководство в большинстве случаев не заинтересовано в прозрачной интерактивной гетерархической интернет-коммуникации, службы связей с общественностью корпорации не в состоянии стратегически руководить коммуникацией в Сети; технологические — несмотря на невысокую стоимость создания и значительные креативные возможности, интернет-проекты реализуются на крайне низком уровне ввиду нечеткости формулировок заказчиком и отсутствия понимания целей и задач сайта.

Среди внешних технологических причин основные — неширокое распространение Рунета и отсутствие существенных по численности корпоративных целевых аудиторий. Внешние коммуникационные причины невысокого уровня развития корпоративных СО в Рунете таковы: бизнес не особенно заинтересован в прозрачности корпоративной информации, развитие международных проектов российских компаний имеет гипотетические перспективы, преобладание краткосрочных интегрированных маркетинговых стратегий в бизнесе обуславливает инструментальный подход к корпоративной интернет-коммуникации, отсутствуют позитивные структурированные практики, нет четкой теории и методологии связей с общественностью в Интернете и т.д. В итоге сайты в боль-

шинстве своем используются для информирования, как маркетинговые площадки, а не для равноправной коммуникации.

Таким образом, основной блок проблем, определяющих недостаточное развитие корпоративных ресурсов Рунета, связан с экономическими и институциональными вопросами, корпоративным СО в Интернете отведена маркетинговая функция, что характерно для развивающихся индустрий.

Инtranет в коммуникационных проектах корпорации

В современной корпоративной коммуникации возрастает роль внутренней сети — интранета (англ. intranet — дословно: «внутренняя сеть»), поскольку кадры, внутренняя общественность в любых типах и моделях бизнеса, и тем более условиях экономики 2.0⁷ являются существенным активом компании, именно благодаря человеку, его знаниям, а также сплоченности коллектива как единой команды создаются конкурентные преимущества компании, реализуются ее бизнес-стратегии.

Интранет⁸ — внутренняя корпоративная информационная среда/система/площадка, построенная на основе сетевых компьютерных технологий, специально разработанная для работы с информацией и управления ею, предназначенная для обеспечения доступа персонала к корпоративным информационным ресурсам,

Технологии появились в 1990-е годы, интранет начинался как страница с информацией о компании, внутрикорпоративный форум, файловохранилище⁹. Специалист по интранету Дион Хинкклифф (Dion Hinchcliffe) разделяет историю внутренних порталов западных корпораций на три периода¹⁰, что обусловлено развитием веб и корпоративной культуры: в 1990-е порталы служили для того, чтобы «спускать» сверху вниз информацию от руководства к сотрудникам; в 2000-е сотрудники начали использовать порталы для

---

⁷ Экономика 2.0, или викиномика (англ. wkinomics — wiki — «быстрый» (с гавайского) и ecomomics — «экономика»), т.е. применение в экономике технологий веб 2.0 для оптимизации бизнес-процессов благодаря взаимодействию людей с помощью так называемых социальных медиа. Термин введен в 2007 году Д. Тапскоттом и Э.Д. Уильямсом.

⁸ С технической точки зрения интранет — это внутренний корпоративный веб-портал, который должен решать внутрикорпоративные задачи по систематизации, хранению, обработке внутрикорпоративной информации. Интранет-сайт доступен только в локальной сети компании, включая удаленные филиалы. При построении корпоративной информационной сети возможен удаленный доступ — подключение к локальной сети компании, где бы ни находились сотрудники. Доступ осуществляется через веб-браузер, т.е. прост для пользователей с любым уровнем подготовки.

⁹ По данным www.blogs.zdnet.com/Hinchcliffe&LiveBusiness.ru

¹⁰ Там же.

получения ответов на свои вопросы; в 2010-е сотрудники сами стали наполнять порталы, используя коллективное взаимодействие.

Рынок интранет-систем рос стремительно: в 2000 году на 123% (по сравнению с 1999 г.) и достиг 700 млн долл., в 2006 году — 2 млрд¹¹.

В настоящее время количество интранет-ресурсов российских компаний увеличивается, программным обеспечением интранет только одной из ведущих компаний-разработчиков РБК Софт пользуются сотни крупнейших отечественных компаний¹². Проводятся конференции и международные форумы, один из наиболее известных — Corporate Intranet (проводится с 2005 года).

Однако на развитие внутренних сетей в российских компаниях еще действуют ограничивающие факторы: отсутствие понимания стандартов эффективного ведения бизнеса, доступность интранет-технологий, отсутствие развитого рынка интранет-услуг в регионах, отсутствие структурированной информации о возможностях внутренней сети как инструмента бизнеса и СО.

Перспективы развития интранет-решений в российских компаниях обусловлены тем, что с развитием цивилизованного бизнеса, включения России в глобальное экономическое пространство требования к открытости корпоративной информации возрастают (однако обостряются традиционные проблемы непрозрачного бизнеса, в частности потери возможности контролировать коммуникационное пространство, например, инвесторами, владельцами, управляемости компании при растущей самостоятельности сотрудников).

В чем преимущества интранет-систем? Технические преимущества интранета как внутрикорпоративной системы взаимодействия и управления коммуникациями на горизонтальных и вертикальных уровнях: простота получения информации; быстрый, прозрачный, безопасный доступ к общей базе данных; единая точка доступа к корпоративной информации внутри и вне компании; единый способ обработки, хранения, доступа к информации; единая унифицированная среда работы; единый формат документов; автоматическая обработка данных почты, протоколов действий сотрудников, документооборота. При этом все документы могут составляться в динамическом режиме¹³.

Коммуникационные преимущества внутренних сетей были ранжированы следующим образом по итогам исследования, про-

---

¹¹ См.: *Надеин А., Кузнецов В.* Корпоративные Интранет-порталы. <http://www.e-commerce.ru/cgi/print.asp/>

¹² www.rbc-soft.ru

¹³ *Трофимов С.* Intranet — инструмент бизнеса. <http://www.caseclub.ru/articles/intranet.html> (12.04.2004).

веденного Melkrum Publishing Ltd¹⁴ в крупных компаниях Великобритании, Северной Америки и Европы: лучшие коммуникации (90%), усовершенствование процессов (80%), выделение лучшего опыта (72%), повышение эффективности (65%), сокращение бумажной документации (65%), оптимизация затрат времени на обмен информацией (62%). Через год по результатам аналогичного исследования британского Института маркетинга 93% респондентов отметили, что интранет способствует внедрению инноваций¹⁵.

Интранет, созданный как корпоративная информационная система, становится важной частью инструментария бизнеса и связей с общественностью особенно при расширении географии деятельности, выходе на новые региональные, инациональные, транснациональные рынки, а также для крупных, например, межрегиональных или транснациональных компаний, подобные сети являются принципиальным условием внутренней интеграции, обеспечивают мобильность, адекватность принятия решений, современные условия работы каждого сотрудника; для консалтинговых компаний интранет и накопленная в нем информация становятся основным капиталом.

Интранет объединяет в систему, как правило, уже существующие источники информации, что позволяет компании достаточно быстро создать единое информационное пространство, которое наряду с финансовыми, производственными, человеческими ресурсами становится важным условием реализации стратегических бизнес-задач. В итоге повышается качество управления, сокращаются временные и материальные затраты, происходит унификация бизнес-процессов и процедур, появляются новые возможности для повышения уровня квалификации сотрудников. Таким образом, интранет становится существенным фактором эффективности бизнеса.

Типология функций интранета возможна по предмету/направлению деятельности¹⁶: информационные ресурсы и коммуникации, в том числе, персонализированные (новостные ленты, распоряжения, библиотека документов, календарь мероприятий, контактная

---

¹⁴ www.melkrum.com

¹⁵ www.sim.co.uk

¹⁶ К интранет-системе кроме корпоративного портала также иногда относят и другие внутренние бизнес-системы: ECM-систем (англ. Enterprise Content Management System — система управления информацией предприятия), CRM (англ. Relationship Management — управление взаимоотношениями с клиентом), HRM (англ. Human Resource Management), систему электронного документооборота (СЭД) и т.п., работа с которыми также должна быть включена в арсенал технологий СО. В последнее время новые итерации электронной почты (например, Google Wave) также могут быть использованы в качестве социального интранет-канала СО для совместной работы с документами в режиме реального времени.

информация о сотрудниках, информация о наличии сотрудника на рабочем месте, полнотекстовый поиск по разделам системы, синдикационные сервисы (новостные материалы из внешних источников: новости, погода, курсы валют и т.д.); бизнес-ресурсы и коммуникации (динамическое создание и управление проектами, согласование и визирование документов, отчетов, интеграция корпоративных приложений и т.д.); коммуникационные ресурсы (форумы: горизонтальные контакты, личные объявления, дискуссии с руководством, общение по интересам; газеты для сотрудников; опросы и голосования, отзывы и т.д.); административные внутрикорпоративные ресурсы и коммуникации.

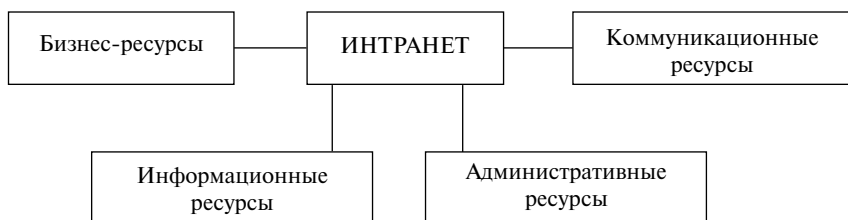
На основании введенной типологии выявим различные исторические структурно-функциональные модели интранета. На первом — информационном — этапе корпоративных внутренних сетей интранет-системы в основном предоставляют сотрудникам определенным образом организованную и структурированную внутреннюю информацию (стандарты деятельности организации, бланки, распоряжения, телефонный справочник и т.д.), что ускоряет и упрощает доступ к информации, делает традиционные корпоративные деловые коммуникации более надежными, быстрыми. Интранет в подобной форме за счет оперативной маршрутизации официальной информации и документов позволяет оптимизировать бизнес-процессы; при этом задействованными оказываются в основном вертикальные корпоративные связи. Данная модель (информационная) интранета характерна для производственно ориентированных компаний, коммуникационные задачи которых определены в первую очередь сферой бизнеса, производства.

По мере развития потребностей организации спектр возможностей интранета расширяется принципиально. На втором — коммуникационном — этапе кроме доступа к корпоративным базам данных создаются, например, системы управления внутренними горизонтальными и вертикальными коммуникациями, такие, как согласование документов, общие обсуждения проблем, программы взаимодействия с клиентами, появляются формы коммуникации, отвечающие потребностям разных целевых аудиторий внутри компании. На данном этапе интранет обеспечивает развитие делового потенциала компании, эффективной настройки командной работы за счет многосторонних диалоговых коммуникаций. Подобный стиль работы в интранете характерен для рыночно ориентированных компаний.

Третий этап эволюции интранета, который предлагаем обозначить как интегральный, означает эффективное использование всех технических и коммуникационных возможностей сети, описанных выше, не только для быстрого и качественного выполнения сотрудниками своих должностных обязанностей, но для формирова-

ния ответственного отношения сотрудников к бизнес-процессам, креативного развития каждого и работы коллектива как творческой общности.

Использование информационных ресурсов внутренней сети для бизнес-коммуникаций служит основой для следующего шага в выполнении управленческих задач интранета: формирования корпоративной базы знаний (КБЗ). КБЗ аккумулирует корпоративный арсенал информации, производственный опыт, создает общий контекст коммуникаций для обеспечения координации и самостоятельного принятия решений. Корректное управление корпоративной базой знаний сегодня является одним из важнейших условий развития творческого бизнес-потенциала сотрудников и компании. Модель «управления знаниями» (англ. knowledge management), технической и коммуникационной базой которой может служить интранет, является одним из наиболее перспективных направлений развития потенциала компании. Задачами специалиста СО в реализации данного направления назовем создание содержательного контекста корпоративных коммуникаций¹⁷: обеспечение унификации представления знаний (системы метаданных, т.е. данных, описывающих первичные данные); формирование единого представления о деятельности компании всеми сотрудниками; создание общей системы понятий, целей деятельности и принципов их достижения, единых принципов поведения и мотивации; системы нормативов; обеспечение интеграции всех видов деятельности и т.д.; инструментами — системы обмена знаниями, дискуссии, форумы. Так, создание в свое время интранет-портала для «Альфа-банка» позволило дать доступ к постоянно обновляющейся базе данных по изменениям в банковском законодательстве, что обеспечило оперативное интеллектуальное управление информацией всех филиалов банка. Открытость коммуникации внутренней сети стимулирует творческое соревнование сотрудников, стремление к повышению квалификации, обучению. Системы учета и планирования рабочего времени позволяют повышать производительность и эффективность работы (матрица интранет-системы — см. рисунок).

¹⁷ См.: *Ананьин В.* Интранет как инструмент корпоративного управления. <http://www.big.spb.ru>

Базовая структура интранет-сайта корпорации

Цели построения интранет-сети определяются бизнес-целями компании; идеологию проекта, в соответствии с которой создаются архитектура и контент, обеспечивают службы связей с общественностью и персонала. Таким образом, деятельность специалиста СО в интранете связаны со всеми аспектами работы сотрудников в ежедневном рабочем режиме.

Определим задачи связей с общественностью по всем направлениям: ресурсы, персонал, коммуникации. Бизнес-коммуникации во внутренней сети служат для формирования и реализации корпоративной политики компании, основанной на ее драйверах: миссии, ценностях. Задачи службы СО сделать бизнес-коммуникации эффективными за счет отладки системы горизонтальных и вертикальных коммуникаций в различных форматах — от формальных до неформальных, в зависимости от характера бизнес-задач.

Управление внутренними бизнес-процессами непременно выстраивается с учетом разработанных при участии служб персонала и связей с общественностью стратегий, планов, системы мотивации.

Интранет демонстрирует уровень эффективности бизнес-процессов, дает возможность коллективной работы и отражает — в большей степени, чем прочие ресурсы, — приверженность ценностям компании и уровень корпоративной культуры, которая есть «сложный комплекс положений <...> принимаемых всеми членами конкретной организации и задающих общие рамки поведения, принимаемых большей частью организации» [Абрамова, Костенчук, 1995, с. 22].

Создание интранета как коммуникационной площадки, общение на которой постоянно формируется, исходя из корпоративных ценностей, традиций, стандартов поведения, что в комплексе и формирует корпоративную культуру, должно быть одной из основных задач службы СО.

Особую роль в формировании институциональных коммуникаций играют внутрикорпоративные интернет-газеты. Цель их — в русле человеко-ориентированных стратегий — приобщить каждого сотрудника к корпоративной культуре, пробудить творческий потенциал для максимально эффективной работы в интересах корпорации.

Стратегический комплексный подход к охвату целевых внутренних аудиторий корпоративными изданиями, рассчитанными не только на сотрудников, но и на их семьи, детей, отражает, на наш взгляд, высокий уровень социализации внутренних коммуникаций. Сегментация целевых аудиторий с включением в их линейку

семей сотрудников позволяет повышать лояльность к корпорации и расширять круг потенциальных сотрудников. Так, в корпусе изданий корпорации «Норильский никель» имеется не только газета для персонала, но и детская сетевая газета «Никелька», которая приобщает детей к ценностям корпорации, воспитывает их патриотами «Норильского никеля», например, организуя конкурсы рисунков «Интересные люди компании».

Внутрикорпоративные сетевые коммуникации коммуникационной и интегральной моделей создают особую систему равноправного общения, которое способствует не только обмену информацией, знаниями, но и сплоченности коллектива. Прозрачность коммуникации, ее авторизация повышают ответственность каждого сотрудника и коллектива в целом. «Деятельность сотрудников переориентируется с выполнения функций на решение задач»¹⁸, что является одной из важных задач связей с общественностью во внутрикорпоративных коммуникациях.

Тенденции развития интранета и цели корпоративных связей с общественностью

Векторы развития интранет-систем 2010-х годов обусловлены развитием технологий и новыми характеристиками бизнеса и корпораций 2.0¹⁹. Эндрю Мак-Афи (Andrew McAfee), профессор Гарвардской школы бизнеса, впервые использовал термин “Enterprise 2.0” (англ. предприятие 2.0) в 2006 году чтобы описать, как технологии веб 2.0 могут быть использованы в организации сайтов интранета и экстранета для формирования неиерархически структурированных организаций, управляемых не вертикально, а горизонтально, целью которых является улучшение взаимодействия между сотрудниками, с клиентами и партнерами благодаря совместному использованию информации; фактически не только сотрудники, но и внешние аудиторы и даже конкуренты могут работать в одной команде. Например, перспективной для коммуникации аналитики²⁰ называют внутреннюю корпоративную социальную сеть — веб-систему для определенной целевой аудитории компании, включающую широкий набор возможностей для общения и взаимодействия между участниками. (Корпоративная социальная сеть в большинстве случаев является составляющей коммуникационного блока корпоративного портала.) Так, внутрикорпоративная социальная сеть

---

¹⁸ См.: *Ананьин В.* Интранет как инструмент корпоративного управления. Ч. 2. http://www2.osp.ru/dbms/1997/04/80_print.htm (01.08.1997).

¹⁹ Enterprise 2.0: Agile, Emergent and Integrated». 2008. www.aiim.org/.../Enterprise-20-Agile-Emergent-and-Integrated

²⁰ Intranet Design Annual 2011: Year's 10 Best Intranets. www.useit.com/alertbox/intranet_design.html

компании «Яндекс» используется для знакомства сотрудников, информирования, общения, обратной связи, обучения по примеру.

Ключевой тенденцией развития интранета в мире в ближайшем будущем (по результатам исследования 440 организаций в 2010 году [McConnell, 2011]) остается развитие коммуникаций. На смену корпоративному интранет-сайту как способу организации внутри-корпоративной информации приходят ресурсы 2.0 (вики, мессенджеры, чаты, конференции, подкасты, блоги, микроблоги, социальные сети и т.д.), а также новые виды приложений²¹. Технологии и ресурсы 2.0, благодаря которым сотрудники могут создавать, комментировать, оценивать контент, создавать сообщества, позволяют выявлять наиболее значимые идеи, находить экспертов, при этом повышается скорость принятия решений, выполнения задач, снижаются затраты.

Отметим при этом, что бизнес-задачи и количественное повышение эффективности работы сотрудников отходят в иерархии корпоративных целей на второе место.

Условием реализации коммуникационных стратегий 2.0 является создание для каждого сотрудника единого рабочего места — то есть обеспечение доступа, чаще всего мобильного и удаленного, ко всем корпоративным ресурсам, которые необходимы для работы (корпоративная информация, служебные материалы, информационные системы, средства связи, общения, совместной работы, в частности, бизнес-приложения, социальные сети и т.д.).

Интранет — как и бизнес — становится все более антропоцентрическим. Этому способствует использование социальных медиа (70% компаний). Наибольшей популярностью пользуются вики-ресурсы и блоги (55%, на 10% больше, чем в 2010 году), площадки обсуждения инноваций (30%), микроблоги (26%). 22% компаний внедрили или внедряют для сотрудников социальную сеть с широкими функциональными возможностями (профили сотрудников, ленты активности, дискуссии, сообщества, опросы и т.д.).

Интранет — как и Интернет — становится доступным любому сотруднику корпорации 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, 365 дней

---

²¹ Интранет-приложение — это программное обеспечение, которое в совокупности формирует единую информационную систему предприятия. Примеры: справочник сотрудников, календарь отпусков, онлайн-бронирование переговорных, совещания, опросы, форум и т.п. модулями или подсистемами корпоративного портала. Например, новым тенденциям соответствуют приложения Live — содержит инструменты для управления задачами, проектами, корпоративным контентом для организации корпоративной социальной сети, сообщества клиентов и совместной работы, позволяет настраивать индивидуальное рабочее пространство с помощью стартовой страницы; Yammer — корпоративный аналог Твиттера включает профили пользователей и теги для классификации сообщений, позволяет обмениваться короткими сообщениями рабочим группам, контролировать статус сотрудников.

в году и мобильным, что потенциально повышает производительность. 90% компаний-участников опроса обеспечивают сотрудникам удаленный доступ к интранету, 25% компаний начали или планируют в ближайшем будущем мобилизацию внутренней сети. Мобилизацию как важнейшую тенденцию 2011 года отмечает и известный веб-аналитик Джекоб Нильсен (Jacob Nielsen)²².

Принципиальные отличия интранета 2.0 позволяют зафиксировать новую модель внутренней сети — коллаборативную [Шилина, 2011].

Интранет для компаний — лидеров рейтинга (145 компаний из 400) является основным рабочим ресурсом, большинство сотрудников активно пользуется им каждый день, развитие и повышение отдачи от интранета входит в задачи топ-менеджеров, используются социальные медиа, действует четкая схема управления внутренней сетью, есть специальные менеджеры направления.

Тем не менее пока даже для лидеров интранет 2.0 можно назвать перспективным направлением: лишь 10% компаний считают, что их внутрикорпоративная сеть является платформой для совместной коллаборативной работы. Для большинства социальные ресурсы не представляют единое коммуникационное пространство (у 20% лидеров и 25% остальных компаний), они связаны между собой только ссылками (44 и 33% соответственно).

Проблемы внедрения «социального» коллаборативного интранета даже в компаниях, которые можно назвать «предприятиями 2.0», остаются такими же, как и у производственно-ориентированных предприятий: 60% интранет-менеджеров считают основным препятствием в развитии интранета непонимание его возможностей, целей, задач руководством и как следствие отсутствие финансовой, административной, коммуникационной поддержки. Очевидно, изменить ситуацию могут и должны в первую очередь не только интранет-менеджеры, но и сотрудники службы связей с общественностью, которые должны оказать влияние на ситуацию на всех уровнях.

Таким образом, среди существенных актуальных целей связей с общественностью в интранете назовем развитие для бизнеса потенциала социальной составляющей при формировании единого корпоративного коммуникационного пространства, задачами — разработку новых концепций и моделей внутренней сети, совершенствование новых технологий коммуникации, в частности вовлечение в них всего коллектива.

---

²² Intranet Design Annual 2011: Year's 10 Best Intranets. www.useit.com/alertbox/intranet_design.html

При этом перспективы внедрения интранета 2.0 в России экспертам представляются оптимистическими. Так, один из ведущих специалистов по вопросам развития интранета, Роман Шемелев, менеджер по продукту SharePoint Server/ Microsoft, констатирует, что вопрос заключается только в скорости распространения тенденций применения технологий веб 2.0. «Так, тема “социального интранета” довольно широко распространена на Западе уже сегодня, тогда как в России подобные технологии веб 2.0 только начинают проникать в корпоративный ИТ-ландшафт. Однако из нашего опыта общения с заказчиками мы видим, что распространение таких технологий — вопрос ближайшего будущего»²³.

Список литературы

Абрамова С., Костенчук И. О понятии «корпоративная культура // Организационное консультирование как ресурс развития общества, государства, политики, бизнеса: Тезисы научно-практической конференции. М., 1995.

Шилина М.Г. Интернет-коммуникация в связях с общественностью. Прагматический аспект. М.: «РИЦ Север-Восток», НИУВШЭ, 2011.

McConnell J. Global Intranet Trends 2011. NetStrategic.Jmc., 2011.

Поступила в редакцию
26.08.2011

---

²³ По материалам Cnews.ru. 07.2011. Crmdaily.ru/forum/forum-75

ТЕЛЕВИДЕНИЕ И РАДИО

Иеромонах Сергей (Родченко), кандидат богословия, докторант кафедры управления и канонического права Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия; e-mail: rodvladalex@mail.ru

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ШИРОКОФОРМАТНОГО ЦЕРКОВНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ (на примере радиостанции «Град Петров»)

Статья посвящена типологическим характеристикам церковной радиостанции. В качестве иллюстрации для исследования взята официальная студия Санкт-Петербургской епархии «Град Петров». Указывается на исторические и технические особенности функционирования этой станции. Определяется формат вещания, в котором выявляются и разговорная, и информационная, и музыкальная составляющие. Главной типологической чертой радио «Град Петров» представляется соединение церковной тематики с общекультурной направленностью. Поднимается вопрос о мотивированности подобного синтеза.

Ключевые слова: электронные СМИ, история и типология радиовещания, формат радиостанции, Русская Православная Церковь, церковная журналистика, радио «Град Петров».

The article covers the typological characteristics of the church radio station. It is the official studio of the St. Petersburg eparchy "Grad Petrov" that has been taken for the research as an illustration. The historical and technical peculiarities of the operation of this station are specified herein. The format of the broadcasting is determined here, in which the conversational, informative and musical components are revealed. The main typological feature of "Grad Petrov" radio station presents itself as a combination of the church themes and the cultural orientation. The question of the motivation of such a synthesis is raised here.

Key words: electronic media, the history and typology of the broadcasting, the format of the radio station, the Russian Orthodox Church, church journalism, "Grad Petrov" radio station.

Система радиовещания в типологической группе средств массовой информации Русской Православной Церкви пока очевидно далека от общих признаков комплексности и законченности. Более того, количество самостоятельных радиостанций, которые так или иначе можно было бы отнести к категории православных массмедиа, крайне незначительно — буквально единицы. Однако среди них уже сейчас присутствуют и весьма крупные студии, и свои старожилы, и лидеры, без которых церковный медийный ландшафт в России теперь и не мыслится. К таким относится, безусловно, и радио Санкт-Петербургской митрополии «Град Петров».

Типологическая модель этой станции настолько показательна внутри целостной системы церковных СМИ и вместе с тем настолько своеобразна, что, без сомнений, заслуживает самого пристального исследовательского внимания. Тем более что теоретическая база для такого исследования в современной науке весьма обширна [Болотова, 2004, с. 6—20; Зацепина, 2006; Ионкина, 2004; Ключев, 2004; Круглова, 2006; Маринович, 1997; Отечественное радио в современных условиях, 1998; Радио: мы говорим, нас слушают, 2004; Радиожурналистика, 2005; Раскатова, 2005; Смирнов, 2002; Телерадиоэфир: история и современность, 2005; Тхагушев, 1994, с. 3—14].

«Град Петров» впервые вышел в эфир 18 ноября 2000 года и стал первой *официальной* радиостанцией Русской Православной Церкви¹. Статус официального средства массовой информации ему придает формальный признак епархиального радио Санкт-Петербургской митрополии. В соответствии с этим признаком вещание осуществляется по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира, главным редактором является клирик епархии, настоятель храма святой великомученицы Анастасии Узорешительницы протоиерей А. Степанов, редакция располагается в епархиальном управлении — в митрополичьем корпусе Александро-Невской Лавры². Надо сказать, что вообще первой радиостанцией в Русской Церкви стал «Радонеж», однако он был учрежден общественной организацией — одноименным православным братством — и изначально избрал для себя типологическую модель церковно-общественного средства массмедиа. Вместе с тем следует отметить, что появившись в эфире в качестве самостоятельной станции позднее «Радонежа», «Град Петров» обладает гораздо более ранними истоками. Дело в том, что исторически петербургская студия берет начало от радио «Голос Православия», которое является первой православной аудиовещательной станцией в мире вообще.

Основанный в 1979 году российскими эмигрантами первой волны супругами Евгением Евгеньевичем и Еленой Петровной Поздеевыми «Голос Православия» стал поистине уникальным явлением в религиозной русскоязычной журналистике за границей [Голос Православия, 2009]. «Церковное окормление новой радиостанции взял на себя протопресвитер Борис Бобринский, декан Свято-Сергиевского богословского института в Париже, и “Голос Православия” с первых дней своей работы обрел прочную церков-

---

¹ Десятилетие радио «Град Петров»: 18 ноября 2010 г. радиостанции «Град Петров» исполняется 10 лет // Град Петров: Радио Санкт-Петербургской митрополии. <http://www.grad-petrov.ru/newsindex.phtml?id=310>

² См.: *Жабский А.* Голоса в эфире крепнут // Санкт-Петербургские ведомости. 2009. 3 июня. № 99. С. 2.

ную основу. Лучшие традиции русского богословия и церковной жизни, которые с любовью сохранялись и развивались на Сергиевском подворье, ставшем подлинным прибежищем для изгнанных из России ученых, богословов, философов, священнослужителей, — стали принципами работы радиостанции»³. И, как пишет профессор С. В. Шешунова, «смыслом существования “Голоса Православия” все тридцать лет была — и остается до сих пор — христианская проповедь, выверенная подлинно церковным богословием»⁴.

Когда упал «железный занавес», у организаторов «Голоса Православия» появилась возможность передавать свой опыт российским коллегам. С этой целью в октябре 1990 года в собственном доме рядом с Покровским монастырем в местечке Бюсси-ан-От (Франция) супруги Поздеевы организовали семинар, посвященный проблемам христианской миссии [там же, с. 294—310]. Среди приглашенных россиян оказались и будущие основатели «Града Петрова», тогда еще не поставленные в священный сан, ставшие впоследствии единомышленниками и сподвижниками петербуржцы Л. Большаков и А. Степанов. Как признался потом последний, Поздеевы «во многом определили не только мое служение на радио, но и вообще многое в моей жизни, наверное, в частности и принятие священного сана»⁵. В 1992 году, вдохновленные идеями, которые обсуждались на семинаре, священники А. Степанов и Л. Большаков создали православное благотворительное братство святой Анастасии Узорешительницы, занявшееся, помимо прочего, и продвижением радиовещательного проекта в России. Именно это братство организовало начиная с декабря 1994 года, еженедельные трансляции «Голоса Православия» в эфире городского радио Петербурга [там же, с. 315]. «В 1999 году была оборудована студия звукозаписи в Санкт-Петербурге, и возникло петербургское отделение “Голоса Православия”, сотрудники которого не только координировали размещение программ в российском радиоэфире, но и сами начали производство новых передач» [там же, с. 323]. Наконец, в 2000-м открывается новая радиостанция — «Град Петров», на волнах которой «Голос Православия» звучит уже ежедневно, а по субботам и воскресеньям — дважды в день.

«Сегодня “Град Петров”, — пишет о себе редакция на сайте студии, — это радио, отвечающее всем требованиям современного радиовещания, радио многожанровое, многоголосное, с 19-часовым

---

³ *Суругева О.* «Голос православия» в Санкт-Петербурге // *Церковный вестник.* 2005. Октябрь. № 21. С. 14.

⁴ *Шешунова С. В.* «Голос, право славящий Христа» // *Фома.* 2010. № 2. С. 84.

⁵ Слово главного редактора протоиерея Александра Степанова на торжественном акте в честь 10-летия радио «Град Петров» 25 ноября 2010 года // *Град Петров: Радио Санкт-Петербургской митрополии.* <http://www.grad-petrov.ru/newsindex.phtml?id=336>

объемом ежедневного эфира, который обеспечивает штат из двадцати постоянных сотрудников. В работу радио вовлечены несколько десятков священнослужителей Санкт-Петербургской епархии, многие преподаватели Санкт-Петербургской Духовной Академии, Санкт-Петербургского университета, других учебных заведений Санкт-Петербурга и Москвы, историки, культурологи, философы, музыковеды, сотрудники музеев и научных центров, что позволяет поддерживать уже ставший традиционным высокий интеллектуальный, культурный и духовный уровень программ. На сегодняшний день так или иначе участвуют в создании новых передач порядка шестидесяти авторов и исполнителей. Деятельность студии «Град Петров» достаточно плодотворна. За десять лет в архиве радио появилось почти 10 000 программ»⁶.

До 2010 года, на протяжении почти всего периода своего существования, «Град Петров» вещал в диапазоне средних волн (на частоте 1323 кГц), и лишь с апреля 2006-го по ноябрь 2007-го смог пробиться в FM-диапазон (69,05 мГц) на волнах областного «Radio Gardarica»⁷. Однако в декабре 2009 года некоммерческий фонд «Радио Санкт-Петербургской митрополии «Град Петров»» победил в конкурсе на радиоканал с частотой 73,1 мГц и со 2-го апреля 2010-го по настоящее время работает на собственной волне петербургского FM-диапазона. Как отмечают наблюдатели, аудитория станции благодаря этому резко увеличилась и достигла, по некоторым оценкам, 100 000 человек⁸. Кроме того, в 2010 году студия предприняла попытку ежедневного двухчасового вещания на московский регион в эфире радиостанции «Радонеж» (846 СВ), однако по финансовым причинам в 2011 году этот проект был остановлен⁹. Необходимо отметить также, что «Град Петров», параллельно эфиру, осуществляет трансляции в режиме on-line на собственном сайте в интернете (www.grad-petrov.ru).

Для определения типологического облика «Града Петрова» чрезвычайно важно разобраться в проблеме формата радиостанции [Радиожурналистика, 2005, с. 370—384]. Сами журналисты позиционируют свое вещание как разговорное радио — крайне редкую на сегодняшний день форму эфира. «Наша станция принципиально

---

⁶ Десятилетие радио «Град Петров»...

⁷ См., напр.: Первая в России епархиальная радиостанция начинает вещать в FM-диапазоне // Интерфакс-Религия. <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=10518>; Радиостанция «Град Петров» прекратила свое вещание в FM-диапазоне // Религия и СМИ. http://religare.ru/2_47668.html

⁸ Поздравление митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского Владимира в связи с десятилетием радио «Град Петров» // Град Петров: Радио Санкт-Петербургской митрополии. <http://www.grad-petrov.ru/newsindex.phtml?id=330>

⁹ Программы радио «Град Петров» в московском эфире // Там же. <http://www.grad-petrov.ru/newsindex.phtml?id=250>

разговорная»¹⁰, — говорит главный редактор протоиерей А. Степанов в одном из своих интервью. И справедливо подчеркивает при этом: «Слушателям интересна не только музыка, они хотят еще и обсуждать волнующие их вопросы: исторические, социальные, философские и духовные. Подтверждение — наша аудитория каждый год увеличивается на треть»¹¹.

Однако нужно признать, что разговорный формат подразумевает прежде всего диалоговое наполнение эфира. Диалогичные программы на волнах «Града Петрова» действительно присутствуют — это и круглые столы, и «Пастырский час», в котором священнослужители в студии отвечают на вопросы слушателей, и такие программы, как «Встреча», «Беседа», «Культурная реакция», и многие специальные проекты (например, передачи, посвященные 10-летию юбилею станции), и т.д. Тем не менее, подобное вещание занимает в общей сложности не более трети эфира. Вместе с тем программная сетка «Града Петрова» существенно наполнена музыкальными передачами. И хотя музыка церковного радио (классика, духовные песнопения), как представляется, не вполне привычна для того, что сегодня принято называть «музыкальным форматом», тем не менее иного определения в данном случае просто не существует. Наконец, редакция канала ежедневно, кроме выходных, готовит несколько выпусков новостей. Тематически они представляют собой четыре основных 10-минутных блока — общественно-политические новости, новости культурной жизни, городские новости и, наконец, новости религиозной жизни. Этим информационный формат в эфире «Града Петрова» не ограничен — сюда нужно прибавить и воскресную аналитическую программу «Неделя» с комментариями экспертов к основным событиям, и специальные репортажи, и «Обзор церковной периодической печати», и «Церковный календарь», и «Петербургскую афишу», и т.п. Таким образом, мы сталкиваемся с сосуществованием на одной волне всех трех выделяемых сегодня исследователями основных форматов — разговорного, музыкального и информационного. Но и этим форматное многообразие радиостанции не ограничивается. Дело в том, что эфир «Града Петрова» насыщен — по меньшей мере на треть — формами, с которыми современная практика отечественного радиовещания вообще не знакома. Это в первую очередь то, что открывает и заканчивает ежедневное звучание — утренние и вечерние молитвенные правила, а также правила к Причащению и трансляции праздничных богослужений из храмов Петербурга — всенощного бдения и Божественной литургии. Сюда

---

¹⁰ Ордынский А. «Град Петров — говорящее радио» // Нескучный сад. 2005. № 3. С. 95.

¹¹ Там же.

же можно отнести и многообразные чтения — как секулярной, так и духовной, святоотеческой литературы, а кроме того, еще и академические лекции на церковные, исторические, культурологические и т.п. темы.

Все изложенное позволяет определить форму «Града Петрова» как радио широкоформатное или, по выражению некоторых теоретиков, «радио для всех» [Раскатова, 2005, с. 29] — модель, которая позволяет заинтересовать максимально большую часть потенциальной аудитории. Этот формат, разумеется, противоречит современным тенденциям в радиовещании (которое целенаправленно стремится создать так называемое «радио для каждого»), однако представляет собой не что иное, как хорошо забытое старое: именно таковым — «радио для всех» — было отечественное государственное вещание в доперестроечную эпоху.

Выбор широкоформатного проекта, безусловно, выдает главный типологический запрос, вектор интереса создателей «Града Петрова»; он отвечает на вопрос, какую цель они преследовали, организуя свое радио. И цель эта, при всем дроблении и разнообразии типологического позиционирования со стороны самих учредителей, на самом деле очевидно ограничена только одним типоформирующим фактором: это выбор аудитории с точки зрения ее потенциального вхождения — возможности такого вхождения — в ограду христианской Церкви. Иными словами, это проект, преследующий миссионерскую цель.

«Мы создавали эту радиостанцию, — рассказывает митрополит Владимир (Котляров), управляющий Санкт-Петербургской епархией, — думая, прежде всего, о духовном просвещении наших прихожан, которым зачастую трудно самостоятельно сориентироваться в церковной жизни, ибо духовная традиция в нашей стране была для большинства россиян прервана и утрачена. Наши пастыри сильно перегружены и часто объективно не имеют возможности обстоятельно побеседовать с каждым желающим. И вот здесь на помощь может прийти радио, которое работает много часов в день, где будут звучать вероучительные программы, проповеди священников, куда любой верующий сможет позвонить в прямой эфир и получить квалифицированный ответ пастыря на волнующий его вопрос. Однако вскоре обнаружилось, что радио интересно не только прихожанам храмов, но и многим людям, еще только ищущим свою дорогу к храму. Таким образом, радио стало еще и мощным миссионерским инструментом»¹².

Только миссионерскими задачами можно объяснить тот факт, что стараясь максимально расширить свое аудиторное поле, «Град

---

¹² Поздравление митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира в связи с десятилетием радио «Град Петров».

Петров» как бы непроизвольно выходит за рамки церковной специфики и распространяет тематический интерес на область общекультурных вопросов, в которой, кроме того, актуализирует территориальный аспект. Речь идет о культуре Санкт-Петербурга. «Наше радио, — пишет программный директор станции О. Суroveгина, — и церковно- и культурно-просветительское. И наш город нас и вдохновляет, и дарит нам возможность на достойном этого города уровне говорить о культуре, об искусстве, об истории, о многом другом — ведь именно наш город является средоточием прекрасных специалистов, удивительных людей, увлеченных и способных увлечь слушателей, всегда радующихся возможности поделиться со слушателем не только своими знаниями, но и своей увлеченностью»¹³. При этом она подчеркивает, что «слушатель нецерковный, но мало-мальски начитанный, скорее узнает в названии нашего радио ссылку на пушкинскую строку: “Красуйся, град Петров!” — и это тоже хорошо. Образ великого города, открытого всему миру, собравшего в себе высочайшие образцы мировой классической культуры во всех ее проявлениях, — это действительно не только одна из главных тем нашего радио, но целое направление»¹⁴. Причем направление, которое, по мнению «внешних» наблюдателей, стало преобладающим. «Что привлекало и привлекает к этому радио уставших от эфирного драйва людей — необязательно верующих, просто ищущих на радиочастотах что-то содержательное? — задается вопросом одна из газет Санкт-Петербурга. — Литературная классика, озвученная любимыми артистами, беседы о смысле бытия, основывающиеся на работах лучших российских философов и богословов XIX—XX веков, неспешные радиопутешествия по Петербургу и окрестностям, классическая и духовная музыка. Слово у микрофона берут историки и культурологи, философы, музыковеды, сотрудники музеев и научных центров, священники, преподаватели духовных и светских высших учебных заведений обеих столиц. Архив радиостанции насчитывает сейчас более 10 тысяч программ, большинство из которых выходят далеко за рамки сугубо православной тематики»¹⁵.

Таким образом, общекультурная тема [см. подробнее: Барабаш, 2006] — и информационные программы, и литературные, и музыкальные, и т.д. — занимает, может быть, без малого половину эфи-

---

¹³ Суroveгина О. Десять лет в эфире: Размышления к юбилею радио «Град Петров» // Град Петров: Радио Санкт-Петербургской митрополии. <http://www.gradpetrov.ru/newsindex.phtml?id=315>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Морозова В. Тихим голосом о важном: Православная радиостанция «Град Петров» отмечает свое десятилетие // Санкт-Петербургские ведомости. 2010. 25 ноября. № 222. С. 3.

ра. Подобная предметно-тематическая синтетичность представляется весьма спорной, и уж во всяком случае вызывает вопросы, если учесть, что соединение церковной темы с темой культуры явилось вынужденной мерой и изначально не связано было с форматной и типологической идеологией создателей радиостанции. Об этом сам отец Александр, главред студии, «проговорился» однажды на страницах «Церковного вестника»: «Мы вещаем... довольно много, и понятно, что при таком большом формате ограничиться только религиозными программами невозможно. Поэтому мы поставили перед собой задачу говорить о христианской культуре в максимально широком понимании, как о культуре, которая порождена христианской цивилизацией. Это и литература — европейская или русская, в которой христианская проблематика может быть и не выражена напрямую, и музыка, которая тоже очень широко представлена на нашем радио, и многое другое»¹⁶.

Ко «многому другому» относятся также и политические новости, и информация о городской жизни Петербурга (преимущественно ее социально-экономическая сфера). Вообще, эту своеобразную тематическую полифонию «Града Петрова» наиболее полно отражает специфика построения новостных выпусков. Как уже отмечалось, студия производит ежедневно по четыре информационных 10-минутных блока, которые несколько раз повторяются в программной сетке. В первый раз за день (в 12.00) в прямом эфире выходят новости религиозной жизни. Затем (в 15.00) — новости Санкт-Петербурга. В 16 часов — программа «Обзор событий дня», которая и представляет собой, по сути, общественно-политические новости. И, наконец, в 17.00 — новости культуры. Затем прямые эфиры новостей радиостанция выпускает еще трижды — в 18, 19 и 20 часов; как правило, это религиозный, политический и городской блоки. И после этого идет несколько повторов: вечером — в 23.00 и 01.00, утром — в 08.00 и 10.00; причем повторяются только новости религиозной жизни.

Вот как комментирует особенности новостного вещания на радио «Град Петров» редактор и ведущий информационных выпусков А. Крупинин: «Политические новости не имеют никакой православной специфики. Они строятся так же как новости на любой другой профессионально подходящей к новостям радиостанции. То есть сохраняется нейтральный тон, и, если речь идет о каком-то конфликте, сообщается информация, исходящая от обеих сторон конфликта. Мы долго сомневались, нужны ли вообще политические новости на православном радио. Но наше радио не чисто

---

¹⁶ Голос Православия на средних волнах // Церковный вестник. 2003. Ноябрь. № 21. С. 14.

религиозное, у нас очень много передач, посвященных светской культуре, истории. И мы решили, что было бы хорошо, если бы наш слушатель мог получать от нас всю возможную информацию, не переключаясь на другие станции. Для этого мы и ввели выпуски политических новостей»¹⁷. «Если говорить о городских новостях, — продолжает журналист, — то это успехи и неудачи городского хозяйства, борьба за сохранение Санкт-Петербурга, вопросы социальной сферы, образование, медицина, городской транспорт и т.д.»¹⁸. Что касается новостей культуры, то А. Купинин подчеркивает: «...в мире происходит большое количество культурных событий, хорошо соотносящихся с духовной жизнью человека. Ежедневно открываются выставки, проходят концерты серьезной музыки, выходят интересные книги и т.д. Обо всем этом я рассказываю в новостях культуры»¹⁹... В подходе к религиозной информации обращает на себя внимание то, что это действительно сообщения о событиях не только Православной Церкви: «Подбор новостей я делаю следующим образом. Сначала беру новости Санкт-Петербургской епархии: службы правящего архиерея, открытие храмов, конференции и т.д. Затем — новости Русской Православной Церкви — события, имеющие общецерковное значение, и события, не имеющие общецерковного значения, но отражающие некие важные тенденции, какие-то типичные для нашего времени события. Затем беру новости Поместных Православных Церквей, новости других христианских конфессий, новости других монотеистических религий и, наконец, язычников и атеистов. Это не значит, что в каждом выпуске присутствуют все эти разделы. Опыт подсказывает, что на десятиминутный выпуск требуется девять новостей. Сначала я исчерпываю все новости Санкт-Петербургской епархии, потом РПЦ и так, двигаясь по пути удаления от истины, собираю нужные девять новостей»²⁰.

Таким образом, представляется очевидной некая амбивалентность, если не сказать размытость или даже неопределенность, типологической структуры радио «Град Петров». Превратившись за 10 лет существования в настоящего лидера на церковном радиовещательном поле, петербургская станция, думается, не вполне эффективно использует собственный потенциал и новые возможности для осуществления поставленной цели — транслировать, по словам О. Суroveгиной, «тот самый христианский взгляд на мир, который и должно создавать миссионерское радио»²¹. Преодоле-

---

¹⁷ Ермилова Н. Православное радио: не судить, а информировать // Радиопортал. <http://www.radiportal.ru/articles/1976/pravoslavnoe-radio-ne-sudit-a-informirovat>

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Суroveгина О. Десять лет в эфире... <http://www.grad-petrov.ru/newsindex.phtml?id=315>

вая, своего рода, болезни роста, «Град Петров» изначально лишь одной ногой занял нишу церковного (или даже, точнее сказать, христианского) вещания — второй же попытался остаться в поле светских СМИ. Вне всяких сомнений, на этом поле станция ничего не приобретает, уступая десяткам профессиональных студий, которые создают крайне жесткую конкуренцию, особенно в FM-диапазоне. С другой стороны — не в полной мере осуществляется реализация функций, свойственных церковной радиостанции. Очень верно избрав формат «радио для всех», создатели «Града Петрова», как кажется, не учли, что широкоформатное вещание вполне применимо и внутри церковной ниши, где присутствуют аудиторные категории, которым интересны и религиозная информация вообще, и межхристианские новости, и внутриправославная жизнь, и епархиальные события. И информационная насыщенность современного мира позволяет для каждой из этих групп делать по отдельному блоку новостей. Благодаря подобному подходу, безусловно, смогла бы наполниться содержанием типологическая позиция и официального епархиального радио, которая сейчас, увы, пока в основном остается лишь вывеской. И — самое главное — «Град Петров» вполне способен был бы выйти на позицию *общецерковной официальной* радиостанции, в которой Русская Православная Церковь, конечно же, очень нуждается. С этой необходимостью соглашается и отец Александр: «Очень важно поднимать статус официальных церковных СМИ, дав им при этом больше свободы в выражении частных мнений. Необходимо преодолеть ситуацию, когда все критическое, дискуссионное, аналитическое находится в околоцерковной прессе, а все официальное и скучное — в епархиальной и синодальной» [Степанов, 2005, с. 191].

Впрочем, за годы своей работы в эфире, создатели радио «Град Петров» сумели достичь главного — сформировать своеобразный, незаурядный, узнаваемый стиль вещания. И каждая деталь этого стиля, этого типологического образа, деталь, пусть даже вызывающая вопросы, сотрудниками радиостанции четко мотивируется, а потому, конечно же, имеет право на существование. Главный же аргумент авторов проекта — стремление создать своего рода «тихое» радио, которое требует от слушателя и внимания, и соработничества. «Будучи открытым к миру (у нас есть новости, погода, разнообразная музыка, литературные чтения, лекторий — и не только богословский, детские передачи и программы для подростков, где обсуждается широкий круг вопросов), радио “Град Петров” всегда ориентировано на Бога и человека. Большинство современных радиостанций заняты репродукцией информации и заполнением эфира музыкальной нарезкой, приветами “от Маши Саше и всем чувакам с нашего района” и легкой болтовней. Даже если

в этой болтовне участвуют умные и приличные люди, все равно возникает эффект некоего стремительного скольжения по поверхности жизни: про все мне рассказали, всех слышал, все понял, да и сам прозвонился, прозвучал. Радио используется современным человеком как фон для отправления жизнедеятельности, приятное бормотание на заднем плане. «Град Петров» старается создать пространство, в котором человек может побыть в соприкосновении с некоторым смыслом, будь то лекции университетских преподавателей, классическая музыка, транслируемая целиком в исполнении хороших музыкантов, а не клочками в бодреньких аранжировках, или «Пастырский час», когда священник обращается к аудитории со своим словом, а затем отвечает на вопросы слушателей» [Михайлова, 2007, с. 70]. Эти слова кандидата философских наук Марины Михайловой, ведущей ряда программ на радио «Град Петров», вполне обосновывают характер широкоформатного церковного вещания, даже если его тематические рамки расширяются до вещания общехристианского.

Список литературы

Барабаш В.В. Тема культуры в эфире государственного радиовещания постсоветской России: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2006.

Болотова Л.Д. Отечественное радиовещание в начале XXI века: новые реалии и старые проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2004. № 2.

Голос Православия — Voix de l'Orthodoxie: к тридцатилетию со дня основания (1979—2009) / Авт.-сост. О. Суroveгина. СПб., 2009.

Зацепина И.А. Основные проблемы организации и специфика общественного регионального радиовещания в России: Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.

Ионкина Е.Н. Информационное вещание петербургских FM-радиостанций: структурно-функциональные и проблемно-тематические аспекты: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.

Клюев Ю.В. Радиовещание Ленинграда-Петербурга: организационная структура, проблематика, эволюция форм и жанров (1980—2000 гг.): Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.

Круглова Л.А. Московское коммерческое радиовещание FM-диапазона: типологические особенности: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Маринович В.В. Имидж негосударственной радиостанции: опыт системного анализа: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1997.

Михайлова М.В. Словарь и образ жизни: о двух программах радио «Град Петров» // *Mixtura verborum* 2006: топология современности: Сб. ст. / Под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара, 2007.

Отечественное радио в современных условиях: Сб. ст. / Под ред. А.А. Шереля и В.В. Гаспаряна. М., 1998.

Радио: мы говорим, нас слушают?...: Программы на радио и реакция аудитории: Сб. лекций. М., 2004.

Радиожурналистика / Под ред. проф. А.А. Шереля. М., 2005.

Раскатова Е.Р. Типологический анализ современного российского радиовещания: Дисс. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2005.

Смирнов В.В. Формы вещания: функции, типология, структура радиопрограмм. М., 2002.

Степанов А., прот. Церковная проповедь в светском обществе // Вера и слово: Мат-лы Первого междунар. фестиваля правосл. СМИ 16—18 ноября 2004 г. / Ред.-сост. С.В. Чапнин. М., 2005.

Телерадиоэфир: история и современность / Под ред. Я.Н. Засурского. М., 2005.

Тхагушев И.Н. Современное радиовещание в системе средств массовой информации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 1994. № 6.

Поступила в редакцию
14.06.2011

ЗАРУБЕЖНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Самуэл Бречка, профессор Паневропейского университета в Братиславе (Словакия); e-mail: samuel.brecka@uninova.sk

СМИ В СЛОВАКИИ ПОСЛЕ 1989 года: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье рассмотрены основные тенденции развития системы средств массовой информации Словацкой Республики.

Ключевые слова: Словацкая Республика, независимость, политика, СМИ, тенденции.

The article is focused on the major tendencies of development of the Media System in Slovakia.

Key words: Slovak Republic, independency, politics, media, tendencies.

С момента объявления независимости Словацкой Республики прошло более двадцати лет. За это время многое изменилось. Выстроилась новая система средств массовой информации. В нашей статье мы сконцентрировали внимание на основных особенностях развития этой системы. Несмотря на то, что тенденции развития СМИ в Словакии имеют определенную последовательность, они не линейны и во многих случаях пересекаются.

Приватизация

Приватизация СМИ в Словакии не отличалась от общей приватизации государственной собственности, что обозначило ее непрозрачность и применение методов, находящихся на грани закона. Однако в этом процессе были особенности со значительными различиями в некоторых секторах СМИ.

Приватизация печатных средств массовой информации, с некоторыми исключениями, проходила в три этапа.

Вначале многие печатные издания, особенно регионального и местного уровня, были приватизированы работающими в них журналистами. Некоторые региональные и местные издания просуществовали дольше, однако более крупные национальные печатные издания подверглись растущему экономическому давлению. Стоит иметь в виду то, что отрицательный подоходный налог был отменен в 1990 г., в связи с чем издатели столкнулись с усиленным налогообложением. В то же время на фоне общего роста цен на полиграфию цены на газеты выросли в четыре раза. НДС еще более усугу-

бил финансовое бремя. Так как рекламный сектор не был развит, доходы от печатной рекламы были очень низки.

На втором этапе были привлечены более сильные внутренние и иностранные инвестиции. Фонд “PSIS” (Первая словацкая инвестиционная компания) приобрел ежедневник “Sme”, который после нападков со стороны правительства Мечара вынуждены были оставить журналисты из газеты “Smena”. Самое успешное ежедневное издание “Nový čas” было куплено австрийскими бизнесменами; чуть позже свои позиции на словацком рынке СМИ закрепили сильный немецкий инвестор “Grüner und Jahr”.

Теле- и радиовещание подчинялось другим правилам в связи с государственным мандатом на лицензирование. Привлечение иностранного капитала в таких условиях было затруднено, поэтому приватизация национальных телевизионных частот проходила очень медленно. Первые инвестиции из-за рубежа начали поступать только в 1994—1995 годах, когда начался процесс лицензирования второго национального телеканала. В то же время Совет Словакии по лицензированию, защищая национальные интересы, сумел воспрепятствовать проникновению на рынок инвесторов из Америки и отдал права на вещание малой словацкой компании. Однако впоследствии это решение не было одобрено Парламентом. Американский инвестиционный капитал проник на рынок словацкого телевидения после того, как Павол Руско, прибегнув к сомнительным методам, получил территориально ограниченную лицензию на телевещание в Словакии для своего телеканала TV Markíza, а также после внедрения в Словацкую телевизионную компанию Американской СМЕ (Central European Media Enterprises Ltd.), которая через свою продюсерскую компанию инвестировала средства в развитие телевидения.

Третий этап приватизации характеризовался открытостью для иностранных инвестиций в словацкий рынок СМИ.

Эмансипация

Под «эмансипацией» мы понимаем политическое, экономическое и национальное освобождение словацких СМИ. В этом контексте данное понятие имеет три значения: политическое освобождение, экономическая независимость и национальная независимость.

Политическая эмансипация пришла вместе с утратой лидирующей позиции коммунистической партии, со смягчением цензуры и конституционным закреплением свободы слова. Поправка к Акту о прессе и иных СМИ 1990 года открыла двери для частной предпринимательской деятельности на рынке средств массовой информации. Конституционные гарантии свободы слова были закреплены

Актом Государственного совета Словакии, который 1 сентября 1992 года принял Конституцию Словацкой Республики. Этот день зафиксировал момент эмансипации словацких СМИ, а также зарождение новой системы средств массовой информации Словацкой Республики. Однако, несмотря на конституционные гарантии и демократическую систему, государство, представляемое ведущими политическими партиями, не прекращало попыток контролировать СМИ. Такие попытки продолжаются в определенной степени и до сегодняшнего дня. Экономическая зависимость СМИ от государства сменилась экономической зависимостью от рекламодателей и заинтересованных лиц.

Политизация (1994—1998 гг.)

После того как Словацкая Республика стала независимой (с 1 января 1993 года), в стране начала формироваться новая система средств массовой информации, а также новые отношения между политической сферой и СМИ. Однако информационная политика осуществлялась скорее через ряд случайных и диктуемых ситуацией решений, чем посредством последовательного, заранее составленного плана. Становилось ясно, что лидирующие государственные силы почти не уделяли внимания СМИ при разработке своей политической программы, а новые политические партии были не готовы к действиям в новой обстановке. Данная ситуация привела к усилению напряженности отношений между государством и средствами массовой информации. Причиной этого стали следующие факторы:

- практически все посткоммунистические государства, приобретшие независимость, считали СМИ подотчетными и пытались закрепить контроль над ними;
- становление нового государства всегда является сложным процессом, сопровождаемым множеством проблем; новые независимые государства — Словакия не была исключением — пытались использовать СМИ как конституционный инструмент, в результате происходило столкновение государственных интересов с основными принципами демократии;
- по причине такого отношения к национальным интересам новые независимые государства пытались сформировать иерархию и определить функции СМИ, отличные от тех, которые сформировались в государствах, не нуждающихся в борьбе за свое становление;
- отсутствие традиций демократии и правосознания, а также низкий уровень политической культуры привели к тому, что ни журналисты, ни политики не овладели «правилами игры» и сами для себя определяли принципы демократии: взгляд политика был очень узок, в то время как взгляд журналиста — слишком широк.

Более того, ведущие политические силы предприняли ряд шагов по отношению к СМИ (попытка создания министерства информации, слияния словацкого радио с телевидением, конфликт с ежедневником “Smena”, а также целый ряд столкновений между премьер-министром Мечаром и журналистами), что серьезно усугубило и без того сложную ситуацию.

Коммерциализация

Коммерциализация СМИ проходит в рамках общей коммерциализации публичного сектора. В Словакии условия для этого процесса были созданы правительством премьер-министра Микулаша Дзуринды и его неолибералистическим министром финансов Иваном Миклошем после 1998 года. В результате в секторе средств массовой информации произошли важные изменения:

- продолжение концентрации собственников;
- рационализация работы (в особенности снижение затрат на содержание штатных сотрудников путем привлечения журналистов, работающих не по найму);
- таблоидизация содержания печатных изданий с целью увеличения оборота и расширения аудитории читателей, ведущих за собой рост рекламных доходов;
- понижение качества и содержательного разнообразия СМИ;
- отказ от домашнего производства в пользу дешевых иностранных программных пакетов;
- смешение информационных материалов с развлекательными;
- смешение информационных материалов с рекламными;
- сильное влияние маркетинговых и коммерческих интересов на СМИ;
- коммерциализация публичных информационных источников [см.: Бречка, 2004].

Коммерциализация СМИ привела к частичной деполитизации информационных источников, которые, стремясь к увеличению доходов, не могли позволить себе утрату аудитории из-за своей односторонней политической ориентации. Например, в период выборов 1998 года возможно было сказать так: «Скажи мне, что ты читаешь, слушаешь и смотришь, и я скажу тебе, за кого ты станешь голосовать» — социум и средства массовой информации приобрели политическую полярность. Однако четыре года спустя ситуация изменилась — партийная лояльность СМИ исчезла. Хотя это не означает, что политические силы прекратили попытки оказания влияния на средства массовой информации для использования их в своих политических целях. В сегодняшние дни для этого необходимо прегегать к гораздо более изощренным методам. СМИ стремятся к идеологическому влиянию больше чем к политическому.

Вероятно период, когда крупные игроки из разных отраслей проявили интерес к средствам массовой информации, стал самой яркой чертой коммерциализации.

Концентрация

Словацкий рынок СМИ очень сконцентрирован. И на это есть целый ряд причин. Во-первых, такая ситуация сложилась потому, что этот рынок очень мал и не может вместить большое количество игроков — они просто не выживут в таких условиях. Вторая причина — конкуренция; некоторые практически нежизнеспособные издания, радио- и телестанции, формирующие малый рынок СМИ, не смогли бы просуществовать самостоятельно. И, в-третьих, коммерциализация привела к слиянию некоторых издательств, а также к поглощению более или менее перспективных малых компаний более крупными.

В связи с этим некоторые авторы¹ [Ondrášik, 2005, č. 4—25] уделяют внимание недостаточной эффективности существующего законодательства в предотвращении концентрации СМИ в одних руках. Акт о вещании и ретрансляции 2000 года содержит положения, ограничивающие возможность концентрации, однако непрозрачность в отношениях между собственниками средств массовой информации затрудняет его правоприменение. Таким образом, как и в других государствах со схожим законодательством, государственные меры по регулированию собственников СМИ, позволяющие сохранить их многообразие, имеют весьма незначительное влияние, и процессы концентрации, публичные или скрытые, неизбежно продолжаются.

В течение последних нескольких лет на словацком рынке СМИ сложилось несколько медиагрупп. Их позиции на данный момент нестабильны и продолжают меняться параллельно со сменой собственников и регруппировкой капитала. Самые крупные медиагруппы в Словакии — Markíza, Petit Press, Ringier, Spoločnosť 7 Plus, медиа-группа Ивана Кмотрика, J&T Enterprises.

Интернационализация

По вполне понятным причинам интернационализация СМИ в Словакии не означает их распространение за границу. Скорее наоборот — наблюдается проникновение иностранного капитала на рынок средств массовой информации. В Словакии, как и в других посткоммунистических государствах [Vajka, 1998, č. 93—99;

---

¹ Šipoš G. Vlastníctvo médií a jeho dosah na nezávislosť a pluralitu médií // Preklad: Hičárová T. Dátum originálnej verzie: 31.01.2004. http://www.ineko.sk/files/konf29102004_sipos.pdf

Gulyášová, 1998, č. 99—107; Jevsejevová, 1998, č. 114—118; Poľáková, 1998, č. 111], доля иностранного капитала увеличивалась по мере ослабления контроля над СМИ. По мнению Дьюласовой [Gulyášová, 1998, č. 104], иностранные компании не видели в центральных европейских странах источник дохода, а приходили на их рынок, во-первых, из-за низкого инвестиционного риска; во-вторых, свою роль сыграло представление о воссоединении Запада и Востока, а также о становлении прибыльного рынка в Центральной и Восточной Европе; в-третьих, бездействие в данной ситуации означало бы отставание от конкурентов; и, наконец, цены приватизированных издательских домов были очень низки.

Позднее мотивация иностранных инвесторов изменилась, и ведущая роль перешла к тщательно продуманным стратегиям и финансовым планам наряду с попытками некоторых концернов закрепить доминирующую позицию в регионе.

Стратегия, описанная Дьюласовой [Gulyášová, 1998, č. 104] и основанная на венгерском опыте, возможно, характеризует инвестиционную деятельность, направленную и на Словакию. По концепции автора, иностранные инвесторы создают либо совместные предприятия, либо дочерние компании с полным правом собственности. Первый вариант подходит для инвесторов, которые не имеют большого опыта и знаний о целевом рынке и которым необходим опытный партнер. Второй вариант предпочтителен для иностранных компаний, которые хотят закрепить высокую позицию на рынке, хорошо знакомы с его особенностями и собираются осуществить долговременный инвестиционный вклад. Инвесторы, создающие дочерние компании путем поглощения существующих издательств, в основном продолжают действовать двумя путями: они либо приобретают успешное издание и используют его позицию для закрепления на рынке, либо выкупают убыточную компанию и пытаются восстановить ее прибыльность.

Вход иностранного капитала на рынок СМИ влечет за собой как положительные, так и отрицательные последствия, отражается на экономике, культуре и политике. И, как показывают последние события, процесс проникновения иностранного капитала на словацкий рынок средств массовой информации, вероятно, еще не закончился.

Таблоидизация

Таблоидизация СМИ — далеко не новое явление, однако в Словакии этот процесс приобрел новые формы, появилась также новая публика, которая не была знакома с особенностями таблоидизации. Приглядевшись к этому процессу чуть пристальней, становится

ясно, что таблоидизация средств массовой информации — это результат коммерциализации их содержания. Информационные источники в погоне за ростом доходов адаптируют информационное наполнение, максимализируя таким образом количество читателей, слушателей и зрителей и повышая доходы от рекламы. Во времена жесткой конкуренции в содержании некоторых СМИ начинают преобладать развлекательная информация, секс и криминал; одним словом — содержание, соответствующее самым низким вкусам публики.

Ухудшающаяся экономическая ситуация на рынке ежедневных печатных изданий и усугубляющаяся конкуренция на телевизионной арене привели к новой волне таблоидизации в Словакии. Ситуация ухудшилась после того, как на рынке появился новый таблоид, и формирующее общественное мнение издание “Pravda” сменило свой формат в пользу последнего. На сегодняшний день примерно две третьих всех ежедневных печатных изданий являются таблоидными, и даже оставшаяся треть с более серьезным содержанием не может обойтись без развлекательных элементов. Коммерческие телеканалы сделали ставки на шоу-бизнес, звезд и скандалы; новостные каналы подпирают криминал и катастрофы.

За последние двадцать с небольшим лет система СМИ в Словакии прошла через сложные процессы развития под воздействием глобальных тенденций, иностранного влияния и внутрисоциальных движений. С некоторых точек зрения эти процессы не отличались от схожих процессов в других посткоммунистических странах. Хотя, безусловно, есть и особенности, обусловленные в основном разделом между чехами и словаками и разрывом объединенной системы средств массовой информации, а также экономическими и политическими особенностями. Это оказало влияние не только на процессы интеграции Словакии в европейские структуры, но и на инвестиционную привлекательность словацкого рынка, включая информационный.

СМИ, как и другие отрасли, не могут избежать влияния финансового и экономического кризиса с его моральными последствиями и пониженным доверием к капиталистическим структурам. На сегодняшний день уже ясно, что снижение доходов с рекламы приведет к дальнейшей коммерциализации, снижению затрат и сокращению рабочих мест, уменьшению количества печатных изданий и выпускаемых теле- и радиопрограмм, и, возможно, к дальнейшей концентрации и монополизации рынка СМИ. Нехватка финансовых средств ухудшит содержание средств массовой информации под влиянием таблоидизации и низкокачественной журналистики. На телевидении постоянными гостями станут дешевые домашние и иностранные телесериалы, бесконечные повторения которых, как сказал Нил Постман, развеселят нас до смерти.

Список литературы

Bajka Z. Zahraničný kapitál v poľskej tlači deväťdesiatych rokov. Otázky žurnalistiky, 42, 1998, č. 2.

Gulyásová Á. Kolonizácia médií alebo triumf trhovej liberalizácie? (Zahraničný kapitál v maďarských médiách). Otázky žurnalistiky, 42, 1998, č. 2.

Jevsejevová L. Zahraničný kapitál v ruských prostriedkoch verejných informácií. Otázky žurnalistiky, 42, 1998, č. 2.

Ondrášik B. Ako globalizácia a koncentrácia menia tvár médií a celosvetovej masmediálnej komunikácie. Otázky žurnalistiky. Roč. 48, č. 1—2 (2005).

Pol'aková I. Úspech a zlyhanie prvých zahraničných investícií do ukrajinských médií. Otázky žurnalistiky, 42, 1998, č. 2.

Поступила в редакцию
05.10.2011

ВЕДЕТСЯ ИССЛЕДОВАНИЕ

Е.Е. Замыслова, аспирантка кафедры истории русской литературы и журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: elyza-
vetazamyslova@yandex.ru

Н.В. ГОГОЛЬ О ШЛЕЦЕРЕ (СТАТЬЯ «ШЛЕЦЕР, МИЛЛЕР И ГЕРДЕР») В КОНТЕКСТЕ ЖУРНАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ 1810—1830-Х ГОДОВ

Автор анализирует исторические взгляды и особенности творческой манеры Н. В. Гоголя при создании образа Шлецера в статье «Шлецер, Миллер и Гердер», опубликованной в 1835 году в сборнике «Арабески». Высказывания Гоголя о знаменитом немецком историке конца XVIII — начала XIX века рассматриваются парно с анализом материалов о нем в отечественной периодике 1810—1830-х гг., что позволяет уточнить уровень и характер влияния отечественной периодики на Гоголя — историка и публициста, значимость его публикации о Шлецере.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, А.Л. Шлецер, М.П. Погодин, В.А. Жуковский, «Арабески», «Московский вестник», «Вестник Европы», «Московский телеграф», всеобщая история.

Author has analyzed the Gogol's historical views and the features of the creative style which were inherent to him during of creation of an image of Schlosser in the article "Schlosser, Miller and Herder", published in 1835 in the collection "Arabesque". Gogol's position relative to that famous German historian of the late XVIII — early XIX century are discussed in the context of materials about him in the national periodicals of 1810—1830's. This providing an opportunity to specify the grade of influence of national periodicals on Gogol — historian and publicist, the significance of his publication about Schlosser.

Key words: N.V. Gogol, A.L. Schlosser, M.P. Pogodin, V.A. Jukovski, "Arabesque", "Moskovski vestnik", "Vestnik Evrope", "Moskovski telegraf", universal history.

Еще довоенное отечественное гоголеведение осознало, что Н.В. Гоголь не может быть до конца понят и объективно изучен, если мы не осмыслим его творчество в контексте общего «потока европейских идеологических и эстетических исканий» [Десницкий, 1936, с. 51]. Однако в работах, рассматривающих исторические статьи молодого Гоголя, эта установка реализовывалась недостаточно активно [Айзеншток, 1952, с. 17—38; Пономарев, 1961, с. 208—233; Черепнин, 1968, с. 79—100 и др.]. Сегодня необходимость изучения гоголевских публикаций по вопросам истории в связи с их ориентированностью на труды знаменитых европейских, главным образом немецких, мыслителей конца XVIII — пер-

вой трети XIX века, а также на интерпретацию последних в материалах отечественной периодики первой трети XIX века стала совершенно очевидной и ей уделяется растущее внимание¹.

В данной работе сделана попытка максимально полно проанализировать генезис образа немецкого историка-просветителя Августа Людвиг Шлецера (Schlosser, 1735—1809) в статье Гоголя «Шлецер, Миллер и Гердер», увидевшей свет в 1835 году в «Арабесках». Сопоставление гоголевской характеристики Шлецера с высказываниями о нем, ранее прозвучавшими в отечественных журналах, дает возможность утверждать, что, работая над образом немецкого историка, Гоголь опирался на более широкий, чем считалось прежде, круг материалов отечественной периодики первой трети XIX века. Однако, естественно, писатель ничего не повторял механически. Гоголевская характеристика четко продумана и тщательно выстроена согласно основному замыслу: показать один из типов историков, являющийся составной частью портрета идеального универсального «зодчего» истории.

Статья «Шлецер, Миллер и Гердер» в известной мере программная, так как напрямую связана с грандиозным замыслом издания Всеобщей Истории «в трех <...> томах»², который молодой Гоголь вынашивал с начала 1833 года. Непосредственным же толчком к оформлению в отдельную статью размышлений о трех «великих зодчих всеобщей истории» (VIII: 85) — Шлещере, Миллере и Гердере — с точки зрения Гоголя, основоположниках ее изучения, очевидно, стало назначение Гоголя адъюнкт-профессором в Петербургский университет на кафедру Всеобщей истории, которое состоялось 24 июля 1834 года.

---

¹ Необходимость изучения творчества раннего Гоголя в указанном аспекте была еще отмечена в статье А. В. Самышкиной «Философско-исторические истоки творческого метода Гоголя» (Русская литература. 1976. № 2. С. 45). Ю. В. Манн в известной работе «Гоголь — критик и публицист» (*Гоголь Н. В. Собр. соч.*: В 7 т. М., 1978. Т. 6. С. 469—489) впервые указал на связи исторических высказываний Гоголя в «Арабесках» с идеями Гердера, Канта, Гегеля, Шеллинга. В 1999 году К. Ю. Рогов коснулся данной темы в связи с характеристикой творческих отношений Гоголя и Погодина (Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 668). В комментариях к новым изданиям «Арабесок» в 2009 году в Москве — Л. В. Дерюгиной и С. Г. Бочарова (*Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем*: В 23 т. Т. 3. С. 741 и др.), в Санкт-Петербурге — В. Д. Денисова (Гоголевские «Арабески» // Гоголь Н. В. Арабески. С. 297 и др.) указан значительный ряд материалов отечественной периодики, переключки с которыми обнаруживаются в различных текстах Гоголя-историка. Однако подобные сопоставления носят фрагментарный характер и по-прежнему остаются не систематизированными.

² *Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.*: В 14 т. Т. X. М., 1937—1952. С. 256 (Далее при цитировании по данному изданию номер тома и страницы указывается в основном тексте статьи в скобках после цитаты соответственно римскими и арабскими цифрами).

Вообще 1834 год в отношении создания публицистических текстов на исторические темы был объективно самым плодотворным для писателя — из-под пера Гоголя тогда вышло порядка 10 статей, рассматривающих различные периоды зарубежной и отечественной истории, вопросы преподавания исторических дисциплин и общие проблемы философии истории. Статью «Шлецер, Миллер и Гердер» от других, написанных в том же году, принципиально отличает то, что она писалась с целевой установкой на публикацию в сборнике «Арабески». В отличие от статей «О преподавании всеобщей истории», «Взгляд на составление Малороссии», «О малороссийских песнях» и «О Средних веках», которые до появления в составе «Арабесок» были напечатаны в «Журнале Министерства народного просвещения» (далее ЖМНП)³. Не зафиксировано также и попыток автора в какой-нибудь иной форме предварительно публично представить свои размышления о Шлещере, Миллере и Гердере. Как, например, в случае со статьями «Ал-Мамун» и «О движении народов в конце V века», которые перед включением в состав «Арабесок» были прочитаны Гоголем в форме лекций в Петербургском университете осенью 1834 года.

Таким образом, статья «Шлецер, Миллер и Гердер» — по сути, первый из сохранившихся законченных публицистических текстов на исторические темы, которые Гоголь предпочел не отдавать в периодику и вообще не предавать гласности до его появления в книжном формате. История ее публикации в некотором роде предвещает дистанцирование Гоголя от журнальной деятельности, которое отмечается в творчестве писателя после 1836 года [Прохорова, 2010, с. 24—25].

Как следует из черновых набросков оглавления «Арабесок», статью «Шлецер, Миллер и Гердер» Гоголь включил в сборник одной из последних. В первом плане книги, датированном февралем 1834 года, она отсутствует. Во втором, который писатель набросал в конце августа — сентябре 1834 года, шестая из двенадцати статей во второй части озаглавлена «Миллер, Шлецер и Гердер». Несоответствие данного названия финальному — «Шлецер, Миллер и Гердер» — позволяет предположить, что в это время Гоголь еще продолжал работать над новым текстом, его структурой.

В опубликованном варианте «Арабесок» мы видим, что Гоголь переставил статью о немецких историках с шестого, на второе место, поместив ее сразу после художественного этюда на тему всеобщей истории «Жизнь», открывающей вторую часть сборника и вовсе

---

³ План преподавания Всеобщей Истории // ЖМНП. 1834. № 2. С. 189—209; Отрывок из Истории Малороссии // ЖМНП. 1834. № 4. С. 1—15; О Малороссийских песнях // ЖМНП. 1834. № 4. С. 16—26; О Средних веках // ЖМНП. 1834. № 9. С. 409—427.

отсутствовавшей в предварительных планах книги. Такая перестановка, представляется, указывает на то, что в процессе выстраивания «Арабесок» в глазах самого Гоголя возросла значимость его рассуждения о трех историках.

Вместе с тем молодому писателю свойственна и некоторая неуверенность в ценности своих, по сути, первых историко-публицистических выступлений. Помечая в «Арабесках» статью «Шлецер, Миллер и Гердер» вместо 1834 года «1832-м», Гоголь как бы просит читателя о снисходительности к своим историческим штудиям, оправдываясь давностью написания и «молодостью» автора (VIII: 7). Такого рода сомнения сохранились у писателя до конца жизни. Переиздавая почти через 20 лет свое собрание сочинений, он включил статью «Шлецер, Миллер и Гердер» (как и ряд других статей из «Арабесок») в том под названием «Юношеские опыты» (VIII: 498).

Тем не менее обозначенные молодым Гоголем в пору интенсивных исканий идеальных подходов к изучению и преподаванию всеобщей истории в статье «Шлецер, Миллер и Гердер» авторитеты среди предшественников навсегда остались для него незабываемыми. Выбор именно Шлецера, Миллера и Гердера свидетельствует о том, что немецкая (если быть совсем точным — немецкоязычная) школа европейской исторической науки⁴ для Гоголя была ближе французской и английской⁵. Это можно объяснить его увлечением культурой и наукой Германии в целом, которое началось еще в Нежине, вероятно, во многом благодаря внимательному чтению журнала Любомудров «Московский вестник» (X: 354). И продолжилось в 1830-е годы, очевидно, не без влияния В.А. Жуковского и М.П. Погодина. Гоголь очень высоко ставил мнение Жуковского, как известно, большого знатока и ценителя немецкоязычной культуры, с которым довольно активно общался начиная с 1831 года. А основным собеседником при обсуждении вопросов истории после личного знакомства в 1832 году стал для молодого писателя историк-ученый, преподаватель и публицист — М.П. Погодин, руководствующийся трудами немецких историков в ходе преподавания всеобщей истории в Московском университете и активно занимающийся их переводом и изданием в России.

---

⁴ Правда, Иоганн Мюллер (в первой половине XIX века фамилия этого ученого в России писалась и как Миллер, и как Моллер) имеет швейцарское происхождение, но его принято считать немецким ученым, так как труды Мюллера в качестве историка большей частью связаны с Германией, где он в начале своей карьеры состоял на службе у курфюрста майнцского, а последние пять лет — в должности историографа в Берлине.

⁵ Хотя молодой Гоголь интересовался и трудами Гизо, Тьери, Галлама, Юма, Робертсона и других историков, что доказывают сохранившиеся наброски писателя по всеобщей истории и истории Средних веков, в частности, составленная им для студентов «Библиография Средних веков» (IX: 101—105).

Интересно, что в свою сравнительную характеристику Гоголь не включает еще одного немецкого историка — Арнольда Германа Людвига Геерена (Heeren, 1760—1842). Кстати, именно этого профессора истории в Гёттингенском университете называл «незабвенным своим наставником» еще И.К. Кайданов, автор, в общем, весьма достойного и единственного в то время отечественного, много раз переиздававшегося учебника, по которому юный Гоголь знакомился с всеобщей историей в Нежинской гимназии [Кайданов, 1817, с. III—IV]. Во второй половине 1820-х годов о заслугах Геерена в разработке всеобщей истории высоко отзывались и «Московский вестник», и «Московский телеграф»⁶. В первой половине 1830-х годов, главным образом, по Геерену читалась всеобщая история в высших учебных заведениях России. Например, М.П. Погодин в 1834 году начал заниматься подготовкой к печати «Лекций по Геерену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира» (М. Ч. 1—2. 1835—1836).

Несмотря на всеобщее увлечение Геереном, автором «Арабесок», была высказана весьма неоднозначная оценка немецкого ученого. В статье «Шлецер, Миллер и Гердер» Гоголь упомянул Геерена лишь один раз, причем с упреком в одностороннем подходе к материалу (VIII: 87). В письме Погодину от 2 ноября 1834 года, то есть как раз в период завершения работы над статьей для «Арабесок» [Дерюгина, Бочаров, 2009, с. 739], эта «односторонность» трактовалась Гоголем в более резких выражениях. Он заявил, что немецкий историк «далее своего немецкого носа и своей торговли ничего не видит» и что политика является у него «мимо художеств, мимо наук, мимо людей, мимо жизни, мимо нравов, мимо отличий веков» и в результате получается «черт знает, что такое». Поэтому Гоголь считал, что главный труд немецкого историка на русский и не стоило даже переводить. «Охота тебе заниматься и возиться около Геерена», — недоумевал Гоголь о погодинском переводе его книги (X: 341).

Действительно, изучение развития торговых отношений и политики во всем мире было, выражаясь современным языком, специализацией Геерена. Причем такой подход ставился обычно в заслугу ученому как его современниками, так и более поздней историографией, ведь он «первый выяснил, насколько важно изучение торговых сношений древних народов для понимания их государственного строя и гражданского быта»⁷. Возможно, несколько

---

⁶ См.: Погодин М.П. О профессорах геттингенского университета // Московский вестник. 1827. Ч. 6. № 24. С. 496; Полевой Н.А. О публикациях сочинений Геерена в Германии // Московский телеграф. 1825. Ч. 3. №. 11. С. 268—269.

⁷ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1890—1907. Т. 15. С. 235.

предвзятое мнение о чрезмерном увлечении немецкого ученого «торговым» аспектом исторического развития сложилось у Гоголя после знакомства с журнальными публикациями ряда переводных отрывков из главного труда Геерена «О Политике и Торговле Древних народов» (Гёттинген, 1824—1826). Они уже в 1826—1827 годах появились в «Московском телеграфе», «Северном архиве» и «Московском вестнике» — в них действительно историческое развитие представлялось лишь с точки зрения развития торговли⁸.

В то же время Гоголь явно понимал перспективность обращения к Геерену как к источнику, с тем, чтобы «развить и переделать его по-своему», как он писал в письме Погодину 2 ноября 1834 года (X: 342). В более позднем письме, от 14 декабря 1834 года, когда статья «Шлецер, Миллер и Гердер» была уже завершена, писатель сам признал возможность опоры на суждения Геерена в своих размышлениях на историческую тему: отмечал, что был бы рад от души, «если бы нам подавали побольше Геренов», ведь «из них можно таскать обеими руками» (X: 344).

В том же письме Гоголя Погодину можно найти косвенное объяснение его решения не выделять фигуру Геерена в статье о «великих зодчих истории». У Геерена, по замечанию русского писателя, нет «глубокого гения, чтобы стать наряду с первоклассными мыслителями» (там же). А ведь согласно идейно-композиционному замыслу статьи «Шлецер, Миллер и Гердер» характеризуются и сравниваются не столько конкретные личности историков, сколько разные типы ученых и популяризаторов исторического знания: историк-«критик» Шлецер, историк-«мыслитель» Мюллер и историк-«поэт» Гердер. Очевидно, по Гоголю, Геерен не представлял собой отдельного типа историка.

Заметим, что и в стремлении охарактеризовать различные типы историков у Гоголя были прямые предшественники. О них он мог узнать и из отечественных журналов. Например, в 1830 году в «Московском вестнике» появился отрывок «Юм» из лекции об этом крупном деятеле Просвещения в Великобритании, прочитанной французским историком первой половины XIX века Абелем-Франсуа Вильменем (Villemain, 1790—1870). В этой статье, кроме Юма, представлены еще три крупнейших исторических писателя прошлого — Макиавелли (Machiavelli, 1469—1527), де Ту (de Thou, 1553—1617) и Боссюэ (Bossuet, 1627—1704), которые, по словам автора,

---

⁸ О торговле и сношениях древних народов Средней Азии // Московский телеграф. 1826. Ч. 12. № 21. С. 5—28; Взгляд на составление торговли в Европе до Крестовых походов // Северный архив. 1827. Ч. 26. №. 6. С. 112—144. Ч. 27. №. 12. С. 328—345. Ч. 28. № 13. С. 39—65. № 14. С. 143—156. № 15. С. 255—266; Рожалин Н.М. История о древней торговле (из Геерена) // Московский вестник. 1827. Ч. 4. № 15. С. 246—276.

«заключают в себе начала трех неизмеримо различных типов»⁹ (здесь и далее курсив мой. — Е.З.). Показательно, что, как и у Вильмена, у Гоголя также выделяется три типа. Причем можно заметить черты определенного сходства в основных характеристиках Макиавелли, де Ту и Боссюэ у Вильмена и Шлецера, Миллера и Гердера у Гоголя.

Так, тип Макиавелли отличается «силой выражения» — слово Шлецера названо «всемогущим», «громовым» (VIII: 86). Макиавелли у Вильмена «пробегаёт быстрым взором прошедшее и в многообъемлющих, философических очерках собирает все разнообразные черты народа, Эпохи» так, что, например, «вся дикость средних веков сжата, так сказать, на нескольких страницах»¹⁰. Шлецер у Гоголя — «всезрящий судия», обладающий «быстрым, огненным взглядом», «удар его глаза» «могущественный», он хотел «одним взглядом обнять весь мир», «схватывает вдруг за одним взглядом», «казалось, как будто бы он силился иметь сто аргусовых глаз, для того, чтобы разом видеть сбывающееся во всех отдельных углах мира» и создать «сжатый эскиз мира» (VIII: 85—89).

Подобные соответствия обнаруживаются и в характеристиках двух других историков. «Спокойный, тихий, размышляющий» Миллер (VIII: 86) схож с де Ту, которого отличало «хладнокровие разума и спокойное чувство справедливости»¹¹. Тип Гердера, мысли которого «высоки», напоминает третьего историка из статьи о «Юме» — «высокого по своему гению» Боссюэ, история которого проникнута «мыслью о величии»¹².

Конечно, Гоголь не просто повторяет предложенные Вильменем подходы и даже некоторые конкретные определения. Многие писателем доработано и изменено в понимании и презентации различных типов историков, их характеристики поэтически обогащены. Так, из одного замечания Вильмена о «быстром взоре» Макиавелли рождается шесть вариаций на тему «взора» в гоголевской характеристике Шлецера.

В целях создания обобщающих образов-типов Гоголь, думается, намеренно отказывается от включения биографических данных о своих героях, от рассказа о жизненном пути каждого из них. Так, обходится стороной пребывание Шлецера в России, как и интерес Гердера к месту России во всемирной истории. Ничего не сказано и о том, что Гердер был учеником Шлецера в Гёттингенском университете и прошел путь от критического отношения к своему учителю до признания его авторитета в исторической науке. В «Мыслях,

⁹ М. Юм (из лекции Вильмена) // Московский вестник. 1830. Ч. 4. С. 174.

¹⁰ Там же. С. 175.

¹¹ Там же. С. 176.

¹² Там же.

относящихся к философической истории человечества» Гердер ссылается на труды и Шлецера, и Мюллера¹³.

Первым в статье представлен Шлецер, что вполне соответствует хронологии: его деятельность началась ранее деятельности двух других героев статьи. Неожиданным в представлении Шлецера в «Арабесках» оказывается другое. Гоголь специально оговаривает свою позицию, предвосхищая возможные вопросы читателей: «Может быть, некоторым покажется странным, что я говорю о Шлецере как о великом зодчем всеобщей истории» (XVII: 86). Дело в том, что фигура Шлецера традиционно рассматривалась не только в отечественной историографии, но и в периодике 1810—1830-х годов (как, впрочем, и позднее) главным образом в связи с его «Нестором»¹⁴ — сочинением, в котором немецкий ученый критически рассмотрел российские летописи. Еще в 1818 году историк А.Х. Лерберг в «Трудах Вольного общества любителей российской словесности» заявил, что Шлецер «составляет эпоху, с которой началось <...> исправление Истории Государства Российского <...> Начертанные им правила несомненны <...>. Оставив оныя из виду, вся История могла бы превратиться в собрание нелепых вымыслов»¹⁵. Это мнение развивал «Вестник Европы» в во второй половине 1820-х годов¹⁶. Уже в 1833 году глава скептической школы М.Т. Каченовский в статье «О пользе изучения российской истории в связи со Всеобщею» указывал на «великие заслуги» Шлецера именно «по части Русской истории»¹⁷. Годом позже О.И. Сенковский, в целом резко отрицательно отзываясь о критическом методе Шлецера на страницах «Библиотеки для чтения», все же признавал, что «его мнения, важность его имени и грозный тон его учености дали особое направление первым историческим трудам XIX века в России»¹⁸. Известно также, что Пушкин подробно изучал Шлецерова

¹³ Гердер И.Г. Мысли, относящиеся к философической истории человечества. М., 1977. О Шлецере см.: С. 145, 303, 318, 464. О Мюллере: С. 522, 560.

¹⁴ «Нестор. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grund Sprache» издан на немецком языке в Геттингене в 1802—1809 годах в пяти томах. На русском языке работа его в трех частях была издана в Санкт-Петербурге в 1809—1819 годах в переводе Д.И. Языкова — «Нестор. Русские летописи на Древнеславянском языке. Сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудвиком Шлецером, Надворным Советником, Доктором и Профессором Геттингенского университета и Кавалером ордена Св. равноапостольного Князя Владимира 4 степени».

¹⁵ Лерберг А.Х. Исследования, служащие к пояснению древней Российской истории // Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. СПб., 1818. № 10. С. 90, 98—99.

¹⁶ Вестник Европы. 1825. № 18. С. 90—92.

¹⁷ Каченовский М.Т. О пользе изучения российской истории в связи со Всеобщею // Ученые записки Императорского Московского университета. 1833. № 4. С. 41.

¹⁸ Сенковский О.И. Скандинавские Саги // Библиотека для чтения. 1834. Ч. 1. № 1. С. 8.

«Нестора» и в 1836 году собирался изложить свое мнение о труде немецкого историка в отдельной статье¹⁹. И лишь Погодин, комментируя отрывок из Шлецерова «Введения в Историю для детей» на страницах «Вестника Европы» в 1825 году²⁰, сожалел, что Шлецер известен в России «только объяснением Несторовой Летописи»²¹.

«Нестор» был хорошо знаком Гоголю прежде всего в связи с собственными занятиями русской историей (IX: 33 и др.). Но в своей статье 1834 года в характеристике Шлецера Гоголь явно следует альтернативному направлению изучения наследия немецкого историка, указанному Погодиным²². Видимо, вслед за ним Гоголь еще до написания статьи для «Арабесок» высказался о немецком ученом на страницах отечественной периодики именно в связи со всемирной, а не русской историей. Шлецер — единственный, кого он цитирует в статье «План преподавания Всеобщей истории» — своего рода «визитной карточке» Гоголя-преподавателя истории. В этой статье отмечалось: «Только тогда вы знаете хорошо Историю, говорит Шлецер, когда знаете ее и вдоль, и поперек, и вкось, и во всех направлениях»²³. Вероятно, здесь перефразированы (кстати, с довольно значительным изменением смысла) следующие строки из шлецерова «Представления о всеобщей истории», перевод которого издали в России в 1809 году: «Каждый род происшествий должно читать двояким образом: однажды вдоль, вперед и назад, а потом поперек, в сторону или синхроническим (единовременным) образом» [Шлецер, 1809, с. 44].

В статье из «Арабесок», как и в «Плане преподавания...», Гоголь вновь ссылается на шлецерова «Представление всеобщей истории». Отмечается, что Шлецер интересен автору в связи с разработкой всеобщей истории, несмотря на то что «мысли по этой части улеглись в *небольшой книжке*, изданной им *для студентов*». Но эта маленькая книжка (227 страниц, но в предисловии Шлецер сам называет ее «малой книгой» [там же, с. I]), по мнению Гоголя, «принадлежит к числу тех, читая которые, кажется, читаешь *целые томы*» (VIII: 86).

Необходимо подчеркнуть, что в отечественной периодике того времени в тех немногих публикациях, в которых говорилось о Шле-

---

¹⁹ Пушкин А.С. Заметки при чтении «Нестора» Шлецера // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937—1959. Т. 12. С. 207—208.

²⁰ Отдельной книгой это сочинение Шлецера в переводе Погодина вышло в двух частях в 1829—1830 годах в Москве.

²¹ Погодин М.П. Отрывок из Шлецерова введения в Историю для детей // Вестник Европы. 1825. № 19. С. 179.

²² Погодин уже во второй половине 1820-х годов читал «по Шлецеру» всемирную историю для первоначальных студентов Московского университета.

²³ Гоголь Н.В. План преподавания Всеобщей истории // ЖМНП. 1834. № 2. С. 208. Позднее «План...» был включен Гоголем в состав «Арабесок».

цере как о специалисте по всеобщей истории, принято было ссылаться на другую, значительно более крупную работу ученого «*Staatsgelahrtheit nach ihrem Haupttheilen im Auszug und Zusammenhang*» («Всемирная историю в извлечении и связи»). Она вышла в Гёттингене в 1804 году в двух частях (а задумывалась даже в трех), но не была переведена на русский язык²⁴. Молодой писатель решает апеллировать не к этому фолианту, а по сути, к брошюре, увидев в ней лаконично изложенную принципиально важную научную идею.

Анализ статьи «Шлецер, Миллер и Гердер» парно с анализом материалов на исторические темы в отечественной периодике 1810—1830-х годов позволяет предположить, что Гоголь знал и умело опирался на две переводные статьи о Шлещере 1826—1827 годов. В 1826 году «Северный архив» в уже упомянутой краткой (на 3 страницы) «Биографии Шлещера» достаточно абстрактно утверждал, что всеобщая история обязана Шлещеру «новым светом и новой жизнью»²⁵. В следующем году в «Московском вестнике» впервые в отечественной периодике Погодин озвучил идею о том, что Шлецер едва ли не прежде всех в Германии начал искать «*единства в Истории*»²⁶.

Это замечание, представляется, могло особенно запомниться Гоголю. Ведь как раз тогда, в нежинские годы, начинали складываться представления будущего писателя об истории, ее основных законах, пробуждался особый интерес к тем или иным историческим концепциям, подходам к изучению прошлого. Именно соединение «в *единство*», т.е. философский систематизм и свойственный романтикам дух универсальности, впоследствии стали главными тенденциями исторических штудий писателя, которые, как справедливо заметил Ю.В. Манн, опирались, в том числе, и на позиции профессиональных историков, прежде всего Шлещера [Манн, 1978, с. 473].

Для Гоголя заслуга Шлещера во введении идеи всемирной истории бесспорна: Шлецер «почувствовал *идею* об одном великом целом, *об одной единице*, к которой должны быть приведены и в которую должны слиться все времена и народы», — замечает он в статье «Шлецер, Миллер и Гердер» (VIII: 85). Гоголь воспроизводит утверждение о том, что «род человеческий есть *единица*», которое ранее звучало в уже упомянутом переводе «Московского вестника» из Шлещерова «Представления о всеобщей истории» под руковод-

---

²⁴ Биография Шлещера / Пер. с нем. // Северный архив. 1826. № 14—15. С. 117; Шлецер К. Август Людвиг (Соч. Герена) // Московский вестник. 1827. Ч. 4. С. 321—322.

²⁵ Биография Шлещера / Пер. с нем. // Северный архив. 1826. № 14—15. С. 117.

²⁶ Пельт Н. Понятие о всеобщей истории (Из Шлещера). С примечаниями М.П. Погодина // Московский вестник. 1827. Ч. 5. № 18. С. 175.

ством Погодина и во впервые опубликованных там же и почти тогда же «Исторических афоризмах» самого Погодина: «история должна из всего рода человеческого сделать *одну единицу*»²⁷. Эту актуально звучащую в 1820—1830-е годы установку Гоголь приводил и в своих публикациях в ЖМНП [Замыслова, 2009, с. 131].

Характеризуя шлецеровский метод критического анализа источников при изучении прошлого, Гоголь называет его «гением *оппозиционным*», всегда действовавшим «в *оппозиционном* духе». В известной мере преувеличивая, автор «Арабесок» отмечает, что Шлецер придерживался «только одного правила — *противоречить всему прежнему*» (VIII: 86). Понимание «оппозиционности» Шлецера, скорее всего, воспринято Гоголем у Геерена. Еще в 1827 году в переведенной Одоевским статье этого историка говорилось, что именно Шлецер «ввел *оппозицию* в историко-политическую литературу своего века»: «Весь он как бы создан был для *оппозиции*. Главным правилом его было: *ничему не верить, чему другие верили*, пока оно не будет доказано». Любопытно, что Геерен уточнял, что пребывание в России пробудило в Шлецере «дух противоречия»²⁸. Гоголь, заимствовав и по-своему разработав меткое геереновское суждение об «оппозиционности» Шлецера, очевидно, намеренно оставил без внимания факт ее формирования в период критического разбора российских летописей. Для реализации замысла собственной статьи писателю необходимо было дистанцировать создаваемый тип историка-«критика» от конкретной страницы биографии Шлецера.

Куда более важным, следуя поставленной задаче, Гоголю представляется необходимость уделить внимание стилю исторических высказываний первого типа историка, эпитетам, которые у Шлецера «горячи», «дерзки» (VIII: 85). В черновом варианте статьи стиль Шлецера-исследователя даже определяется как «*резкое суждение*» (VIII: 639). При характеристике слога и метода подачи материала историком, Гоголь также явно учитывал более ранние публикации о Шлецере. Так, в «Московском вестнике» 1827 года в переводной статье из Геерена отмечалась присущая Шлецеру «грубость выражений»²⁹. Ранее, в 1825 году на страницах «Вестника Европы» Погодин делал другой акцент в интерпретации резкости суждений Шлецера, замечая, что немецкий историк был способен «одним *резким* словом вкоренить в читателя» каждый век, каждое

²⁷ Там же. С. 173; Погодин М.П. Исторические афоризмы и вопросы // Московский вестник. 1827. Ч. 1. № 2. С. 109.

²⁸ Шлецер Август Людвиг (Соч. Герена) // Московский Вестник. 1827. Ч. 4. С. 317—318.

²⁹ Там же. С. 331.

происшествие³⁰. Как видим, гоголевская характеристика в данном случае ближе к мнению Погодина, который видит в шлецеровской «резкости» не стилистическую погрешность, «грубость», а эффективный способ изложения исторического материала, способный обеспечить наилучшее усвоение его читателем.

Кроме того, весьма вероятно, что в гоголевской статье могли найти отражение и суждения Жуковского о шлецеровском методе подачи материала. О них можно судить, например, по письму Жуковского А.И. Тургеневу в 1810 году, в котором отмечалось, что слог немецкого ученого «приятен не искусством писателя, но тою твердою логикой и тою экономическою *краткостью*, благодаря которым мысли его представляются *вдруг, ярко и в связи, рассудку читателя*»³¹.

Как видим, Гоголь хорошо ориентировался в современном ему журнальном дискурсе на темы истории в целом. Но именно оценки Погодина оказывают особое влияние на Гоголя при подготовке статьи, одним из героев которой стал Шлецер. Гоголь явно не только как читатель-любитель интересовался сочинениями Погодина, но и использовал сказанное им в своей статье. Так, в «Вестнике Европы» в 1825 году Погодин восхищался гениальным умением немецкого историка соединять *«воображение пламенное»* с *«критикой строжайшею, даже мелочною, с ученостью страшною»*³². В созданной Гоголем характеристике Шлецера подчеркивалось, что он соединяет в своем методе строгую аналитичность (он *«резал и делил на массивные части, располагал и отделял народы таким же образом, как ботаник распределяет растения по известным ему признакам»*) с яркостью выражения, «всемогущим словом», от которого у читателя *«собственное воображение горит»* (VIII: 86). Показательно, как Гоголь развивает намеченный погодинским образом слово «воображение». Автор «Арабесок» говорит уже не просто о воображении Шлецера (как у Погодина), а о «собственном» читательском, которое будто воспламеняется от шлецеровского, представляющего Гоголю а priori «пламенным».

³⁰ Погодин М.П. Отрывок из Шлецерова введения в Историю для детей // Вестник Европы. 1825. № 19. С. 180.

³¹ Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 59. Шлецеру, действительно, особенно удавались яркие, лаконичные зарисовки прошедшего, в которых эпохи в сжатом виде проходили перед читателем одна за другой, что остро выявляло отличительные черты каждой из них. Именно такой эффект достигается, например, в историческом рассуждении Шлецера «Взор на прошедшее, настоящее и будущее», перевод которого был опубликован в «Вестнике Европы» еще в 1808 году, когда журнал редактировал Жуковский (Вестник Европы. 1808. № 3. С. 242—258).

³² Погодин М.П. Отрывок из Шлецерова введения в Историю для детей // Вестник Европы. 1825. № 19. С. 179.

По точному замечанию Е.И. Анненковой, Погодин во многом был для Гоголя тем историком, который собирал и систематизировал исторические источники и тем самым готовил «материал» для писателя [Анненкова, 1992, с. 7]. Выявленные нами переключки показывают, что влияние Погодина еще более заметно в специальных статьях Гоголя на исторические темы, чем в его художественных произведениях.

И все же высказывания Гоголя о Шлецере весьма значимы. Ведь автор статьи «Шлецер, Миллер и Гердер» ничего не повторял механически, по-своему решая поставленную им задачу — создать емкий и запоминающийся образ Шлецера как одного из типов «зодчих всеобщей истории» и, более того, одного из типов профессиональных историков в целом. Для создания же универсального идеального историка, по мысли автора, мало даже соединить основные достоинства Шлецера, Миллера и Гердера, необходимо еще добавить к ним талант «драматического искусства» Шиллера, «занимательности рассказа» Вальтера Скотта, а также «шекспировское искусство развивать крупные черты характеров» (VIII: 89).

Гоголевская оценка Шлецера очень высока. Но при этом тип этого историка, как и другие, представленные в статье, не идеален. Например, автор «Арабесок» посчитал необходимым подчеркнуть некоторые недостатки авторской манеры Шлецера: его мысль-молния³³, «почти вдруг блещущая то там, то здесь» освещает предметы «в ослепительной ясности, но «на одно мгновение» (VIII: 85). Это, несомненно, говорит о стремлении Гоголя к объективности.

Итак, создавая образ Шлецера в статье для сборника «Арабески», Гоголь опирался на более широкий, чем это было принято считать до сегодняшнего дня, круг материалов прежде всего периодической печати 1820-х — первой половины 1830-х годов. Это говорит о том, что во второй половине 1830-х годов Гоголь как автор исторических статей был достаточно серьезно включен в научно-публицистический дискурс, причем, скорее всего, не без помощи хорошо в нем ориентировавшегося ученого-историка, писателя и журналиста М.П. Погодина. Однако автором, действовавшим в данном отношении вполне по-журналистски, генетические связи статьи «Шлецер, Миллер и Гердер», влияние на нее публикаций предшественников не были зафиксированы. Хотя можно увидеть

---

³³ Сравнение с молнией, скорее всего, вновь восходит к Погодину, который восхищался «молниеобразной мыслью в истории Шлецера» еще в 1823 году, когда, закончив университет, продолжил изучать труды западных историков по всеобщей истории (Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 1. СПб., 1888—1910. С. 233). И позднее, уже на страницах «Вестника Европы» Погодин отмечал, что мысль Шлецера в историческом мире «летала молнией от одного полюса до другого» (Погодин М.П. Отрывок из Шлецерова введения в Историю для детей // Вестник Европы. 1825. № 19. С.180).

в таком подходе и проявление известной амбициозности Гоголя-историка.

Вероятно, последнее в определенной мере и спровоцировало молчание или неодобрительные отклики профессиональных историков и журналистов на выход в свет сборника «Арабески», причем, главным образом, именно в адрес «учености» статей. Так, Погодин не откликнулся даже на просьбу Гоголя отозваться на выход его историко-литературного сборника в каком-нибудь журнале. «Твое слово мне поможет», — писал ему в письме Гоголь (X: 348). Промолчал о статьях в «Арабесках» и С.П. Шевырев, хотя высоко оценил в руководимом им критическом отделе «Московского наблюдателя» одновременно изданный Гоголем сборник «Миргород», особенно историческую повесть «Тарас Бульба». В свою очередь Белинский сразу после выхода «Арабесок» высказал резкое недовольство «учеными» статьями Гоголя в целом, и, что особенно интересно, рассматриваемой нами статьей в частности. «Я не понимаю, как можно так необдуманно компрометировать свое литературное имя. Неужели сравнение Шлецера, Миллера и Гердера, ни в каком случае не идущих в сравнение, <...> ученость?..», — писал критик в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» [Белинский, 1953, т. 1, с. 307]. Ученость «не далась великому писателю» и по мнению О.И. Сенковского. Он выступил с резкой критикой «Арабесок» в февральском номере «Библиотеки для чтения» за 1835 год под известным псевдонимом «барон Бромбеус», назвав сборник Гоголя «полной мистификацией наук, художеств, смысла и русского языка»³⁴.

Отчасти в результате влияния негативных оценок современников на формирование в отечественной исторической науке репутации Гоголя как в общем неудавшегося историка-ученого и преподавателя, его характеристика Шлецера почти не попадала в поле зрения российских историографов как дореволюционного, так и постреволюционного периода. Но ведь недаром в 1842 году Белинский переменил свое отношение к научным статьям молодого Гоголя. В письме к писателю он подчеркивал: «Во время оно я с жестокою запальчивостью изрыгнул хулу на ваши в “Арабесках” статьи ученого содержания, не понимая, что тем изрыгаю хулу на духа. Они были для меня слишком просты, а потому и неприступно высоки»³⁵. Критик назвал статью «Шлецер, Миллер и Гердер»

---

³⁴ Литературная летопись. 1835. Февраль. Новые книги // Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. С. 10, 12.

³⁵ Белинский В.Г. Письма. Т. 2. СПб., 1914. С.309.

среди «превосходных критических статей» из «Арабесок», хотя и не конкретизировал, чем она ему теперь нравилась³⁶.

Учитывая все вышесказанное, представляется обоснованным считать статью Гоголя достаточно значимым фактом развития научно-популярной публицистики на актуальные исторические темы, произведением, в котором Гоголь сумел обобщить сказанное о Шлецере в современной журналистике и тем самым в известной мере «помочь» читателю. Написанная для сборника «Арабески» статья «Шлецер, Миллер и Гердер» благодаря данной Гоголем достаточно объективной и одновременно поэтически яркой характеристике Шлецера, должна была способствовать росту интереса к фигуре этого немецкого ученого среди довольно широкой аудитории, к которой была обращена книга писателя. Причем формировалось внимание к Шлецеру именно в связи с его вкладом в разработку всеобщей, а не российской истории, что ставило довольно необычные акценты в рецепции Шлецера в России.

Список литературы

Айзеншток И.Я. Н.В. Гоголь и Петербургский университет // Вестн. Ленингр. ун-та. Серия общественных наук. 1952. № 3.

Анненкова Е.И. Н.В. Гоголь и М.П. Погодин. Эволюция творческих отношений // Н.В. Гоголь. Проблемы творчества. СПб., 1992.

Дерюгина Л.В., Бочаров С.Г. Комментарии // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т.3. М., 2009.

Десницкий В.А. Задачи изучения жизни и творчества Гоголя // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Т. 2. М.; Л., 1936.

Замыслова Е.Е. Н.В. Гоголь в «Журнале Министерства народного просвещения»: историк, преподаватель, публицист // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2009. № 2.

Кайданов И.К. Руководство к познанию всеобщей политической истории. СПб., 1817.

Манн Ю.В. Гоголь — критик и публицист // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1978.

Пономарев А.М. Н.В. Гоголь как историк // Н.В. Гоголь (к 150-летию со дня рождения) // Учен. зап. Черновицкого гос. ун-та. Серия филол. наук. 1961. Т. 43. Вып. 12.

Прохорова И.Е. Н.В. Гоголь и периодика его времени. М., 2010.

Черепнин Л.В. Исторические взгляды Гоголя // Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968.

Шлецер А.Л. Представление Всеобщей истории. СПб., 1809.

Поступила в редакцию
10.11.2011

---

³⁶ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М., 1953. С. 579.

М.А. Семкин, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина;
e-mail: maxsiomkin@mail.ru

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ В ТЕХНОЛОГИИ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН (на примере отражения грузино-осетинского конфликта в российских и англоязычных СМИ)

Настоящая статья ставит целью изучение лингвистических способов информационного воздействия на общественное мнение во время военных конфликтов. Отмечается, что информационное противостояние — это направленное воздействие на целевую аудиторию с помощью текстов, в которых интерпретация одних и тех же событий прямо противоположна. Анализируются методы и приемы информационной войны, сопровождавшие военные действия 2008 года в Южной Осетии. В предлагаемой работе анализ политического дискурса строится на использовании потенциала лингвистики с привлечением методологии смежных наук.

Ключевые слова: дискурс, политический комментарий, массовая коммуникация, манипуляция сознанием.

The paper aims at revealing linguistic ways and means of informational impact on public opinion accompanying military conflicts. It is stated that informational confrontation presupposes purposeful impact on target audience by means of texts that interpret the same events in the opposite ways. Georgia-Ossetia war of 2008 is analyzed. The analysis of the political discourse in the article is made involving potential of linguistics and overlapping sciences.

Key words: discourse, political comment, mass communication, manipulation of consciousness.

Для «информационной цивилизации» проблематика речевого воздействия СМИ на сознание человека в контексте вооруженных межгосударственных конфликтов является актуальной и востребованной в силу ряда причин. Современный мир нестабилен: в разных его регионах идут локальные войны, получающие неоднозначное освещение в СМИ. Становится очевидным, что наряду с военными действиями осуществляется информационное противоборство, которое является не только неотъемлемой частью военизированного конфликта, но по причиняемому ущербу может быть сопоставимо с боевыми операциями. Существенно важным является то обстоятельство, что если театр военных действий локально ограничен, то информационное противодействие рассчитано не только на противоборствующие стороны, но и благодаря техническим возможностям современных СМИ на самые широкие круги мировой общественности.

Исход противостояния интересов в современном мире в значительной степени определяется эффективностью технологий ведения информационной борьбы (войны), что объясняется тем, что, живя в обществе, человек мыслит и действует во многом на основе предпосылок и представлений, ценностей, взглядов и мнений, настойчиво внушаемых ему средствами массовой информации. Если реальная война предполагает захват и контроль физических объектов противника, то информационная война нацелена на управление сознанием, установками и действиями широких масс людей. Согласно Г.Г. Почепцову, информационная война — это коммуникативная технология воздействия на массовое сознание с целью внесения изменений в когнитивную, а затем и в поведенческую структуру человека [Почепцов, 2000а].

В лингвистическом понимании любая коммуникативная технология основывается прежде всего на слове, предложении, тексте. Иными словами, информационная война — это направленное воздействие на целевую аудиторию с помощью текстов, в которых интерпретация одних и тех же событий прямо противоположна.

Как известно, дискурс — та среда, в которую помещается текст¹. С нашей точки зрения, дискурс политического комментария заслуживает специального рассмотрения, поскольку предполагает возможность субъективной интерпретации событий, существенно отличающейся от объективной картины происходящего, что ведет к существенному расхождению между текстом как таковым и его дискурсивной направленностью. На этом, собственно, и строится тенденциозное освещение и комментирование событий. Следовательно, важно понять языковые механизмы ведения информационных войн и уметь противодействовать их манипулятивному воздействию.

Изучаемое нами явление многоаспектно и для более адекватного описания требует привлечения данных разных наук. В частности, анализ информационной сферы требует привлечения понятийного аппарата социолингвистики и теории массовых коммуникаций.

Анализ контента показывает, что одним из важнейших приемов ведения информационной войны является *тенденциозно направленный подбор информации*, позволяющий решать такие задачи, как *фокусировка общественного внимания* (agenda setting process [Lippmann, 1997; McCombs et al., 1997]), *создание информационных барьеров* (gatekeeping [Lewin, 1947]), *формирование у общественности определенного представления о событиях* (spin-doctoring [Почепцов, 1999]). В работах Г.Г. Почепцова прием целенаправленного подбора ин-

---

¹ Арутюнова Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136—137.

формации описывается как размещение объекта в информационном поле нужной стороной и в нужное время [Почепцов, 2000б].

Анализ научных работ, рассматривающих информационный фон локальных войн: операций НАТО в Ираке [Бушев, 2004, с. 280—298], Югославии², российской военной кампании в Чечне [Жуков, 2002; Кольцова, 2002, с. 135—138], грузино-осетинского конфликта 2008 года [Красильникова, 2008; Жаров, Шервяков, 2009; Шарманова, 2009], дает основание сделать вывод о том, что практически всякий раз военные действия сопровождались не только серьезным информационным противостоянием, но и определенной технологией воздействия на массовое сознание.

В качестве примера информационной войны рассмотрим военный конфликт 2008 года в Южной Осетии, во время которого западные массмедиа, поддерживавшие в своих публикациях (материалах) позицию грузинской стороны, прибегали к разного рода приемам, выгодно представлявшим грузинскую точку зрения. Специально созданные сообщения СМИ имели своей целью широкий общественный резонанс.

С самого начала конфликта стало очевидным, что события в Осетии освещаются мировыми СМИ неадекватно. Большинство репортажей отражали внешнеполитические цели США, поддерживаемые другими западными странами, и были направлены на создание негативного образа России как агрессора, угрожающего интересам Запада в регионе³.

Рассмотрим приемы информационного воздействия в текстах политических комментариев, относящиеся к периоду грузино-осетинского конфликта.

Классический пример *создания информационных барьеров* (gate-keeping) заключается в том, что в течение трех дней с начала грузинских бомбардировок осетинских городов и сел мировые СМИ намеренно не давали об этом никакой информации. Впоследствии на заседании Валдайского клуба⁴ В.В. Путин отметил чрезвычайно слаженную работу западной прессы по умолчанию факта грузинской агрессии.

Скрыв факт защиты российской стороной народа Южной Осетии от грузинской агрессии, все иностранные медиаисточники объявили военные действия России захватническими, сфокусиро-

---

² См.: Данилова А.А. Косово 1999, или об одном приеме манипулирования сознанием в СМИ. <http://www.adanilova.ru/2008/03/16/kosovo-1999-ili-ob-odnom-prieme-manipulirovaniya-soznaniem-v-smi/>

³ Cyber-guerres. <http://www.centpapers.com/cyber-guerres/34642> (14.09.2010).

⁴ Председатель Правительства России В.В. Путин встретился с членами международного дискуссионного клуба «Валдай». <http://government.ru/archive/archive/2008/09/11/8225672.htm> (11.09.2008).

вав на них общественное внимание (agenda setting). Это позволило им расставить акценты понимания ситуации таким образом, что Россия выступила агрессором: “*The British, Swedes and most east Europeans have loudly condemned Russia’s aggression*”⁵ («Британия, Швеция и большинство восточноевропейских стран резко осудили российскую агрессию»). Внимание общественности было сосредоточено на том, что Россия вторглась на территорию суверенного государства: “*Russia’s military humiliation of Georgia and its stand off with America have unsettled the region*”⁶ («Россия “военно унизила” Грузию и разорвала отношения с Америкой, что нарушило спокойствие в регионе»).

Целью такой заведомо искаженной фокусировки общественно-го внимания являлось создание позитивного образа малой страны, отстаивающей свои демократические позиции (Грузия) и подавляемой сильной страной (Россией), что подразумевало формирование у общественности определенного позитивного представления об объекте описания (spin-doctoring). Актуализация оппозиции «сильный» — «слабый» в трактовке сути военного конфликта двух стран, провоцируемого сильной стороной, должно было вызывать однозначно негативную реакцию массовой аудитории по отношению к сильной стороне.

В лингвистическом аспекте приемы фокусировки общественного внимания и спиндокторинг основываются, по нашему мнению, на особом наименовании (номинации) реалий действительности. Так, действия России в Грузии были интерпретированы западными СМИ как «агрессия», «военное унижение Грузии». В подобных оценках наличествовала негативная коннотация. В результате действия Грузии, начавшей войну, получали определение “*adventure*”⁷ («авантюра»); военная кампания страны определялась как “*intention on asserting authority over South Ossetia and Abkhazia*”⁸ («намерение установить контроль над республиками Южной Осетии и Абхазии»). Отметим попутно, что лексема “*adventure*”, выражение “*intention on asserting authority*” сами по себе лишены какой бы то ни было экспрессии и негативной коннотации и поэтому не влекут за собой осуждения или порицания действий Грузии. На этом примере можно видеть, каким образом приемы agenda setting и spin doctoring, осуществляемые посредством номинации, оказывали влияние на общественное мнение.

---

⁵ Treaty Gamesmanship // The Economist. 2008. 23 August.

⁶ Russia’s Central Asian Underbelly Rumbles Queasily // The Economist. 2008. 30 August.

⁷ Europe Stands Up to Russia // The Economist. 2008. 6 Sept.

⁸ Russian Warplanes Target Georgia. <http://edition.cnn.com/2008/WORLD/europe/08/09/georgia.ossetia/index.html> (09.08.2008).

Указанные приемы используются комбинированно: например, прием создания информационных барьеров может применяться совместно с приемом дезинформирования (искажения информации). Так, в приводимом ниже комментарии представлялась точка зрения Грузии, в то время как позиция России намеренно умалчивалась: “*Georgia is a peace-loving nation, but today we have been attacked from North to South, East to West*”⁹. («Грузия — миролюбивая нация, но сегодня нас атакуют с юга на север и с востока на запад»). При этом западные СМИ не транслировали прямые высказывания представителей Южной Осетии и политического руководства России. Зато президент Грузии появлялся на экране много раз и его речь на английском языке (без искажений перевода) доходила до всего мира.

Прием дезинформирования (нарушение критериев истинности высказывания) основывается на нарушении референции, т.е. соотнесенности высказывания с объектами действительности. Вопрос восстановимости истинных связей текста политического комментария с действительностью обуславливается тактикой искажения денотата, которая может производиться как на уровне всего события, так и на уровне его элементов: “*You know, how well the moment was chosen [by Russia to attack Georgia], look at it. You know, there are Olympic Games, nobody cares about politics. There is a U.S. election, of course, internal politics consumes everything.*”¹⁰ («И как удачно Россией был выбран момент [для нападения на Грузию]! Олимпийские игры, никто не думает о политике. В США выборы, внутривнутриполитические дела поглощают все внимание»).

Информационное противостояние предполагает также создание вокруг атакуемого объекта такой информационной среды, в которой вся представляемая аудитории информация однозначно негативна. Так, в показе грузино-осетинского конфликта 2008 года активизация образа России как врага была доведена до стадии холодной войны. Это достигалось за счет использования еще одного приема информационной войны — «демонизации» образа противника. Внимание общественности специально акцентируется на жертвах войны. Причем о потерях Южной Осетии и Абхазии сообщается вскользь: “*1,600 killed in fighting*” («В боях погибли 1600 человек»). Но когда речь заходит о жертвах с грузинской стороны, человеческий масштаб трагедии передается в явно преувеличенном объеме с использованием экспрессивной лексики, с подробным описанием страданий мирных жителей [Данилова, 2009]: “*Russian*

---

⁹ President of Georgia Mikheil Saakashvili met foreign journalists. http://www.president.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=227&info_id=2455 (11.08.2008).

¹⁰ Official Statements on Russia-Georgia Conflict. Mikhail Saakashvilli and Mikhail Gorbachev — SRAS — The School of Russian and Asian Studies. http://www.sras.org/statements_on_russia_georgia_conflict_3 (11.09.2008).

forces have been specifically targeting **civilian quarters**, they have specifically attacked and blew up the whole **civilian quarter** in the town of Gori, far away from the place where conflict area is and where is direct friction between forces are. They've attacked installations in the western part of Georgia, they've attacked **residential quarters** all around the country, they've attacked **civilian hospitals** and there are casualties. Most of casualties are among **civilians**"¹¹ («Российские войска бьют прямой наводкой по гражданским кварталам, они специально атаковали и стерли с лица земли целый квартал с гражданским населением в Гори, вдали от зоны конфликта. Они атаковали военные сооружения в западной части Грузии, кварталы с мирным населением по всей стране, гражданские больницы; есть много жертв. Большая часть жертв — среди гражданского населения»).

Очевидно, что подобного рода сообщения нацелены на пробуждение естественной жалости к жертвам противостояния и помогают сформировать определенное отношение мировой общественности к сторонам конфликта. Однонаправленный характер оценки ситуации наблюдаем и в следующем комментарии: "*Civilian European monitors [should] protect Georgian villagers from South Ossetian militias*"¹² («Гражданские наблюдатели из Европы должны защитить жителей грузинских деревень от юго-осетинских ополченцев»).

При этом активно используются вербальные и графические иллюстрации. К вербальным иллюстрациям относятся показания «очевидцев», носящие ложный или не типичный характер. "*Georgians always helped me and I don't feel any pressure now,*" says a South Ossetian woman who got trapped in Gori after the Russian attack"¹³ («Грузины всегда мне помогали и я не чувствую с их стороны никакого давления», — говорит южноосетинская женщина, которая оказалась в Гори после атаки русских»). Этот комментарий вызывает большие сомнения, учитывая напряженный характер взаимоотношений между Грузией, Абхазией и Южной Осетией в последние годы¹⁴. Тем самым можно сделать вывод, что характер этого высказывания далек от истины, но это не мешает ему воздействовать на мнение аудитории.

Визуальный ряд также имеет большое значение. Так, во время конфликта появлялись фальсифицированные репортажи и фотографии из Гори, свидетельствующие о вине России; была создана несуществующая спутниковая карта «пожаров» грузинских сел

¹¹ President of Georgia Mikheil Saakashvili met foreign journalists. http://www.president.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=227&info_id=2455 (11.08.2008).

¹² Europe Stands Up to Russia // The Economist. 2008. 6 Sept.

¹³ A Scripted War // The Economist. 2008. 16 August.

¹⁴ Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. 2009. September. Vol. 2. P. 66—74.

и т.д. Представляя стороны конфликта, канал CNN показывал невооруженных резервистов, призванных к службе в Грузии и хорошо вооруженных русских солдат. Это также создавало имидж России как агрессора. Формировалась зрительная ассоциация: русские и осетины олицетворяют жестокость, грузины и их союзники символизируют незащищенное гражданское население.

В конечном счете, упомянутые приемы манипулятивного воздействия приводят к формированию у аудитории мифов, произведенных в интересах определенных политических групп. В частности, подобные «технологии обмана» (Я.Н. Засурский) помогли Грузии, в отличие от России, добиться поддержки ряда влиятельных международных организаций и части мировой общественности. Рядовому гражданину было невозможно получить правдивый отчет о событиях. Для восстановления истины понадобились аргументированные выступления российских руководителей, а также работа специальной международной комиссии по расследованию обстоятельств грузино-осетинского конфликта. И только тогда международное сообщество смогло узнать правду: *“Two months after the brief but bloody war in the Caucasus [with Georgia] which was overwhelmingly blamed on Russia by western politicians and media at the time, a serious investigation by the BBC has uncovered a very different story”*¹⁵ («Два месяца спустя после короткой, но кровопролитной войны на Кавказе, вину за которую западные политики и СМИ всецело возлагали на Россию, серьезное расследование BBC раскрыло совсем другую картину») // *“Tbilisi launched indiscriminate assault on South Ossetia”*¹⁶ («Тбилиси осуществил нападение на Южную Осетию»).

Независимое международное расследование¹⁷, инициированное Евросоюзом, установило вину Грузии как агрессора, начавшего войну. Это дает основание утверждать, что многочисленные сообщения западных СМИ являлись ложными (искаженными). Международное сообщество признало вину Грузии, но примененные информационные приемы уже повлияли на массовое сознание, сформировав определенные стереотипы в отношении сторон конфликта: для значительной части мирового общественного мнения Россия оказалась в роли агрессора.

Исходя из сказанного, можно сделать ряд выводов.

1. Информационные технологии становятся важнейшей составной частью современной мировой политики, особенно в ситуации

---

¹⁵ Milne S. The Truth about South Ossetia // The Guardian. <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/oct/31/russia-georgia> (31.10.2008).

¹⁶ Traynor I. Georgian president Mikheil Saakashvili blamed for starting Russian war // The Guardian. 2009. 30 Sept.

¹⁷ Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. 2009. September. Vol. 2. P. 66—74.

военного конфликта. Любое значимое событие рассматривается аудиторией на определенном информационном фоне. Контент, передаваемый СМИ, обладает гораздо большей силой, чем это было ранее: быстрое действие и широкое распространение социальных сетей значительно увеличило мощь информационного оружия.

2. Феномен информационной войны должен рассматриваться всесторонне на интегративной основе, с привлечением инструментария различных наук, и прежде всего лингвистики. Именно лингвистика раскрывает сущность и способы манипулятивного воздействия, так как средствами языка воссоздается и конструируется информационный аналог (или псевдоаналог) реальной действительности. Несмотря на многоканальность передачи информации (видеоряд, звукоряд, фотографии), информационные войны — это в первую очередь обмен текстами. Язык может являться выражением как правды, так и неправды. Отклонение от истины реализуется прежде всего средствами языка, так как именно язык является ведущим средством коммуникации.

3. Манипулирование в дискурсе политического комментария во многом происходит на уровне номинации реалий.

4. В случаях отклонения от истины адресат сталкивается не с объективным описанием действительности, а с вариантами ее субъективной интерпретации, когда манипулятор посредством целенаправленной системы лингвopsихологических приемов незаметно внедряет в сознание аудитории нужную ему картину действительности.

Список литературы

Бушев А.Б. Риторический анализ пabлик рилейшнз Пентагона при освещении военной операции в Ираке (2004) // Сб. науч. трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004.

Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, Изд-во «КДУ», 2009.

Жаров М., Шервяков Т. Хроники информационной войны. Серия: Войны. М.: Европа, 2009.

Жуков И.В. Критический анализ дискурса печатных СМИ: Особенности освещения Северокавказского конфликта 1998—2000 гг.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002.

Кольцова О.А. СМК, войны и терроризм в электронном обществе (на примере Чечни) // Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах» — «Коммуникация-2002» (“Communication Across Differences”) Ч. 1. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002.

Красильникова Н.А. Российско-грузинская война в дискурсе общественности на интернет-сайтах Великобритании // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2008. Вып. (3) 26.

Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Рефл-бук, 1999.

Почепцов Г.Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. М.: Рефл-бук, 2000а.

Почепцов Г.Г. PR для профессионалов. М.: Рефл-бук, 2000б.

Техника дезинформации и обмана / Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Мысль, 1978.

Шарманова О.С. Грузино-российские отношения в зеркале вторичной не прямой номинации (на примере освещения военного конфликта 2008 в немецкоязычных СМИ) // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2009. Вып. 2 (28).

Lewin K. Frontiers in Group Dynamics // Human Relations. 1947. Vol. 1. N 2.

Lippmann W. Public Opinion. Free Press, 1997.

McCombs M.E., Shaw D.L., Weaver D.L. Communication and Democracy: Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda-Setting Theory. Mahwah, N.J. Lawrence Erlbaum, 1997.

Поступила в редакцию
15.05.2011

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» регулярно издается, периодичность выпуска 6 раз в год. Содержание журнала с 2000 г. формируется по тематическому принципу исходя из актуальных запросов современности.

В журнале представлены все направления исследований факультета журналистики, есть рубрики для апробации диссертационных исследований — «Ведется исследование» и «Дискуссия».

Авторы статей — преимущественно ведущие ученые (профессора, доценты, доктора и кандидаты наук) факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, но редакция рассматривает и принимает к публикации на основе положительных рецензий рукописи авторов и из других вузов Российской Федерации.

Плата за публикации в «Вестнике Московского университета. Серия 10. Журналистика» не взимается.

Журнал имеет институт рецензирования. Члены редколлегии являются кураторами рецензирования по научным направлениям, рецензии хранятся в редакции и предоставляются по требованию авторам рукописей.

Журнал имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете (для подписчиков), включен в систему Российского индекса научного цитирования, оформляется в соответствии с требованиями ВАКА.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объем рукописи до 20 страниц (12 кегель, интервал 1,5, включая иллюстрации);
- поля 2,54×3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

Требования к форме предоставления статей:

- текст представляется в формате RTF на адрес электронной почты редакции: vestnik_journ@mail.ru;
- схемы и иной иллюстративный материал необходимо сохранить отдельными файлами;
- необходима аннотация (3—5 предложений) на русском и английском языках;
- наличие списка ключевых слов после аннотации на русском и английском языках;
- примечания оформляются в виде подстраничных сносок. Через подстраничные сноски также оформляются ссылки на:
  - периодику (газеты, журналы общего интереса)
  - интернет-источники
  - художественную и деловую литературу
  - словари, справочники, отраслевые доклады
- пристатейные библиографические списки (список литературы) у всех статей в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования. Список литературы дается сразу после статьи — без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов.

В список литературы включаются:

- монографии
- сборники научных статей
- учебники и учебные пособия
- научные статьи, опубликованные в научных журналах и сборниках

В список литературы вносятся только источники, на которые есть ссылка в тексте статьи.

При этом в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с.125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [ibid, p.123] для иностранных источников.

— данные об авторе (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и иных сведений.

Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 0201—7385. ISSN 0320—8079.
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 10. ЖУРНАЛИСТИКА. 2012. № 2. С. 3—176.

УЧРЕДИТЕЛИ:

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет журналистики МГУ*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор научного периодического издания ЗАСУРСКИЙ Ясен Николаевич, профессор, доктор филологических наук, президент факультета журналистики МГУ, заведующий кафедрой зарубежной журналистики и литературы

Первый заместитель главного редактора ВАРТАНОВА Елена Леонидовна, профессор, доктор филологических наук, декан факультета журналистики МГУ, заведующая кафедрой теории и экономики СМИ

Заместитель главного редактора ЩЕПИЛОВА Галина Германовна, доцент кафедры теории и экономики СМИ, кандидат филологических наук, заместитель декана факультета журналистики МГУ по науке

Ответственный секретарь МАКЕЕНКО Михаил Игоревич, доцент кафедры теории и экономики СМИ, кандидат филологических наук

БОГОМОЛОВ Николай Алексеевич, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой литературно-художественной критики и публицистики

ГОРОХОВ Владимир Маркович, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью

ЕСИН Борис Иванович, профессор, доктор филологических наук

КОЛОМИЕЦ Виктор Петрович, профессор, доктор социологических наук, и.о. заведующего кафедрой социологии журналистики

ОРЛОВА Екатерина Иосифовна, профессор, доктор филологических наук,

и.о. заведующего кафедрой истории русской журналистики и литературы

МИНАЕВА Ольга Дмитриевна, доцент, кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой истории и правового регулирования отечественных СМИ

СОЛГАНИК Григорий Яковлевич, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой стилистики русского языка

ШКОНДИН Михаил Васильевич, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой периодической печати

ЛЯЩУК Ольга Ростиславовна, доцент, кандидат филологических наук, и.о. заведующего кафедрой редакционно-издательского дела и информатики

БАКУЛИН Олег Александрович, доцент, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой техники газетного дела и средств информации

ЗАСУРСКИЙ Иван Иванович, доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой новых медиа и теории коммуникации

ГРИНБЕРГ Татьяна Эдуардовна, доцент, кандидат филологических наук

Редактор М.Л. БАЛАШОВА

Технический редактор Н.И. Матюшина

Корректоры Г.Л. Семенова, В.В. Конкина

Адрес редакции:

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7

Тел. 697-31-28, 629-37-80

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации № 1556 от 14 февраля 1991 г.

Сдано в набор 30.03.2012. Подписано в печать 25.05.2012.

Формат 60×90/16. Бумага офс. № 1. Гарнитура Таймс.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 10,78.

Тираж экз. Изд. № 9524. Заказ №

Ордена “Знак Почета” Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Типография МГУ.

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

ИНДЕКС 71010 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 39333 (каталог «Пресса России»)

ISSN 0201—7385
ISSN 0320—8079

ISSN 0201—7385. ISSN 0320—8079.
Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2012. № 2. 1—176.

Основная тема номера:

Литературный процесс и журналистика
